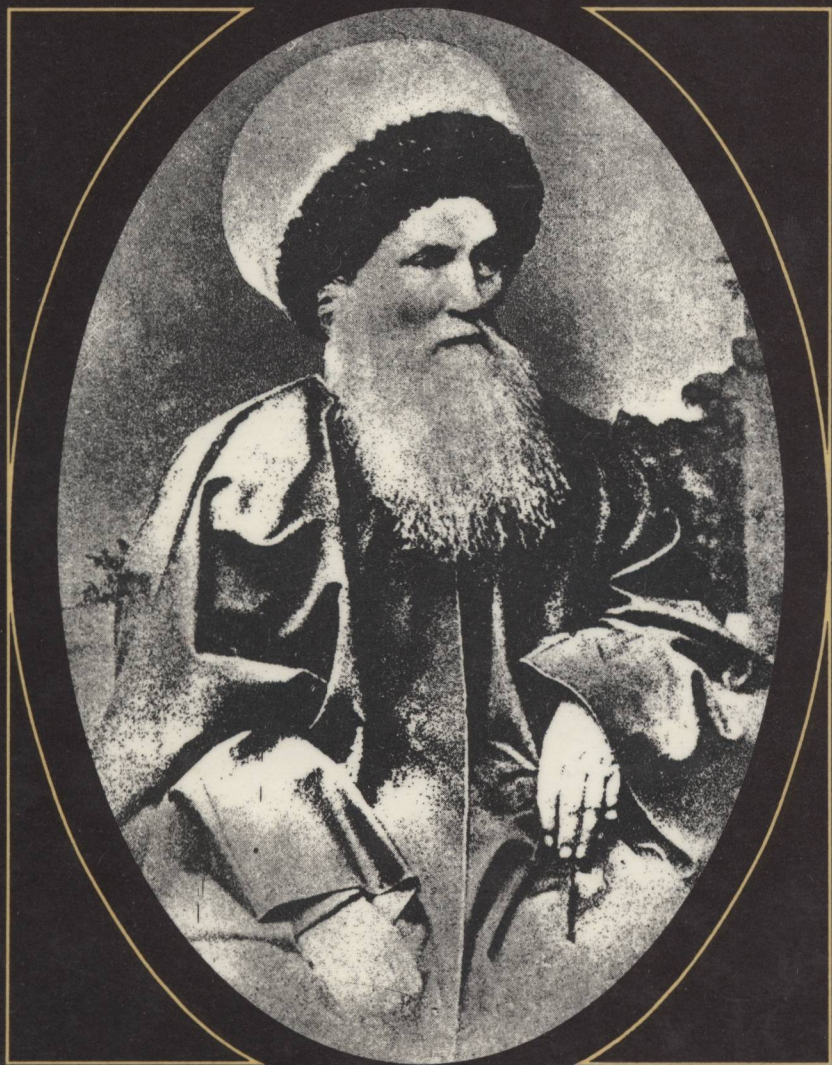

ШАМИЛЬ

НА КАВКАЗЕ И В РОССИИ

ШАМИЛЬ

НА

КАВКАЗЪ И ВЪ РОССІИ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СОСТАВИЛА

М. Н. ЧИЧАГОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія С. Муллеръ и И. Богельманъ, Разъѣзжая, 20.

1889.

ББК 63.3(2)47
Ч.72

Репринтное издание

Дозволено цензурою. СПб. 17 Мая 1889 г

М. С. Голубевъ, 1902 г. и др.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первомъ номерѣ журнала «Нива» 1886 года я прочла статью Г. Бороздина, весьма меня заинтересовавшую, подъ заглавіемъ: «Удачное общаніе». Разказъ этотъ касается бывшаго имама Шамиля, который болѣе года находился подъ надзоромъ мужа моего въ Калугѣ и полюбилъ искренно всю нашу семью.

Г. Бороздинъ разказываетъ, что князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1859-мъ году, общалъ Государю прислать ко дню Его Тезоименитства Шамиля въ сопровожденіе своего адъютанта полковника Трамповскаго, которому князь испрашивалъ заранѣе у Государя, при этомъ знаменательномъ случаѣ, производства въ генераль-маіоры.

Государь разсмѣялся и сказалъ: «за этимъ дѣло не станеть, прислали-бы только Шамиля».

«Ну, а что ему подарить?», спросилъ Государь.

«Шамилю пожалуйте шубу, Ваше Величество, отвѣтилъ князь Барятинскій.

«А гдѣ его поселить?», продолжалъ Государь.

«Назначить резиденцію въ одномъ изъ губернскихъ городовъ», заключилъ князь.

Послѣдствія показали, какъ вѣрно князь Баря-

тинскій разсчиталъ время покоренія Кавказа и какъ точно исполнилъ данное имъ обѣщаніе Государю Императору.

Двадцать втораго Августа 1859-го года князь донесъ Государю:

«Отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги Кавказъ покоренъ Державѣ Вашей. Сорокъ восемь пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятельскія въ рукахъ Вашихъ».

Двадцать пятаго Августа Шамиль стоялъ передъ княземъ Барягинскимъ въ Гунибѣ плѣнникомъ Русскаго Царя.

Двадцать седьмаго Августа полковникъ Траповскій повезъ Шамиля и сына его Кази Магомеда въ Петербургъ. Резиденціею была ему назначена Калуга. Тамъ то я познакомила съ прежнею грозою Дагестана и Чечни, съ прославившимся своими геройскими подвигами Шамилемъ и его семействомъ.

Знакомство съ этою симпатичною и замѣчательною личностію оставило во мнѣ навсегда самое пріятное воспоминаніе. Жизнь этого героя, такъ храбро и стойко выдержавшаго двадцатилѣтнюю борьбу съ могущественною Россіей, полна изумительныхъ эпизодовъ отчаянной храбрости, тяжкихъ испытаній и лишеній. Одаренный гениальнымъ умомъ, онъ управлялъ своимъ дикимъ народомъ не только съ безпощадною строгостію, которую онъ считалъ необходимостію, но имѣлъ сильное нравственное вліяніе на него, служа ему примѣромъ безукоризненной честности и строгой нравственности. Его подданные боялись его, страшились его гнѣва, но вѣровали въ его непреклонную силу воли; удивлялись его мужеству, его обширному уму. Въ га-

зетныхъ статьяхъ въ Дагестанѣ Шамиля признавали за генія мусульманскаго міра, называли его человѣкомъ добродушнымъ, справедливымъ, щедрымъ на милостыни, безкорыстнымъ до незнанія счета деньгамъ, чуждымъ хитрости.

Такимъ знали и мы его въ Калугѣ. Его нѣжная любовь къ дѣтямъ, состраданіе къ страждущему, готовность отдать нищему послѣднее, неизмѣнная дружба къ тѣмъ, въ расположеніи которыхъ онъ однажды убѣдился, всѣ эти качества подтверждаютъ то высокое мнѣніе, которое имѣли о немъ въ Дагестанѣ.

Понятно, что Шамиль на Кавказѣ и Шамиль въ Россіи, какъ нашъ военно-плѣнный, представляютъ намъ двухъ различныхъ личностей. На Кавказѣ онъ дикій горецъ, фанатикъ и магометанинъ, ревностный исполнитель шаріата, повелѣвающаго вѣчную вражду съ невѣрными, смертельный нашъ врагъ. Но какъ онъ ни былъ жестокъ къ врагамъ и къ необузданнымъ горцамъ, никогда онъ не измѣнялъ своимъ правиламъ нравственности: преслѣдовалъ обманъ, пьянство, грабежъ и всегда пользовался случаемъ проявить свою сердечную доброту. Онъ былъ убѣжденъ, что каждый властелинъ поступаетъ по его правиламъ. Съ перваго шага въ Россію, Шамиль поражается ласковымъ пріемомъ и милостями Русскаго Царя, котораго онъ представлялъ себѣ грознымъ владыкой. Такое великодушіе было для него непостижимымъ и онъ съ трудомъ освоился съ мыслию, что не будетъ казненъ, или, по крайней мѣрѣ, сосланъ въ отдаленные края Россіи! Сердце его было побѣждено. Чувство безпредѣльной благодарности и искренней, глубокой привязанности къ своему Высокому Благодѣтелю замѣняютъ чув-

ство ненависти. Безпощадный правитель Дагестана дѣлается сразу кроткимъ, мягкимъ, добросердечнымъ, то есть такимъ, какимъ онъ былъ по природѣ и въ домашней своей жизни.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію обстоятельствъ нашего знакомства съ Шамилемъ, я возьмѣла желаніе составить послѣдовательное біографическое описаніе всей его жизни съ самаго рожденія его до отъѣзда въ Медину, гдѣ онъ и скончался. Подробной біографіи Шамиля нѣтъ, да и не можетъ быть, если не осталось послѣ него его собственныхъ записокъ; если онъ и существовали когда нибудь, то по пріѣздѣ въ Россію, вѣроятно, имъ уничтожены. Во всякомъ случаѣ, такъ передавать обстоятельства своей жизни какъ передавалъ ихъ самъ Шамиль, никто не счумѣлъ бы.

Не могу себѣ простить, что я не записывала въ Калугѣ его интересныхъ разсказовъ; моя біографія бывшаго имама была бы несравненно полнѣе и интереснѣе; теперь же многія обстоятельства его жизни останутся для насъ навсегда сокрытыми. Но прошлаго не вернешь...

Много есть разсказовъ о Шамилѣ, признанныхъ имъ ложными, а потому я старалась придерживаться тѣхъ описаній, которыя заимствованы изъ разсказовъ самаго Шамиля и близко стоявшихъ къ нему личностей.

Источниками для моего жизнеописанія Шамиля служили отрывочныя статьи изъ журналовъ: Кавказскій Календарь, Военный Сборникъ, Русскій Инвалидъ, Московскія Вѣдомости, Кавказскій Сборникъ и прочіе...

Обстоятельства нашего личнаго знакомства съ Шамилемъ въ Калугѣ, мною изложенныя, будутъ

служить новымъ дополненіемъ ко всему, что было до сихъ поръ о немъ писано.

Въ память дружескихъ отношеній Шамиля къ моему мужу и нашему семейству, съ особеннымъ удовольствіемъ приступаю къ послѣдовательному описанію жизни этого замѣчательнѣйшаго изъ героевъ мусульманскаго міра.

М. Чичагова.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ШАМИЛЯ

СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ, ДО ЕГО КОНЧИНЫ
ВЪ МЕДИНѢ.

ГЛАВА I.

Рожденіе Шамиля. Его родители. Привязанность къ отцу.
Другъ его Кази-Магомедъ. Характеръ Шамиля. Ученіе его.
Страсть къ гимнастикѣ. Наставникъ его Джемаль-Эдинъ.
Сестра его Фатимать, ея дочь Меседу и сынъ Гамзатъ-Бекъ,
аманатъ.

амиль родился въ Аварскомъ селеніи, аулѣ Гимры, въ 1797-мъ г., по магометанскому счисленію, перваго числа Могаррема, т. е. въ первый день Новаго года. Мусульманскій лунный годъ состоитъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ, но одиннадцатью днями короче нашего; каждые тридцать-два года сол-

нечныхъ составляютъ тридцать-три года лунныхъ; по этому, рассчитывая по нашему счисленію, онъ родился въ 1798-мъ году.

Отецъ его, Дэнгау-Магомедъ, былъ Аварскій уздень

(гражданинъ), Гимрскій житель, сынъ Али; предокъ его былъ Кумыкъ-Амиръ-Ханъ, человекъ извѣстный на Кавказѣ. Мать Шамиля была дочь Аварскаго бека (дворянина) Пиръ-Будаха, Ваху-Меседу; прадѣдъ ея, Манташъ, былъ знаменитымъ человекомъ въ Дагестанѣ. Настоящее имя Шамиля было Али, по дѣду. Ребенкомъ онъ былъ худъ, слабъ и часто хворалъ. Медицина горцевъ предписывала въ подобномъ случаѣ перемѣнить имя ребенка. Родители его, уповая на народное повѣрье, какъ на симпатическое средство, дали ему имя: Шамиль, въ честь дяди, брата его матери. Къ великой радости родителей, маленькій Шамиль началъ поправляться, а впоследствии сдѣлался крѣпкимъ, здоровымъ юношей, изумлявшимъ всѣхъ своею силою. Шамиль былъ нѣжно любящимъ сыномъ и съ ранняго дѣтства въ немъ замѣтны были задатки хорошей нравственности, что видно изъ слѣдующаго примѣра. Отецъ Шамиля имѣлъ сильную страсть къ вину, а маленькій Шамиль питалъ отвращеніе къ этому напитку. Юношей четырнадцати лѣтъ, онъ увѣщевалъ отца побороть свою пагубную страсть и занялся серьезно исправленіемъ нравственности своего родителя; приносилъ ему коранъ, который въ этомъ возрастѣ онъ изучилъ хорошо, показывалъ отцу тѣ мѣста, гдѣ говорится о запрещеніи вина и увѣщевалъ его съ такимъ вдохновеніемъ, что Дэнгау-Магомедъ приходилъ въ умиленіе, благодарилъ сына за любовь и наставленіе, давалъ слово не пить и тутъ-же скрѣплялъ свое обѣщаніе присягою на коранѣ. Семь разъ Шамиль приводилъ отца къ присягѣ. Видя бесполезность своихъ увѣщаній, Шамиль объявилъ отцу, что если онъ услышитъ еще одинъ разъ насмѣшки сосѣдей надъ нимъ, то въ его глазахъ зарѣжетъ себя. Дэнгау-Магомедъ сильно любилъ сына; съ тѣхъ поръ онъ бросилъ свою пагубную страсть и до конца жизни не прибѣгалъ болѣе къ вину; онъ зналъ,

что сынъ его непоколеблется исполнить свое обѣщаніе. Дэнгау-Магомедъ умеръ въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда Шамилю было тридцать одинъ годъ.

Первымъ учителемъ Шамиля былъ другъ его дѣтства, Кази-Магомедъ, родомъ также изъ Гимръ, четьрьмя-пятью годами старше Шамиля. Учитель и ученикъ жили въ Гимрахъ черезъ два дома другъ отъ друга и были неразлучны.

Въ дѣтствѣ Шамиль отличался живостью характера и рѣзвостью; былъ шаловливъ, но ни одна шалость его не была направлена кому-нибудь во вредъ. Гимрскіе старики рассказываютъ, что Шамиль въ молодости отличался отъ товарищей угрюмою наружностію, непреклонною волею, любознательностью, гордостью и властолюбивымъ нравомъ. Онъ любилъ страстно гимнастику, которою старался развить свои физическія силы; когда кто-нибудь получалъ призъ во время стрѣльбы въ цѣль, или на скачкѣ, онъ мѣнялся въ лицѣ и по цѣлымъ недѣлямъ не показывался въ обществѣ товарищей; такъ самолюбіе его было чутко къ оскорбленіямъ. Двадцати лѣтъ онъ перепрыгивалъ черезъ веревку, которую двое горцевъ, выше его ростомъ, держали, поднося руки къ верху. Онъ перепрыгивалъ черезъ глубокія ямы двѣнадцати аршинъ шириной, даже черезъ голову стоящаго человѣка. Онъ былъ необыкновенно силенъ и отваженъ. Никто не могъ догнать его на бѣгу; никто не могъ поборотъ его. Тѣло его было гибко какъ у малолѣтняго акробата.

Шамиль пристрастился даже къ фехтованью, кинжалъ и пашка не выходили изъ его рукъ. Лѣтомъ и зимой, во всякую погоду, онъ иначе не ходилъ, какъ босыми ногами и съ открытою грудью.

Серьезнымъ ученіемъ Шамиль занялся въ Унцукулѣ, съ наставникомъ своимъ Джемаль-Эддиномъ, славившимся своею ученостью. Подъ его руководствомъ Шамиль съ

двѣнадцати лѣтъ учился грамматикѣ и предметамъ перваго образованія. Двадцати лѣтъ онъ окончилъ курсъ грамматики, логики, риторики, арабскаго языка и началъ слушать курсы высшей философіи и законовѣдѣнія. Разказы Джемаль-Эддина о жизни древнихъ героевъ ислама внушили Шамилю стремленіе къ возвышеннымъ поступкамъ и къ геройскимъ подвигамъ.

Въ то время жизнь его проходила въ молитвѣ и занятіяхъ наукою; только изрѣдка разнообразилась она въ схваткахъ съ нашими, о чемъ онъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ, говоря, что дрался съ Ермоловымъ. Священная война, возбужденная Кази-Магомедомъ, оторвала Шамиля отъ книгъ. Ученіе Кази-Магомеда распространялось быстро; ученики его разсѣялись повсюду и подымали возстаніе противъ невѣрныхъ. Генералу Ермолову пришлось усмирять горцевъ и разсѣять шайки, производившія грабежъ.

Кромѣ Шамиля у Дэнгау-Магомеда и Баху-Меседу была дочь Фатимать, бывшая замужемъ сначала за какимъ-то Магомоею, а впослѣдствіи за Гимринскимъ Хамулатомъ, убитымъ при взятіи стараго Дарго, въ 1845 г. Фатимать погибла при взятіи нашими войсками крѣпости Ахульго въ 1839 году. Она бросилась въ рѣку Койсу, чтобы не попасть въ руки невѣрныхъ, по приказанію Шамиля и утонула.

Отъ Фатимать осталась дочь Меседу, которая была замужемъ два раза за Али-Магометами; отъ перваго мужа у нее былъ сынъ Гамзатъ-Бекъ, отправленный въ 1838 г. аманатомъ въ Россію.

ГЛАВА II.

Кази-Магометъ. Начало мюридизма. Волненія въ Аваріи. Начало общественной дѣятельности Шамиля. Штурмъ и взятіе селенія Гимръ. Смерть Кази-Магомета. Отчаянная храбрость Шамиля. Мухамедъ-Али. Прибытіе Шамиля въ Унцукуль. Абдуль-Азисъ, тестъ Шамиля. Его болѣзнь и исцѣленіе. Эпизодъ съ драгоценными металлами. Причина неизбранія его въ имамы.

Казимулла былъ внукомъ ученаго Исмаила, родился въ селеніи Гимры. Отецъ его не пользовался народнымъ уваженіемъ, не имѣлъ особенныхъ способностей и придерживался вина. Когда Казимагомеду минуло десять лѣтъ, отецъ отправилъ его къ дѣду въ Каранай гдѣ онъ и обучился арабскому языку. Онъ окончилъ свое образование въ Араканахъ у Сагида-Эфенди, славящагося своею

ученостью, но придерживающагося также вина. Казимагомедъ былъ очень набожнымъ человѣкомъ, отличался своею строгою жизнію, серьезнымъ направленіемъ ума, необычайнымъ пристрастіемъ къ ученію, склонностью къ уединенію и самосозерцанію, во время котораго онъ даже затыкалъ уши воскомъ чтобы не развлекаться. Шамиль говорилъ про него: онъ молчаливъ какъ камень. Сагидъ ему не нравился; наконецъ, онъ съ нимъ поссорился и уѣхалъ отъ него. Этимъ и кончилось его образование.

Начало тридцатыхъ годовъ было самое тревожное на Кавказѣ. Это было пора Кази-Магомеда, начавшаго съ поразительнымъ успѣхомъ проповѣдывать въ горахъ новое мусульманское ученіе, мюридизмъ. Мюридъ значитъ: ищущій путь ко спасенію. Мюридизмъ не составляетъ секты, не отличается отъ магометанства ни въ обрядахъ, ни въ ученіи и признаетъ султана калифомъ и главою вѣры; вѣруетъ въ то, что Магомедъ воздвигаетъ изъ народа пророковъ, которые стараются сохранить ученіе корана въ чистотѣ и что правовѣрные должны повиноваться имъ, какъ избраннымъ людямъ. Такимъ то избраннымъ горцы признавали Кази-Магомеда, особенно отличавшагося своею набожностью. Пока дѣло шло объ охраненіи нашей Кавказской линіи отъ набѣговъ горцевъ, наши средства были достаточны, но съ того времени, какъ въ Чечню проникло изъ Дагестана ученіе мюридовъ, война сдѣлалась народною. Для огражденія нашей линіи отъ враждебныхъ сосѣдей, русское правительство начало возводить впереди линіи крѣпости и форты. Такъ на Кумыкской площади построена была въ 1819 г. крѣпость «Внезапная» при аулѣ Андреевѣ (Эндре), а на Сунжѣ крѣпость «Грозная» (1817 г.), затѣмъ крѣпость «Бурная» (1821 г.); чтобы обезпечить сообщеніе между этими крѣпостями построены были еще и второстепенныя крѣпости.

До 1830-го г. Кази-Магомедъ укрѣплялся внутри страны и старался привлечь къ себѣ Аварцевъ. Аварское племя дробилось на множество отдѣльныхъ обществъ, бывшихъ нѣкогда вольными, а впослѣдствіи подчинившихся частію Россіи, а частію подпавшихъ подъ власть Шамиля.

Сѣверо-западную часть Дагестана, занятую аварскимъ племенемъ, составляетъ Салатавія; къ ней примыкаетъ Гумбетъ; по лѣвую сторону рѣки Андійскаго Койсу лежала Андія. Андійцы народъ воинственный и считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ въ Дагестанѣ; къ Гумбе-

товцамъ примыкали еще Койсубулинцы. Общество Койсубу или Хандатль граничило къ востоку съ шамхальствомъ Торковскимъ и ханствомъ Мехтулинскимъ. Непосредственно къ Койсубу примыкало Аварское ханство, лежащее между Аварскимъ и Андійскимъ Койсу, Ункратлемъ, Андалассомъ и Мехтулинскимъ ханствомъ. Аварія имѣла въ длину до 40, а въ ширину до 30-ти верс. Главный городъ ея Хунзахъ былъ прежде мѣстомъ пребыванія Аварскаго хана.

Молодые ханы Аваріи въ 1830-мъ г., воодушевленные матерью своею ханшею вдовою Паху-Бике, нанесли поражение Казии-Магомеду; онъ едва спасся бѣгствомъ.

Оправившись отъ раны, онъ собралъ мюридовъ, сдѣлалъ вторичное вторженіе въ Аварію и остался побѣдителемъ. Народъ принялъ его ученіе. Онъ бросился на равнины Тарковскія, Кумыкскія, разграбилъ Кизляръ, осаждалъ крѣпости: «Внезапную», «Бурную», даже Дербентъ, угрожалъ «Грозной» и Владикавказу.

Удачные набѣги на нашу границу доставили Казии-Магомеду высокое значеніе въ глазахъ горцевъ.

Въ 1831-мъ г. Чеченцы были увлечены Казии-Магомедомъ въ общее возстаніе. Баронъ Розень передалъ генералу Вельяминову въ распоряженіе войска, участвовавшія въ Чеченской экспедиціи. Намъ пришлось вести самую трудную войну въ Чечнѣ, покрытой вѣковыми лѣсами.

Единственная просѣка, расчищенная при Ермоловѣ, проходившая черезъ знаменитый Гойтинскій лѣсъ, покрывалась непроходимую густою порослью.

Сборнымъ пунктомъ въ эту экспедицію Чеченцы избрали Герменчукъ, самый большой Чеченскій аулъ, имѣвшій три мечети, изъ которыхъ лучшая была построена на деньги, пожалованныя Ермоловымъ.

Г. Вельяминовъ счелъ полезнымъ показать на Чеченцахъ примѣръ всему краю.

Кази-Магомедъ убѣдилъ чеченцевъ укрѣпить селеніе и ждать прихода русскихъ.

Три тысячи человекъ чеченцевъ засѣли въ Герменчугѣ; имамъ лично привелъ имъ на помощь восемьсотъ конныхъ лезгинъ.

Вельяминовъ повелъ атаку на центръ укрѣпленія. Чеченцы храбро и стойко отстрѣливались. Наконецъ, приказано было зажечь ихъ сакли. Артиллеристы начали стрѣлять гранатами. Слышно было какъ лопнули первыя двѣ; послѣдующія перестало рвать. Позже наши узнали, что чеченцы, садясь на нихъ, тушили огонь въ трубкахъ, прежде чѣмъ онъ сообщался пороху. Мало по малу огонь охватывалъ сакли. Чеченцамъ предложено было положить оружіе. Они отвѣчали: пощады не хотимъ, одной милости просимъ у русскихъ: пусть дадутъ знать нашимъ семействамъ, что мы умерли, какъ жили, не покоряясь чужой власти. Тогда приказано было зажигать дома со всѣхъ концовъ. Чеченцы твердо рѣшились умереть; запѣли предсмертную пѣснь, сперва громко, потомъ тише и тише, по мѣрѣ того какъ число поющихъ убывало отъ огня и дыма.

Но вотъ растворились двери догоравшаго дома. На порогѣ показалась человѣческая фигура—блеснулъ огонь, пуля свистнула мимо ушей нашихъ; чеченецъ бросился прямо къ намъ. Моздокскій казакъ Атарщиковъ всадилъ ему пулю въ грудь. Черезъ пять минутъ повторилась та же сцена. Горяція сакли стали разваливаться; изъ дымящихся развалинъ выползли шесть раненныхъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ лезгинъ, ихъ отнесли на перевязку. Ни одинъ чеченецъ не дался живымъ. Семьдесятъ два человека кончили жизнь въ огнѣ. Въ набѣгахъ Кази-Магомеда противъ хановъ Аваріи, преданныхъ нашему Правительству, принималъ дѣятельное участіе Шамиль. Вско-рѣ твердость характера, усердіе къ дѣлу газавата, (свя-

щенная война), равнодушіе ко всёму благамъ міра, безукоризненная нравственность, честность, поселили въ горахъ высокое уваженіе къ Шамилю и онъ сдѣлался правою рукою Казы-Муллы. Шамиль былъ глубоко преданъ Кази-Магомеду и быстро исполнялъ повелѣнія своего имама.

Съ 1832-го г. счастье измѣняетъ Кази-Магомеду. Баронъ Розень предпринялъ экспедицію къ селенію Гимры; онъ послалъ къ Кази-Магомеду, чрезъ Кумухскаго Асланъ-Хана, посла съ письмами и словесными предложеніями о мирѣ. Кази-Магомедъ, прочитавъ письма барона Розена, послѣ двухъ-дневныхъ совѣщаній съ Гамзатъ-Бекомъ, своимъ набомъ, написалъ слѣдующее: «Что касается до того, чтобы прекратить непріязненные дѣйствія и заключить миръ, то это дѣло далекое. Мы только просимъ Васъ пропустить одну тысячу конницы въ Мекку. Это будетъ миръ». Не смотря на такой отважный отвѣтъ, Кази-Магомедъ предвидѣлъ дурной исходъ храброй защитѣ своей родины. Онъ собралъ своихъ приверженцевъ и сказалъ: «чувствую, что приближается мой конецъ; я умру здѣсь, гдѣ я родился; умру за истины корана, кто хочетъ также умереть, пусть остается со мной».

Баронъ Розень, видя уклончивость Кази-Магомеда, двинулся противъ него съ отрядомъ изъ Чечни и осадилъ его въ Гимрахъ, гдѣ жилъ и Шамиль, бывшій въ то время его мюридомъ. Здѣсь Шамиль явилъ чудеса храбрости и врядъ-ли встрѣчается въ исторіи второй примѣръ такой выносливости, какой подверглась его гигантская сила.

У Кази-Магомеда было въ Гимрахъ шестьсотъ человѣкъ войска *). Дрались отчаянно отъ восхода до заката солнца. Было холодно, дулъ сильный вѣтеръ. Да-

гестанцы не выдержали и разбѣжались. Кази-Магомедъ послалъ къ Гамзатъ-Беку за помощью; тотъ прибылъ въ селеніе Иргинай; на другой день выступилъ къ Гимрамъ и остановился въ двухъ верстахъ отъ мѣста сраженія; увидя штурмъ русскаго отряда, онъ не осмѣлился спуститься въ Гимрское ущелье и остался равнодушнымъ зрителемъ гибели храбрыхъ защитниковъ соотечественниковъ.

Когда горцы разбѣжались, Кази-Магомедъ, Шамиль и пятнадцать мюридовъ вошли въ башню и стали отстрѣливаться изъ бойницъ; большее число мюридовъ было убито тогда. Тогда Кази-Магомедъ сказалъ Шамилю: «Здѣсь насъ всѣхъ перебьютъ и мы погибнемъ, не сдѣлавъ вреда невѣрнымъ, лучше выйдемъ и умремъ, пробиваясь». Съ этими словами онъ, надвинувъ на глаза шапку, бросился изъ дверей. Только что онъ выбѣжалъ изъ башни, какъ солдатъ ударилъ его въ затылокъ камнемъ. Кази-Магомедъ упалъ и тутъ-же былъ заколотъ штыками.

Шамиль, видя, что противъ дверей стояли два солдата съ прицѣвленными ружьями, въ одно мгновеніе прыгнулъ изъ дверей и очутился сзади обоихъ. Солдаты тотчасъ повернулись къ нему, но Шамиль изрубилъ ихъ. Третій солдатъ побѣжалъ отъ него, но онъ догналъ и убилъ его. Въ это время четвертый солдатъ воткнулъ ему въ грудь штыкъ, такъ что конецъ вошелъ ему въ спину. Шамиль, схвативъ правою рукою дуло ружья, лѣвою изрубилъ солдата (онъ былъ лѣвшая), выдернулъ штыкъ и, зажавъ рану, началъ рубить въ обѣ стороны, но никого не убилъ, потому что солдаты отъ него отбѣгали, пораженные его отвагой, а стрѣлять боялись, чтобы не ранить своихъ, окружавшихъ Шамиля.

Прорубаясь, Шамиль получилъ два удара камнемъ, одинъ разбилъ ему ребро въ лѣвомъ боку, другой повредилъ лопатку и ранилъ его въ затылокъ. Въ это время онъ увидѣлъ черкеса, который прицѣлился въ него, вы-

стрѣлилъ, но далъ промахъ. Шамиль бросился за нимъ, началъ его рубить; горецъ защищался буркой; Шамиль не зналъ: убилъ-ли онъ его или ранилъ, какъ вдругъ онъ услышалъ за собой возгласъ: «Аллахъ!» и топотъ бѣгущаго человѣка. Можно себѣ представить, какъ онъ обрадовался, когда узналъ, что онъ не одинъ вышелъ изъ башни; тогда только мелькнула у него надежда на спасеніе; до этой минуты онъ былъ убѣжденъ, что долженъ умереть. Единственно уцѣлѣвшій горецъ былъ мюридъ Магомедъ-Али. Шамиль, собравъ послѣднія силы, бѣжалъ съ нимъ, но, выбѣжавъ изъ селенія, упалъ въ изнеможеніи; отдавая шашку свою Магомеду-Али, онъ сказалъ ему: «сохрани шашку мою, она мнѣ больше не нужна, я умираю». Мюридъ взялъ шашку и отбѣжалъ дальше, но оставался ввиду Шамиля, выжидая, чтобы наши, которые были близко, отошли. Передъ сумерками рѣзкій воздухъ привелъ Шамиля въ чувство. Онъ увидѣлъ заходящее солнце, вспомнилъ о часѣ молитвы, приподнялся и почувствовалъ тошноту; кровь хлынула изо рта цѣлыми кусками; изъ перевязанной раны выходило дыханіе; ребра, грудь и плечевыя кости были разбиты: онъ чувствовалъ невыразимое страданіе. Магометъ-Али наблюдалъ за нимъ невдалекѣ и поспѣшилъ перевязать ему рану. Когда стемнѣло и русскіе отошли, Магометъ-Али повелъ Шамиля въ Унцукуль, гдѣ жилъ тестъ его, Абдуль-Азисъ (отецъ жены Шамиля, Фатимать 1-й), извѣстный въ Дагестанѣ за искуснаго лекаря. Путь ихъ лежалъ черезъ лѣсъ, гдѣ скрывалось семейство Шамиля. Здѣсь онъ прожилъ два дня, а на третій добрелъ до Унцукуля. Абдуль-Азисъ скрывался еще двадцать пять дней въ лѣсу. Въ это время Шамиль находился между жизнью и смертью, не могъ лежать, сидѣлъ, обложенный со всѣхъ сторонъ подушками и не спалъ. Наконецъ, послѣ двадцати пяти дневнаго, томительнаго страданія, Ша-

миль дождался Абдуль-Азиса. Употребленіе приготовленнаго имъ спуска вскорѣ облегчило Шамиля; боль стала утихать, раны заживать; онъ началъ выздоравливать и черезъ три мѣсяца герой Кавказа совершенно оправился. Спускъ Абдуль-Азиса приготовлялся изъ воска, коровьяго масла и древесной смолы.

Тѣло Кази-Магомета было выставлено въ томъ видѣ, какъ его нашли; трупъ его принялъ положеніе молящагося; одна рука держалась за бороду, другая указывала на небо.

Онъ похороненъ въ селеніи Таркахъ, близъ города Петровска. Ему было семьдесятъ пять лѣтъ отъ роду. Шамиль, по выздоровленіи своемъ, собирался уже выѣхать изъ Унцукуля, когда къ нему пріѣхала сестра его, Фатимать, у которой хранились его драгоценности, спасенныя отъ разграбленія при нападеніи нашихъ войскъ на Гимры. Она привезла брату золотыя и брилліантовыя вещи, чтобы возвратить ихъ по принадлежности. Во время разговора съ сестрой, Шамиль почувствовалъ себя дурно. Онъ вспомнилъ о повѣрьи горцевъ, по которому больной подвергается величайшей опасности, если въ его комнатѣ находятся вещи изъ благородныхъ металловъ или драгоценныхъ камней. Шамиль спросилъ сестру: «нѣтъ-ли при ней какихъ-либо драгоценностей?»

Фатимать съ ужасомъ схватила за карманы и выбѣжала въ другую комнату. Шамиль почувствовалъ сильное волненіе въ крови, едва закрывшаяся рана раскрылась; онъ слегъ въ постель и проболѣлъ два мѣсяца. По всей вѣроятности, радостное свиданіе съ сестрой было настоящей причиной волненія въ крови, вслѣдствіе чего едва зажившая рана вскрылась. Эта вторичная болѣзнь Шамиля была причиной, почему, по смерти Кази-Магомеда, былъ избранъ имамомъ не онъ, а Гамзатъ-Бекъ.

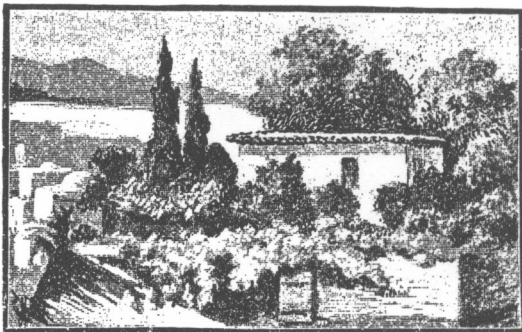

ГЛАВА III.

Гамзатъ-Бекъ. Его происхожденіе. Ученіе въ домѣ Аварскаго Хана. Служба его при Кази-Магометѣ. По смерти своего имама провозглашаетъ себя его наслѣдникомъ. Недовольство горцевъ. Письмо Шамиля, успокаивающее недовольныхъ. Шамиль дѣлается совѣтникомъ и помощникомъ Гамзатъ-Бека. Дѣйствія его въ 1833—1834 годахъ. Арестъ его въ Тифлисѣ. Выкупъ. Убійство Аварскихъ хановъ. Заговоръ противъ Гамзатъ-Бека. Смерть его. Совѣтъ Шамиля Гамзату. Шамиль посѣщаетъ Гимры. Случай съ домомъ Шамиля. Поселеніе Шамиля въ Ашильтѣ.

одъ рожденія Гамзатъ-Бека въ точности не опредѣленъ. Онъ родился въ Аварскомъ селеніи, Гочатлѣ, отстоящемъ въ восемнадцати верстахъ отъ селенія Хунзаха, столицы Аваріи *). Отецъ его Александръ-Бекъ былъ весьма уважаемъ за примѣрную храбрость. Ханъ Аваріи Али-Султанъ-Ахметъ обращался за совѣтами къ Александръ-Беку въ важныхъ дѣлахъ. Въ 1801-мъ году отецъ отдалъ Гамзатъ-Бека на воспитаніе муллѣ Андалальскаго селенія Чахъ-Маходъ, гдѣ онъ оставался до двѣнадцати лѣтъ; послѣ смерти муллы, Гамзатъ-Бекъ

отправился въ Хунзахъ.

Вдова хана Али-Султанъ-Ахмета, Паху-Бике, въ вознагражденіе заслугъ Александръ-Бека ихъ семейству помѣстила Гамзатъ-Бека въ своемъ ханскомъ домѣ и была къ нему очень добра и ласкова. Здѣсь Гамзатъ-Бекъ учился у главнаго кадія Нуръ-Магомета.

Кадій былъ ничто иное, какъ довѣренное духовное лицо, которому предоставлялось исключительное право разбирательства по шаріату тяжбъ, составленіе письменныхъ актовъ, словомъ гражданскія дѣла, въ которыхъ допускалось вмѣшательство духовенства.

По окончаніи ученія Гамзатъ-Бекъ женился, но не отличался трезвою жизнію

Кази-Мулла, видя въ немъ способнаго и ученаго человека, старался его привлечь къ себѣ и принялся за его исправленіе. Гамзатъ-Бекъ послѣдовалъ совѣтамъ Кази-Могамеда, сдѣлался ревностнымъ его помощникомъ, а въ послѣдствіи его мюридомъ.

По смерти Кази-Могамеда, мюриды разбѣжались въ разныя стороны; возникли безпорядки. Появились претенденты на званіе имама, но только два человека имѣли право на это званіе: Гамзатъ-Бекъ, наибъ убитаго имама, по свѣтскому значенію своему, какъ одинъ изъ сильныхъ князей Дагестана; Шамиль, по духовному своему значенію, какъ наиболее способный и превосходящій перваго своею высокою нравственностью.

Мы оставили Гамзатъ-Бека въ двухъ верстахъ отъ селенія Гимръ, равнодушно наблюдающаго за штурмомъ, при которомъ погибъ его наставникъ и имамъ.

*) Въ полночь онъ узналъ о смерти Кази-Магомета и вернулся въ селеніе Гоцатль. Затѣмъ, онъ послалъ возваніе къ мулламъ и почетнымъ жителямъ Дагестана и велѣлъ правовѣрнымъ собираться въ Карадахскую мечеть. Всѣ присутствующіе ожидали съ нетерпѣніемъ волю покойнаго имама. Гамзатъ-Бекъ явился во главѣ вооруженныхъ своихъ приверженцевъ и возвѣстилъ, что, исполняя волю и завѣщаніе Казы-Муллы, предъ смертію избравшаго его своимъ преемникомъ, онъ объявляетъ себя нынѣ

---

*) «Русское Слово». 1859 г.

имамомъ, требуетъ общаго повиновенія и приглашаетъ всѣхъ къ войнѣ противъ невѣрныхъ.

Почти всѣ горцы знали, что Гамзатъ-Бекъ не пришелъ на помощь Кази-Могамеду при нападении нашего отряда на Гимры, что Шамиль одинъ находился при его гибели, а потому и негодованіе слушающихъ при провозглашеніи Гамзатъ-Бека себя имамомъ, было почти общее. Притомъ для занятія столь почетной должности, предводитель правовѣрныхъ долженъ былъ быть лицомъ духовнымъ, имѣющимъ болѣе значенія въ народѣ, чѣмъ Гамзатъ-Бекъ. Но Шамиль лежалъ еще больнымъ въ Унцукулѣ, что и помѣшало его избранію въ имамы. Для успокоенія горцевъ Дагестана, онъ прислалъ имъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Отъ раба Божія и сподвижника славы ислама, слуги имама Кази-Муллы и славнаго Пророка:

«Уруссы торжествуютъ; Гимры взяты, имама нашего болѣе нѣтъ. Для поддержанія ислама, нужно единодушіе. Кто-бы ни былъ предводителемъ мюридовъ, внушите народу повиноваться ему покуда; да не будутъ наши горцы подобны собакамъ, прости Господи, да не грызутся они изъ за кости властолюбія, тогда какъ кость эта можетъ быть похищена невѣрными. Соединимся всѣ противъ невѣрныхъ новыми силами, призвавъ Аллаха на помощь и избравъ одного для исполненія его воли. Такъ дѣлали наши отцы, первые мусульмане. Вотъ и все. Миръ Вамъ.»

Письма этого было вполне достаточно, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на умы Дагестанцевъ.

Оно было разслано по всѣмъ ауламъ. Съ этого времени всѣ почти горцы повиновались повелѣніямъ Гамзатъ-Бека.

По выздоровленіи своемъ, Шамиль поѣхалъ къ новому имаму Гамзатъ-Беку, поздравилъ его и предложилъ ему

свои услуги *). Скромный до наивности, онъ назначалъ себѣ мѣсто не во главѣ какого либо движенія, но тамъ, гдѣ можно было встрѣтить сочувствіе его убѣжденіямъ, принести пользу родинѣ и вредъ ея врагамъ, христіанамъ. Гамзатъ-Бекъ, увидѣвъ Шамиля, пришедшаго къ нему по собственному побужденію, безъ всякихъ условій. принялъ его съ распростертыми объятіями. Онъ зналъ хорошо прямодушіе Шамиля, его неспособность къ интригамъ и боялся только, чтобы Шамиль не удалился совершенно съ политическаго поприща послѣ испытанной имъ неудачи; тогда онъ лишился бы необходимаго содѣйствія способнѣйшаго изъ хабрецовъ Дагестана. Вліяніе его на немирный край также было извѣстно Гамзатъ-Беку; поэтому, власть, предоставленная имъ Шамилю была такъ велика, что стоило послѣднему только пожелать стать на мѣсто новаго повелителя вѣрныхъ, онъ тотчасъ сдѣлался бы имамомъ. Шамиль не стремился къ этому, а былъ вѣрнымъ, усерднымъ помощникомъ и совѣтникомъ Гамзатъ-Бека.

Дѣйствія новаго имама, Гамзатъ-Бека, въ 1833-мъ и 1834-мъ годахъ не отличались особенною рѣшимостью. Предводительствуя Джарскими Лезгинами, онъ потерпѣлъ пораженіе въ сшибкахъ съ нашими войсками. Не вида возможности вернуться въ Гоцатль, по причинѣ наступившей зимы, онъ рѣшился войти въ переговоры съ начальникомъ нашего отряда, Генераль-Лейтенантомъ Стрекаловымъ, обѣщая распустить мюридовъ, если наше Правительство назначить ему пожизненную пенсію. Не мало долженъ былъ удивиться Г.-Л. Стрекаловъ такому смѣлому, если не сказать болѣе, предложенію Гамзатъ-Бека; онъ его отправилъ въ Тифлисъ, гдѣ его арестовали и гдѣ онъ былъ подъ присмотромъ, какъ бунтовщикъ.

---

* «Кавказскій Календарь». 1860 г.

Главнокомандующій замѣтилъ ему, что прежде надо оказать услуги Правительству, а потомъ просить содержанія. Вскорѣ Г. М. Асланъ Казикумыхскій ходатайствовалъ объ его освобожденіи, а въ залогъ вѣрности представилъ его племянника въ аманаты.

Подчинивъ своей власти общества, окружающія Аварію, Гамзатъ-Бекъ старался привлечь къ себѣ Аварцевъ *).

По словамъ Шамиля Хунзахская экспедиція была принята совсѣмъ не по совѣту Асланъ-Хана-Казикумыхскаго, который будто поджигалъ Гамзата къ убіенію хановъ, какъ написано въ русскихъ книгахъ.

Экспедицію возбудила сама ханша Паху-Бике уже давно просившая Гамзата пособить ей ввести шаріатъ между ея разбращенными поданными. Гамзатъ остановился лагеремъ при рѣкѣ Тобатѣ и послалъ сказать ханшѣ, что онъ пришелъ по ея зову. Гамзатъ требовалъ, чтобы съ введеніемъ шаріата, Хунзахцы приняли бы участіе въ газаватѣ, а въ обезпеченіе выдали-бы аманатомъ младшаго сына ханши. Паху-Бике отказалась дѣйствовать противъ русскихъ. Гамзату оставалось только разрушить укрѣпленіе Хунзаха, что обыкновенно дѣлалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители не охотно принимали шаріатъ.

Такъ и было положено между Гамзатомъ и Шамплемъ.

Гамзату удалось однако склонить Нуцаль-Хана къ газавату. Имамъ предложилъ ему передать свое высокое званіе и начальствованіе всѣми войсками; онъ обѣщалъ быть ему полезнымъ совѣтникомъ. Честолюбивый Нуцаль-Ханъ принялъ предложеніе Гамзата и далъ слово склонить народъ свой къ газавату.

Оба молодые ханы Аваріи пріѣхали въ гости къ Гамзату въ сопровожденіи свиты въ сто человекъ. Имамъ принялъ ихъ съ почестями и ханы казались совершенно

---

*) «Военный журналъ». 1848 г.

довольны. Малолѣтній Булачъ-Ханъ былъ выданъ тутъ же аманатомъ. Гамзатъ отправилъ его въ Гоцатль, къ дядѣ своему, Иمامу—Али.

Ханша Паку-Бике, недовольная тѣмъ, что сынъ ея согласился на предложеніе Гамзата, послала сказать Шамилю: «Хочешь-ли получить сто тумановъ? Уйди съ войскомъ сейчасъ-же, а что будетъ потомъ съ Гамзатомъ, это не твое дѣло».

Шамиль, не медля, передалъ вышесказанное Гамзату, который, видя измѣну, рѣшился отправить ханскую свиту во свояси, оставивъ человѣкъ десять съ ханами въ его палаткѣ; хановъ задержать, пока войска окончатъ разореніе Хунзахскихъ укрѣпленій; затѣмъ, хановъ отпустить домой, а самимъ отправиться въ обратный путь.

Объ убійствѣ хановъ не было въ помышленіи, такъ какъ Гамзатъ никогда не думалъ сдѣлаться ханомъ и не имѣлъ надобности въ смерти братьевъ.

Арестъ хановъ признавался необходимымъ, чтобы устранивъ кровопролитіе, которое могло произойти, еслибы Нуцаль Ханъ находился въ Хунзахѣ во время его разоренія.

Убійство хановъ произошло слѣдующимъ образомъ: За годъ до Аварской экспедиціи, нѣкто Буга, житель селенія Цудахаръ, убилъ двоюроднаго брата Гамзатъ-Бека, Амира-Али. Во время вышеописаннаго происшествія люди Гамзата узнали въ свитѣ хановъ, въ палаткѣ, убійцу Амира-Али и доложили объ этомъ своему имаму.

Гамзатъ просилъ Нуцаль-Хана выдать ему Бугу, чтобы отправить его къ дядѣ для расправы. Оба хана предоставили Гамзату поступить съ Бугомъ должнымъ образомъ, только просили избавить ихъ отъ необходимости выдавать Бугу, чѣмъ были бы нарушены законы гостепріимства. Гамзатъ приказалъ отправить его въ Гоцатль. Посланные объявили Бугу имамскій приказъ; онъ не хотѣлъ сдаваться имъ, а Хунзахцы не выдавали его. Рѣшено было взять

его силою; тогда одинъ изъ нукеровъ закричалъ: не да-
вайте Хунзахцы, Буга, теперь мюриды его возьмутъ, а
послѣ заберутъ и васъ всѣхъ, они хотятъ убить насъ;
такъ бейте и вы ихъ вмѣстѣ съ ихъ Гамзатомъ.

Съ этими словами нукеръ сдѣлалъ выстрѣлъ и убилъ
мюрида; началась рѣзня.

Хунзахцы перебили мюридовъ, изрѣшители палатку
Гамзата, думая, что онъ тамъ. Убили Умма-хана на по-
валь. Братъ же его, Нуцаль, выбѣжавъ изъ палатки,
долго боролся, но мюриды тутъ-же убили его.

Гамзатъ поселился въ домѣ убитыхъ хановъ и завла-
дѣлъ ихъ имуществомъ. Затѣмъ, онъ потребовалъ къ се-
бѣ несчастную ханшу Паку-Бике, которую помѣстилъ въ
хуторѣ. Гимринецъ ворвался во дворъ ханши, которая въ
то время читала коранъ и, схвативъ ее за руку, ввелъ
въ конюшню, гдѣ и отрубилъ ей голову шапкой. Такъ
отплатилъ Гамзатъ-Бекъ ханшѣ Аваріи за ея попеченія
о немъ.

Но ханскій Аварскій домъ служилъ главнымъ препят-
ствіемъ къ распространенію власти имамовъ въ горахъ,
вслѣдствіе чего было совершено полное его истребленіе.

Шамиль сознается, что, во время схватки мюридовъ
съ ханами, онъ убилъ четырехъ человекъ нукеровъ, но не
бѣжалъ, какъ о немъ нишуть.

За убійство хановъ Хунзахцы страшно были возму-
щены противъ Гамзатъ-Бека и его мюридовъ. Составился
заговоръ противъ имама, о которомъ одинъ изъ мюридовъ
предупреждалъ Гамзата, но онъ не повѣрилъ, что его
участъ рѣшена. Во главѣ заговора былъ Османъ-Гаджіевъ,
братъ Гаджи-Мурата (самаго ловкаго и храбраго спод-
вижника Шамиля). Насталъ большой праздникъ у маго-
метанъ. Гамзатъ-Бекъ собирался идти въ мечеть, когда ему
снова донесли, что его, во время молитвы, непременно
убьютъ. Гамзатъ отвѣтилъ: «можешь-ли ты остановить

ангела, котораго Аллахъ пошлетъ за твоей душой?» «Разумѣется нѣтъ» отвѣтили мюридъ. Такъ иди спокойно домой и знай, что никто не можетъ избѣгнуть того, что ему суждено свыше, сказалъ Гамзатъ. Вооруженный тремя пистолетами, предшествуемый двѣнадцатю мюридами съ обнаженными пашками, Гамзатъ вошелъ въ мечеть; едва онъ вступилъ туда, какъ былъ пораженъ зловѣщимъ видомъ нѣсколькихъ людей, стоящихъ поодаль и укутанныхъ въ бурки. Отступать было поздно; заговорщики напали на мюридовъ. Чернь, бушевавшая на улицахъ, ворвалась въ мечеть и приняла участіе въ рѣзнѣ. Османъ-Гаджіевъ нанесъ Гамзатъ-Беку ударъ кинжаломъ и самъ тутъ-же былъ заколотъ мюридами.

Тѣло Гамзатъ-Бека было брошено на поруганіе черни и въ продолженіе четырехъ дней валялось на площади. Мюриды, частью были истреблены, частью выгнаны изъ Хунзаха. Хунзахцы выбрали своимъ предводителемъ Гаджи-Мурата, который управлялъ Аварією до пріѣзда хана Магомета-Мирзы. Послѣдній былъ, въ свою очередь, замѣщенъ ханомъ Метулинскимъ Ахметъ-Ханомъ, въ 1837 году.

По смерти Нунцала, наслѣдникомъ Аваріи остался малолѣтній сынъ его, султанъ Ахметъ-Ханъ, родившійся въ 1853 году.

Гамзатъ-Бекъ получалъ отъ Шамиля не мало хорошихъ совѣтовъ; послѣдній его совѣтъ былъ не избирать резиденціей Хунзахъ, въ центрѣ Дагестана, послѣ разграбленія Аварскаго Ханства, а возвратиться въ свой лагерь Гоцатль. Самъ же Шамиль вернулся въ Гимры, гдѣ нашелъ одни пепелища. Русскіе сожгли родной аулъ Шамиля. Вожакомъ русскихъ былъ Уллунай-Каранайскій, давно уже ненавидѣвшій Шамиля. Онъ былъ въ авангардѣ, зажегъ домъ Шамиля и былъ взятъ въ плѣнъ гимринскими пастухами. Въ присутствіи всего населенія, Шамиль собственноручно снесъ голову измѣннику Уллунаю.

Не смотря на стараніе сжечь домъ Шамиля, не смотря на то, что внутренность его была сверху до низу наполнена дровами, стѣны его остались цѣлы. Шамиль приписываетъ этотъ случай особенному благоволенію къ себѣ Божію.

Въ то время, когда происходило убійство Гамзатъ-Бека, Шамиль былъ въ отсутствіи; онъ поселился въ Ашильтѣ и жалѣлъ, что погибшій имамъ не послѣдовалъ его совѣту, не вернулся въ Гоцатль.

ГЛАВА IV.

Упорство Шамиля въ принятіи на себя званіе имама. Избраніе его въ имама. Отзывы о немъ недоброжелателей и возраженія на эти отзывы. Характеристика горцевъ. Администрація Шамиля. Его кодексъ. Тарикатъ и Шаріать. Намазъ. Оригинальныя приговоры надъ двумя преступниками. Религіозная терпимость Шамиля. Тѣлохранители. Чалмы.

о смерти Гамзатъ-Бека, Шамиль со-
звалъ тотчасъ совѣтъ для избраніи
народу предводителя, назначивъ

сборнымъ пунктомъ урочище Готло-
каль. Все общество единодушно из-
брало имамомъ Шамиля, который
отказался принять на себя обязан-
ности, сопряженныя съ большими
непріятностями и горькими испы-
таніями; но онъ вызывался быть
помощникомъ новаго имама и пред-
ложилъ народу избрать Сагиду Ига-
линскаго, извѣстнаго ученаго, быв-
шаго учителемъ Гамзатъ-Бека. Са-

гидь, сознаваясь въ слабости своего характера, призналъ
себя неспособнымъ взяться за обязанность имама и пред-
ложилъ совѣту употребить всѣ старанія для убѣжденія
Шамиля принять на себя власть правителя народа. Совѣтъ
вторично обратился къ Шамилю съ увѣщаніями согласиться

на предложеніе народа; но и на этотъ разъ онъ отказался внять народнымъ мольбамъ, предложивъ выбрать имамомъ Газію Каратинскаго и вызвался быть его помощникомъ. Послѣдній также отказался отъ предложеннаго ему званія и сдѣлалъ упрекъ Шамилю за его упорство. Народъ началъ уже по немногу расходиться. Наконецъ Шамиль, сознавая, что въ другое время трудно будетъ собрать его, боясь безпорядковъ, согласился на принятіе на себя трудныхъ обязанностей имама. Такимъ образомъ, Шамиля почти насильно заставили быть имамомъ.

Въ извѣстный день, кадій и народъ собрались въ Ашилтскую мечеть и послали за Шамилемъ. Онъ пришелъ туда пѣшкомъ съ пятью мюридами и сѣлъ въ михрабѣ (мѣсто, гдѣ кадій совершаетъ общественную молитву). Тогда кадій обратился къ нему съ вопросомъ. «Согласенъ ли ты быть нашимъ имамомъ? Шамиль отвѣтилъ: «Согласенъ». Кадій началъ молиться объ упроченіи имамства Шамиля, о продленіи его жизни, о дарованіи счастія народу. признававшему надъ собой его власть; затѣмъ, кадій поднялъ руки къ небу и произнесъ: «фатиха» (быть по сему); по обычаю, онъ погладилъ обѣими руками бороду. Народъ отвѣчалъ: аминь, аминь, аминь! и гладилъ бороды. По окончаніи обряда, кадій, ученые и народъ подходили къ Шамилю, цѣловали ему руку, говоря: «да будетъ благословенно твое имамство!

Въ журналахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ печатались совершенно ошибочныя мнѣнія о Шамилѣ и о его избраніи въ имамы, выставляя его честолюбцемъ и интриганомъ. Напримѣръ: Сулейманъ Эфенди пишетъ: (Кавказъ, 1847 г. № 59). Шамиль былъ самозванецъ, а не избранникъ народа; онъ не можетъ быть главою мюридовъ и правовѣрныхъ, потому что происходитъ не отъ Гькурейшовъ; ноступки его противны священному шаріату.

Такое разногласіе во взглядахъ на избраніе Шамиля

въ имамы произошло отъ раздѣленія мусульманъ на двѣ враждебныя партіи. Перѣшимость Магомета назначить себѣ наслѣдника послужила къ этому раздѣленію. Не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ, онъ не указалъ на преемника себѣ. Алій, двоюродный братъ Магомета, женатый на единственной его дочери и Абубекеръ, вотчимъ его, стараясь сдѣлаться преемниками пророка, различно толковали его ученіе, отъ чего произошли несогласія. Послѣ смерти Абубекера, Омаръ, за нимъ Османъ продолжали споры съ Алиемъ, слѣдствіемъ которыхъ было раздѣленіе мусульманъ на двѣ секты: суннитовъ и шитовъ. Сунниты признаютъ истинными наслѣдниками Пророка: Омара, Османа и еще четырехъ другихъ. Шиты убѣждены, что законнымъ наслѣдникомъ Магомета былъ зять его Алій, первый принявшій магомстанство.

Шиты требуютъ, чтобы имамъ былъ назначаемъ изъ семейства Гѣорейшовъ съ условіемъ признанія его безгрѣшности, его совершенства надъ всѣми современниками*). Подъ словомъ *безгрѣшность* они разумѣютъ отчужденіе всякаго рода умышленнаго преступленія, дѣйствиємъ или словомъ противъ вѣры и ея святыми, отсутствіемъ лжи.

Сунниты не считали, что имамы и халифы должны считаться безгрѣшными и избраніе ихъ цѣлымъ обществомъ въ это званіе имѣло у нихъ полную законную силу.

Если-бы Шамиль не былъ избранникомъ народа, онъ не могъ бы впродолженіе тридцати лѣтъ быть всесильнымъ его правителемъ!

Статьи о бывшемъ кавказскомъ героѣ отличаются своимъ противорѣчіемъ, какъ относительно его біографіи, такъ и въ описаніи его характера, его поступковъ и наружности.

---

*) Казамъ-Бекъ. О значеніи имама. «Русское Слово», 1860 г.

Г. Ильинъ пишетъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1885 года: «Шамиль, узнавъ о смерти Гамзатъ-Бека, провозгласилъ себя: Иммамуль-Аазамомъ» (Намѣстникомъ Пророка). Газеты перепечатали эти невѣрные извѣстія. Кази-Магомедъ, Гамзатъ Бекъ, были избранниками народа. Шамиль, любимецъ и вѣрный мюридъ перваго, шедшій съ нимъ рука объ руку на смерть, необходимый совѣтникъ и помощникъ Гамзатъ Бека; своимъ мужествомъ, умственными и нравственными качествами немѣвшій себѣ равнаго, не могъ не быть избраннымъ властелиномъ народа. Шамиль говорилъ въ Калугѣ, что онъ желалъ избѣгнуть имамской власти, постигая вполнѣ тѣ препятствія, которыя ему предстояли для достиженія своей высокой цѣли. Лгать Шамилю не было никакой надобности, когда онъ былъ уже нашимъ военноплѣннымъ.

Г. Савиновъ пишетъ въ «Сынъ Отечества» *): «Шамиль былъ первымъ въ совѣтѣ и послѣднимъ въ бою. Такое мнѣніе о героѣ, признанномъ всѣми народами, носящемъ на себѣ девятнадцать тяжкихъ ранъ — совершенно непонятно и даже удивительно. Г-нъ Богуславскій справедливо замѣчаетъ («Военный Сборникъ» 1859 г.): «Не въ совѣтѣ же Шамиль получилъ девятнадцать ранъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одной огнестрѣльной. Полагаю, что нѣтъ ни одного военнаго человѣка въ Россіи, который согласился бы съ мнѣніемъ г. Савинова. Упрекать Шамиля въ недостатокѣ храбрости — невозможно».

Г-нъ Д. Б. . . опровергаетъ свѣдѣнія, распространенныя г. Савиновымъ о Шамилѣ въ одномъ изъ номеровъ «Сынъ Отечества» и прибавляетъ: «Г. Савиновъ сообщаетъ о Шамилѣ такія подробности, которыя могли быть извѣстны только самымъ приближеннымъ къ Ша-

---

*) Шамиль мюридъ. Шамиль имамъ.

милю. Это обстоятельство наводитъ тѣнь сомнѣнія въ достовѣрности фактовъ, приводимыхъ Г. Савиновымъ».

Но изъ всѣхъ ошибочныхъ взглядовъ на Шамиля, самое выдающееся своею рѣзкостію и рѣшительнымъ тономъ, это мнѣніе Г-на Егорова. Онъ пишетъ:» Шамиль былъ не что иное, какъ атаманъ величайшей шайки разбойниковъ, которые покорялись ему волею — неволею, одни слабые — страха ради; другіе глупые — почитали его за Пророка, третьи видѣли въ немъ хитраго политика».

Для полнаго опроверженія мнѣнія Г. Егорова о Шамилѣ, приведу слова Г-на Богуславскаго («Военный Сборникъ» 1859 г., Декабрь):

«Шамиль былъ человѣкъ истинно — добрый. Что касается до его характера, то я успѣлъ изучить его на столько, на сколько едва ли кому нибудь удавалось».

Къ этимъ словамъ Г-на Богуславскаго имѣю прибавить, что дружба Шамиля къ моему мужу и къ семьѣ нашей послужила, какъ нельзя лучше, къ изученію его характера и душевныхъ его качествъ и даетъ мнѣ право утверждать, что Г. Егоровъ не имѣлъ яснаго понятія о личности кавказскаго героя.

Не странно ли читать теперь, вышеупомянутыя мною, аттестаціи Шамиля, послѣ того сочувствія, которымъ онъ пользовался въ Россіи, послѣ той симпатіи, которую онъ возбудилъ во всѣхъ, а главное, послѣ того, что Русскій Императоръ встрѣтилъ его какъ друга, облагодѣтельствовавъ его и тѣмъ признавъ въ немъ истиннаго героя. Этотъ фактъ всего краснорѣчивѣе говоритъ въ пользу Шамиля и опровергаетъ всѣ недѣльные на него навѣты.

Казамъ-бекъ пишетъ: «разумные русскіе патріоты не ненавидятъ Шамиля, не гнушаются имени его; онъ былъ герой и создатель героевъ».

О происхожденіи Шамиля его недоброжелатели печатали, даже лживыя вѣсти, будто Шамиль родился отъ

бѣднаго пастуха и, будучи малюткой, бродилъ изъ селенія въ селеніе съ тяжелой ношей на плечахъ.

Г. Руновскій, находившійся при Шамилѣ въ Калугѣ, пишетъ: „Администрація и законодательство составляютъ главную заслугу Шамиля въ управленіи его дикими горцами».

По мнѣнію Шамиля, характеристику горцевъ составляетъ: пьянство, грабежъ, необузданное своеволіе, дикая невѣжественность и кровожадность. Всѣ эти пороки, если сдерживались въ границахъ, не охвативъ съ собой все населеніе поголовно, то единственно благодаря страху жестокаго наказанія, неумолимости суда и казни виновныхъ. Шамиль убѣдился, что для управленія горцами необходима желѣзная рука; онъ каралъ смертію за обманъ, за ложь, за измѣну, также за разбой и грабежъ. Для того, чтобы держать въ повиновеніи свой народъ, Шамиль ревностно занялся распространеніемъ шаріата.

Исламизмъ имѣетъ двоякое ученіе: Тарикать и Шаріать. Тарикать—высшее состояніе духовной силы и добродѣтели, достигаемая строгимъ исполненіемъ правилъ восторженною молитвою, благочестивымъ созерцаніемъ. Исполнители тариката не должны вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, день и ночь молиться, избрать уединенную жизнь и не употреблять оружія. Послѣдователи тариката называются: шейхами, мюридами, саликами.

Шаріать есть законъ внѣшняго богопочитанія, основанный на словахъ Пророка; въ этомъ законѣ предписанія о молитвѣ, поклоненіи, подаваніи, омовеніи и постѣ. Исполнители шаріата должны проповѣдывать добродѣтели, отклонять взаимныя неудовольствія, рѣшать споры и тяжбы, опредѣлять наказанія и мщенія за преступленія и обиды частнымъ лицамъ, исполнять пять разъ въ сутки обряды; наблюдать посты, сходить разъ въ жизни на богомолье въ Мекку. Слово шаріать

значить по арабски «правильная дорога». Последователи шариата называются: Уллемами, Казіями, Муфтіями и Муллами.

Во время намаза, который мусульмане совершаютъ пять разъ въ день, правовѣрный читаетъ сначала молитву *Альгамъ*, произнося ее, стоя на ногахъ:

Во имя Бога милосерднаго и милостиваго! Хвала будь Богу, Господу всѣхъ тварей, царю въ день судный, дѣлающему добро на землѣ всѣмъ и на томъ свѣтѣ, имѣющему воздать достойное по заслугамъ каждаго! Тебѣ мы служимъ, отъ Тебя помощи просимъ, настави насъ на путь истинный, на путь благоугодный предъ Тобою; отклони отъ насъ путь, навлекающій на насъ гнѣвъ Твой. Аминь.

Затѣмъ, онъ становится на колѣни и произноситъ молитву атахъ-ятуль; вотъ цитированіе разговора Магомета съ Господомъ и ангелами, во время бытности Пророка на седьмомъ небѣ у престола Всевышняго Творца.

Магометъ. Почетъ, благодать, благочестіе, благополучіе.

Богъ. Привѣтствую! Это пророкъ — благодать, Богу моя и тебѣ почетъ!

Магометъ. Привѣтъ намъ и всѣмъ благочестивымъ людямъ!

Ангелы. Заявляемъ: что нѣтъ Бога, кромѣ Бога! еще заявляемъ, что Магометъ его Пророкъ.

Прибавленіе молящагося: «Просимъ у Бога милости для Магомета и его потомства».

Основателемъ религіознаго ученія «Тарикать» былъ житель Кюринскаго ханства Мулла Магомедъ. Изъ горцевъ сильно увлекшихся этимъ ученіемъ, были: Кази-Магомедъ, Гамзатъ-Бекъ и Шамиль. Но какъ только Шамиль вступилъ на общественную дѣятельность, проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости установленія порядка въ своемъ управленіи, онъ началъ употреблять

самыя энергическія мѣры къ водворенію шаріата у горцевъ. Онъ говорилъ народу: Шаріатъ написанъ пророкомъ, который писалъ только то, что говорилъ ему Богъ. Человѣкъ, не исполняющій требованія шаріата, не исполняетъ повелѣній Бога; такой человѣкъ не долженъ жить ни одной минуты. Если я сдѣлаю что нибудь противное шаріату, сейчасъ же рубите мнѣ голову; если вы не будете исполнять законовъ, я буду вамъ рубить головы.

Шамиль измѣнилъ однако нѣкоторыя постановленія шаріата, сообразуясь съ потребностями своего времени и даже издалъ свой кодексъ «низамъ», который принесъ его необузданному народу нравственную пользу, признанную всѣми народами Кавказа. Не есть ли это заслуга передъ исторіей, передъ народомъ и доказательство великаго ума?

Слово «имамъ» означаетъ полномасштабнаго правителя всѣми дѣлами мусульманскаго народа, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ быту; слѣдовательно, неправильно обвинять его въ отступленіи отъ нѣкоторыхъ постановленій шаріата, когда онъ имѣлъ полное право измѣнять ихъ и издавать новые законы.

По правиламъ шаріата супружеская невѣрность карается жестоко. За прелюбодѣяніе назначается смертная казнь, которая состоитъ въ избіеніи камнями. Преступника сажаютъ въ глубокую яму съ руками, привязанными къ ногамъ; бросаютъ въ него камни величиною съ кулакъ до тѣхъ поръ, пока не останется признака жизни. Мужчины побиваютъ мужчинъ, а женщины—женщинъ.

Для обвиненія въ преступленіи требуется не менѣе трехъ свидѣтелей, по правиламъ шаріата. Если въ преступленіи обвиняется женщина,—замужняя или дѣвушка, обѣщанная кому нибудь въ замужество, то преступницы подвергаются смертной казни; такъ же какъ и оболстители, не взирая на возрастъ и званіе.

Мужъ, убѣжденный въ невѣрности жены, имѣетъ право

ее убить; если же въ дѣлѣ жены онъ не хочетъ законнаго показанія, то долженъ простить обоихъ.

Если въ преступленіи обвиняется дѣвушка, не обѣщанная въ замужество, то ее и любовника ее, если онъ холость, наказываютъ публично ста ударами розогъ.

Непослушаніе на войнѣ наказывалось смертію.

За трусость на войнѣ привязывались куски шерсти на руку и на затылокъ.

По установленію Магомета, добыча, головы и имущества побѣжденныхъ, ихъ жены и дѣти становились собственностію побѣдителей.

Если измѣнникъ бѣжитъ къ русскимъ, то съ десяти поручителей взыскивалось пятьдесятъ рублей. Сакля бѣжавшаго сжигалась, а его братъ, отецъ или сынъ заключались въ яму до тѣхъ поръ, пока не сообщать о себѣ бѣжавшему.» Но такъ какъ бѣжавшій не возвращался въ аулъ, то невиновный его родственникъ черезъ нѣкоторое время освобождался.

За заслуги и храбрость Шамиль установилъ чины, ордена и знаки отличій.

Высшимъ административнымъ учрежденіемъ Шамиля былъ «Диванъ», верховный совѣтъ. Предсѣдателемъ его былъ имамъ; а членами были люди, извѣстные своею ученостію и заслугами.

Приведу здѣсь два случая остроумнаго и оригинальнаго рѣшенія суда Шамиля надъ двумя виновными.

Кази-Могамедъ былъ въ ссорѣ съ Сагидомъ Эффенди, извѣстнымъ уже читателямъ, за то, что онъ любилъ вино и склонялъ народъ къ пьянству. Когда Кази Могамедъ сдѣлался имамомъ, собралъ войско и пошелъ на Хараканы, гдѣ жилъ Сагидъ. Подойдя къ селенію, онъ послалъ Шамиля съ отрядомъ, приказавъ сжечь домъ виновнаго. Сагидъ удалился изъ Хараканъ ранѣе прибытія Шамиля, который, вошедъ въ селеніе, обратился къ на-

роду съ слѣдующими словами»: Сагидъ учить васъ пить вино, несите же все ваше вино сюда; выливайте его въ домъ Сагида. Приказаніе было исполнено и комната Сагида-Эффенди до того была залита виномъ, что вся деревянная посуда всплыла на верхъ. Послѣ этого, Шамиль уѣхалъ, оставивъ невредимымъ домъ Сагида.

Еслибы Кази-Магомедъ самъ поѣхалъ чинить расправу съ виновнымъ, вѣроятно, онъ не такъ снисходительно обошелся бы съ нимъ и сжегъ бы его домъ.

Второй случай исполненія приговора надъ преступникомъ еще остроумнѣе.

Черкесь, рубя дрова, взялъ въ плѣнъ еврея, русскаго маркитанта и посадилъ его сзади себя верхомъ на конѣ. Еврей, дрожа отъ ужаса, выдернулъ изъ за пояса черкеса топоръ и, убивъ его, столкнулъ съ лошади и поскакалъ, но былъ пойманъ другимъ черкесомъ и приведенъ имъ къ Шамилю. Имамъ приказалъ: семью убитаго черкеса награждать; черкеса, поймавшаго вновь еврея, высѣчь за то, что онъ на мѣстѣ не убилъ жида; а жиду сказалъ: «прощаю тебя за то, что въ первый разъ въ жизни вижу храбраго жида».

Шамиль не былъ такимъ фанатикомъ, какъ о немъ пишутъ; доказательствомъ тому служить его религіозная терпимость; онъ позволялъ нашимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ въ горы, строить новыя часовни, поддерживать разбросанные древніе храмы, свободно отправлять въ нихъ богослуженіе, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей. Въ окрестностяхъ Веденя существовало нѣсколько раскольничьихъ скитовъ.

У Шамиля было двѣсти человекъ тѣлохранителей; они набраны были изъ аула Чиркей, самаго враждебнаго рускимъ. Когда Шамиль принималъ своихъ наибовъ и правителей, или плѣннаго офицера, тѣлохранители становились полукружіемъ сзади Шамиля, держа надъ головою

его ружья съ взведенными курками и пистолеты, направленные на представляющагося. Когда Шамиль выѣзжалъ, тѣлохранители окружали его со всѣхъ сторонъ и одинъ изъ нихъ: якубъ (т. е. головосѣкъ) ѣхалъ впереди всѣхъ, держа въ рукѣ широкую сѣкиру на древкѣ и восклицалъ: „Иммамуль Аазамъ; а прочіе мюриды тѣлохранители громко произносили въ одинъ голосъ: Ага иль Аллахъ, т. е. Единъ Богъ и кромѣ Него нѣтъ Божества!

Шамиль ѣздилъ на бѣломъ конѣ, у котораго голова и передняя половина туловища были бѣлыя, а задняя—сѣрая въ крупныхъ яблокахъ

Чтобы поднять еще болѣе мюридизмъ въ глазахъ народа, Шамиль установилъ особыя правила, по которымъ весь народъ носилъ чалмы, какъ символъ мюридизма. Муллы носили зеленые чалмы; наибы—желтыя; сотенные начальники—пестрыя; чауши (глашатаи)—красныя; чаджи или лица, бывшія въ Меккѣ—коричневыя; палачи—черныя; а всѣ остальные жители—бѣлыя.

Съ покореніемъ Чечни и Дагестана, русское Правительство разрѣшило носить чалмы только тѣмъ, кто былъ въ Меккѣ.

Имамъ ввелъ за обиды денежные пени, замѣнявшія кровавую мсть; ослабилъ раздѣленіе сектъ: Суннитовъ и Шитовъ.

ГЛАВА V.

Начало войны Шамиля съ Россіей. Кавказская линія. Переселеніе въ Ашильту. Убійство Булачъ-Хана. Мугаметъ-Мирза—новый правитель Аваріи. Занятіе Хунзаха генераломъ Фези. Темиръ-ханъ-Шура. Ахульго. Возмушенія въ Кубинской провинціи и другихъ. Покореніе Тилитлинцевъ. Кибитъ-Магомъ. Шамиль изъявляетъ покорность и поселяется въ Чиркатъ. Свиданіе Шамиля съ Кюки-фонъ-Клюгенау. Отказъ Шамиля ѣхать въ Тифлисъ. Набѣги Шамиля. Экспедиція 1839 года Взятіе Ахульго. Шамиль спасается. Джемаль-Эддинъ аманать. Усмиреніе Чечни и новыя волненія. Эпизодъ съ матерью.

амиль воевалъ съ
 Россіей съ 19-го
 Сентября 1834 го-
 да, по 26-ое Авгу-
 ста 1859 г., всего
 24 года, 11 мѣся-
 цевъ и 7 дней. Главнымъ
 театромъ войны былъ Даге-
 станъ, пересѣченный не ши-
 рокими, но быстрыми рѣчка-

ми, протекающими между высокихъ утесистыхъ горъ, почти сплошь поросшихъ непроходимыми лѣсами. Здѣсь, въ ущельяхъ гнѣздились враждебныя намъ племена, окруженныя аулами горцевъ, подчинившихся русскому владычеству и цѣпью казацкихъ станицъ и укрѣпленій, извѣстныхъ подъ названіемъ Кавказской линіи.

Мы оставили Шамиля въ аулѣ Гимры, куда онъ поѣхалъ послѣ кровавой стычки съ ханами Аваріи и ихъ мюридами. Но здѣсь онъ не долго оставался. Близкое сосѣдство съ нашими владѣніями заставило его переселиться въ Ашильту, гдѣ онъ, почти по принужденію, принялъ на себя власть имама.

Пятнадцать дней послѣ своего избранія, Шамиль отправился изъ Ашильты въ селеніе Атлада (въ Койсубу) и послалъ пятьдесятъ человѣкъ въ Гоцатль съ приказаніемъ привести казну и сокровища Аварской ханши Пакубике и сына ея, Булачь-хана. Имамъ отправилъ всю казну въ Ашильту, а Булачь-хана оставилъ въ селеніи Харачи, близъ Унцукуля и приказалъ жителямъ кормить и хранить его. Въ этотъ же день Шамиль услышалъ, что отрядъ русскихъ приближается къ Гимрамъ, послѣ жаркой перестрѣлки русскіе вернулись къ Эрпелямъ, а Шамиль возвратился въ Ашильту.

Здѣсь начало его управленія Дагестаномъ ознаменовалось кровавымъ эпизодомъ. Онъ приказалъ привести молодого Булачь-хана и бросить его въ рѣку съ моста между Унцукулемъ и Гимрами.

Шамиль говорилъ въ Калугѣ полковнику Богуславскому, что онъ не желалъ смерти Булачь-хана, но народъ требовалъ его гибели, боясь, что когда онъ вырастетъ, то, поддерживаемый Русскимъ Правительствомъ, отомститъ Дагестанцамъ за убійство своей матери и братьевъ.

Спустя мѣсяць послѣ убійства Гамзатъ-бека и избранія Шамиля въ имамы, генераль Клюки-фонъ-Клюгенау, начальствующій войсками Сѣвернаго Дагестана, прибылъ съ отрядомъ въ Гоцатль. Здѣсь, послѣ совѣщанія съ русскимъ начальствомъ, ханами и почетными лицами, онъ назначилъ правителемъ Аваріи сына Асланъ-хана Казигумухскаго Мухамеда мирзу. Двадцать человѣкъ изъ cadaго селенія были приведены къ присягѣ въ вѣрности Русскому Царю. Генераль Клюгенау приказалъ съечь селеніе Гоцатль.

Шамиль прожилъ въ Ашильтѣ четыре года. Въ 1835 и 1836 году число приверженцевъ Шамиля значительно увеличивалось; онъ началъ усиливаться, нападать на

Аварію, раззорять селенія жителей. Аварцы обратились къ Главнокомандующему съ просьбою о помощи. Средства наши были усилены. Баронъ Розень послалъ въ Маѣ 1837 г. Генераль-маіора Фези въ Аварію съ отрядомъ, который расположился въ Хунзахахъ и небольшихъ укрѣпленіяхъ: Балаканы, Унцукуль, Цатанихъ, Ахальчи и Годатль. Для огражденія Шамхала Тарковского отъ покушеній Шамиля, возведена въ 1837 году крѣпость Темиръ-ханъ-Шура.

Главное вниманіе Шамиля было обращено на общество Койсубу, откуда онъ могъ предпринимать нападенія во всѣ стороны на владѣнія Шамхальскія, Мехтулинскія, на Аварію и на сообщенія наши съ Хунзахомъ. Здѣсь, на правомъ берегу Андійскаго Койсу, Шамиль устроилъ опорный пунктъ для дѣйствій и вѣрное убѣжище на случай неудачи; эту укрѣпленную скалу онъ назвалъ «Ахульго».

Возмущеніе въ Кубинской провинціи въ 1837 году волненія въ Табасаранѣ и Каракайтахѣ, набѣгъ Лезгинъ въ 1833 году на городъ Нуху, отвлекли наши войска отъ Сѣвернаго Дагестана; поэтому, предположенная экспедиція 1838 г. противъ Ахульго съ генераломъ Фези не состоялась; онъ долженъ былъ слѣпить въ южный Дагестанъ.

Затѣмъ, начались безпорядки въ селеніи Телетлѣ*); гдѣ правитель его, Кибить-Магомъ, славящійся своею храбростію, сжегъ тридцать три человекъ жителей съ ихъ женами и дѣтьми, говоря, что онъ поступаетъ по шаріату. Генераль Фези, узнавъ объ этомъ, выступилъ съ отрядомъ противъ Кибита-Магома и окружилъ Тилитль. Шамиль съ Кибить-Магомомъ заперлись въ мечети и двадцати сакляхъ. Не имѣя силъ защищаться, Шамиль

---

*) «Кавказъ» 1861 г.

рѣшился спастись хитростію. Онъ послалъ секретно къ Аварскому Могамедъ Мирзѣ-хану просить его устроить миръ между нимъ и русскими. Мирза-ханъ успѣлъ склонить къ этому генерала Фези. Шамиль изъявилъ покорность нашему Правительству и обѣщаль прекратить свои враждебныя дѣйствія; въ залогъ вѣрности онъ и сообщники его выдали аманатовъ, въ числѣ ихъ былъ внукъ сестры Шамиля, Гамзатъ-Бекъ.

Генералъ Фези возвратился въ Хунзахъ; такимъ образомъ, Шамилю удалось освободить страну отъ русскихъ войскъ; самъ же онъ отправился въ Чиркатъ и распустилъ своихъ приверженцевъ по домамъ.

Въ этомъ же году Шамилю было предложено воспользоваться пріѣздомъ Государя Императора въ Закавказскій край для изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ и просить прощенія о совершенныхъ имъ проступкахъ.

Предложеніе это было поручено передать Шамилю начальствующему войсками Сѣвернаго Дагестана, генералу Клюки фонъ Клюгенау съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ Шамиля къ поѣздкѣ въ Тифлисъ.

Генералъ Клюки написалъ письмо Шамилю съ увѣщаніемъ назначить мѣсто и часъ свиданія; на это имамъ согласился. Онъ явился въ сопровожденіи двухъ сотъ вооруженныхъ горцевъ. Г-нъ Клюки - фонъ - Клюгенау убѣждалъ Шамиля ѣхать въ Тифлисъ. Имамъ отвѣтилъ, что совершенно согласенъ отправиться туда, но что безъ согласія Кибитъ-Магомы, Кади-Абдуррахмана и Ташавъ-Гаджи не можетъ рѣшить этого дѣла, потому что они влялись ничего важнаго безъ обоюднаго согласія не предпринимать. При этомъ свиданіи находился адъютантъ генерала Клюки, поручикъ Евдокимовъ, будущій дѣятельный участникъ въ плѣненіи Шамиля въ Гунибѣ.

По окончаніи совѣщаній, ген. Клюки съ Шамилемъ подвылись съ бурки и стали прощаться; первый протя-

нулъ имаму руку, которую Шамиль хотѣлъ взять, но... при этомъ случился эпизодъ, едва не причинившій гибели всѣмъ нашимъ.

Въ одно мгновеніе мюридъ Сурхай, очень уважаемый горцами за чрезвычайную храбрость, отвелъ руку Шамиля, сказавъ, что имаму правовѣрныхъ не прилично подавать руку гауру. Генераль Клюки-фонъ-Клюгенау, до крайности вспыльчивый, вспыхнулъ, поднялъ свой костыль и замахнулся на Сурхая. Еще секунда, ударъ по головѣ свалилъ бы чалму Сурхая, что для фанатика мюрида было бы ужаснымъ оскорбленіемъ; его кинжалъ вонзился бы безъ сомнѣнія въ смѣлаго генерала. Горцы, какъ тигры, прыгнули къ своимъ предводителямъ; жизнь нашихъ была въ опасности. Въ эту минуту Шамиль явился спасителемъ: одной рукой онъ удержалъ костыль на воздухѣ, другой схватилъ руку Сурхая, взявшуюся за кинжалъ, крикнулъ своимъ мюридамъ отойти и сталъ просить генерала удалиться; но послѣдній, страшно разсерженный, презирая опасность, осыпалъ бранью Сурхая. Поручикъ Евдокимовъ, подбѣжавъ, схватилъ генерала за полу сюртука, отвелъ его назадъ, а самъ остался поговорить съ Шамилемъ. Таково было первое знакомство двухъ лицъ, которые встрѣтились на Гунибѣ совершенно при другихъ обстоятельствахъ.

Вернувшись послѣ свиданія съ генераломъ Клюки къ себѣ въ Чиркаты, Шамиль началъ убѣждать всѣхъ своихъ мюридовъ въ пользу его поѣздки въ Тифлисъ; но горцы упрекали его въ намѣреніи измѣнить шаріату, который онъ самъ же началъ вводить и клялись, что если онъ дѣйствительно вздумаетъ ѣхать въ Тифлисъ, то они убьютъ его. Вслѣдствіе этихъ доводовъ Шамиль отвѣтилъ генералу Клюки, что ему невозможно ѣхать въ Тифлисъ. На послѣднее увѣщаніе генерала Клюки, Шамиль отвѣчалъ уже другимъ тономъ. Онъ писалъ: «Доклады-

ваю вамъ, что я рѣшился, наконецъ, не ѣхать въ Тиф-
лисъ, если даже изрѣжутъ меня на куски; потому что
я многократно видалъ отъ васъ измѣны, всѣмъ извѣстныя».

Во время пребыванія Шамиля въ Чиркатѣ, онъ былъ
почти въ нашихъ рукахъ. Жизнь сколькихъ героевъ была бы
сохранена, еслибы удалось склонить его къ миру съ Россіей!

Въ Чиркатѣ Шамиль прожилъ два года. Въ этотъ
промежутокъ времени онъ дѣлалъ набѣги на окрестныя
селенія Койсубу. Нѣсколько разъ нападалъ онъ на селеніе
Унцузуль; жители его держались упорно противъ непріате-
ля; наконецъ Шамиль разбилъ ихъ и вернулся въ Чиркатъ.

Затѣмъ, перейдя Аварское Койсу, Шамиль внезапно
напалъ на покорное намъ селеніе Иргиной и повелъ свой
отрядъ на Аргуани; послѣ жаркой перестрѣлки, скопища
Шамиля разсѣялись. 21-го Мая нашъ главный отрядъ
выступилъ изъ крѣпости «Внезапной» съ цѣлю завладѣть
ауломъ Буртунай, призывавшимъ къ себѣ Шамиля. Онъ
самъ пришелъ на помощь этому аулу съ 3—4 тысячами
человѣкъ. Послѣ жаркой перестрѣлки, аулъ былъ взятъ,
а горцы разбѣжались.

Шамиль, послѣ претерпѣвшей имъ неудачи при Аргу-
ани, слыша о приближеніи русскихъ, заперся въ крѣ-
пости Ахульго съ 2,000 человѣкъ войска; изъ нихъ 100
человѣкъ самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, предводимыхъ
Али-Бекомъ, заперлись въ Сурхаевой башнѣ. Постройка
эта была возведена на остроконечной крутой горѣ, воз-
вышавшейся впереди новаго Ахульго. Старое и Новое
Ахульго занимали два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ
между собою ущельемъ рѣки Апильты. Шамиль поторо-
пился послать въ старыя общества Дагестана для собра-
нія новыхъ скопищъ: Ахверды Магома въ Богуляль;
Сурхая въ Ихали; Галбаца въ Анди.

12-го Іюня нашъ отрядъ перешелъ на правую сторону
Койсу подъ предводительствомъ генерала Граббе. 16-го

Юня приступлено было къ штурму, но неуспѣшно. Непрiятель защищался съ чрезвычайнымъ упорствомъ. Съ каждымъ боемъ Шамиль лишался кого нибудь изъ самыхъ близкихъ. Когда русскiе ворвались въ передовую часть укрѣпленiй, мюриды потеряли голову и готовы были бѣжать. Тогда женщины съ малолѣтними дѣтьми бросились впередъ и остановили бѣжавшихъ. Эти героини, переодѣтыя въ мужскiя платья, сами упорно дрались въ передовыхъ укрѣпленiяхъ.

Пока Шамиль имѣлъ сообщенiе съ лѣвымъ берегомъ Койсу, онъ могъ постоянно возобновлять свои силы и средства; поэтому, генераль Граббе началъ полную блокаду крѣпости съ обѣихъ сторонъ. Шамиль, видя настойчивость, съ которою продолжалась осада, старался войти въ переговоры съ ген. Граббе и выбралъ посредникомъ своимъ Джемаль-Эддина.

Генераль Граббе отвѣчалъ, что только тогда вступить въ переговоры, если Шамиль изъявитъ желанiе покориться Русскому Правительству и выдастъ предварительно сына своего въ аманаты; на это предложенiе Шамиль несогласился.

12-го Августа Шамиль выслалъ парламентаря изъ Ахульго. Переговоры тянулись четыре дня, но безъ успѣха. Въ ту же ночь возобновилась перестрѣлка; наконецъ, Шамиль, потерявъ надежду удержать Ахульго, выставилъ бѣлый флагъ въ знакъ перемирiя. На сторонѣ непрiятеля былъ такой уронъ, что впродолженiе болѣе сутокъ горцы убирали тѣла убитыхъ.

Утромъ, 19-го числа, генераль Пулло взомель въ Ахульго; но переговоры и на этотъ разъ не привели къ цѣли. 21-го Августа штурмъ возобновился. Однако, въ ту же ночь Шамиль рѣшился самъ оставить Ахульго съ семействомъ и вѣрными мюридами; сынъ его, Джемаль Эддинъ, былъ взятъ въ аманаты.

Одиннадцать недѣль длилась осада Ахульго, ознамено-

ванная неслыханнымъ геройствомъ нашихъ войскъ и стоившая намъ три тысячи человекъ убитыми и ранеными. Шамиль едва спасся отъ плѣна, спустился по обрыву, скрылся въ одну изъ пещеръ, надъ рѣкою Койсу. Не легко было выгнать непріятеля изъ пещеръ, находившихся въ стѣсномъ обрывѣ вадъ берегомъ Койсу. Болѣе тысячи труповъ несло по рѣкѣ. Девять сотъ человекъ стариковъ, женщинъ и дѣтей взято въ плѣнъ. Нѣкоторые выхватывали штыки у часовыхъ и бросались на нихъ. Во время осады, Шамиль лишился жены своей, Джагараты, младенца сына Сагида, двухъ племянниковъ и другихъ родныхъ. Вслѣдствіе столькихъ кровныхъ потерь, жажда мести къ гяурамъ въ немъ возгорѣлась еще болѣе. Онъ пробрался тихо ночью къ нашимъ секретамъ и уничтожилъ ихъ. Во время осады крѣпости онъ роздалъ всѣмъ женщинамъ кинжалы съ тѣмъ, что если онѣ не успѣютъ спастись или заколоть себя, чтобы онѣ бросились въ рѣку. Сестра Шамиля, Фатимать, не желая быть въ плѣну у гяуровъ, предпочла кончить жизнь въ рѣкѣ Койсу.

Три дня скрывался Шамиль подъ скалою, а на четвертый бѣжалъ въ Баяни Жители этого аула, окруженнаго лѣсными дебрями, всегда отличались непокорностію и не скрывали своей ненависти къ русскимъ. Они охотно оказали гостепрѣимство Шамилю. Начавшіяся въ это время волненія въ Чечнѣ, побудили его избрать пребываніемъ Шубуты, откуда ему удобнѣе было наблюдать за движеніемъ непріятеля.

Вслѣдъ затѣмъ генераль Клюки фонъ Клюгенау пошелъ на Чиркеевцевъ, пожелавшихъ передаться Шамилю, разбилъ ихъ и заставилъ покориться; Салатавія, Аухъ, Андія послѣдовали имъ.

Зимой съ 1839—1840 годъ, Чечня, только что усмирная, вновь взбунтовалась. Кавказское начальство пожелало обезоружить чеченцевъ; имъ предлагали уплачи-

вать подати не деньгами, а оружіемъ; все населеніе рѣшилось лучше умереть, чѣмъ рисковать дать себя перерѣзать. Шамиль, обрадованный благоприятными обстоятельствами, старался окончательно взбунтовать чеченцевъ и переселилъ ихъ въ Черныя горы, гдѣ они были въ большей безопасности отъ русскихъ. Всѣ горы, наполняющія Чечню, Ичкерію и Ахъ, покрыты строевымъ листовымъ лѣсомъ, отчего по наружному виду называются черными, въ отличіе отъ снѣговыхъ. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ Ахульго, восемь аварскихъ деревень и нѣкоторыя койсубулинскія общества признали власть Шамиля. Кибитъ-Магомъ Тилитлинскій взбунтовалъ сосѣднія общества и Шамиль назначилъ его ихъ набомъ. Менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ взятія Ахульго, Шамиль явился во главѣ многочисленнаго, воинственнаго народа. Онъ счумѣлъ привлечь къ себѣ всю Большую и Малую Чечню; къ нимъ пристали Ауховцы, Ичкеринцы и Карабулаки.

Непокорная намъ Чечня, изнемогая отъ нашествія нашихъ войскъ, рѣшилась наконецъ обратиться къ Шамилю съ просьбою, чтобы онъ защитилъ ее или дозволилъ признать надъ собою власть Россіи. Но какъ и чрезъ кого приступить къ грозному имаму съ такой рискованной просьбой? Избрали депутатовъ; но и они знали, что за одну мысль о покореніи ихъ Россіи, имъ угрожала неизбежная смерть. Внезапно пришла депутатамъ счастливая мысль передать свою челобитную Шамилю черезъ его мать, которую онъ горячо любилъ. Имамъ исполнялъ всѣ желанія и просьбы матери, какъ завѣтъ священнаго корана. По ея просьбамъ сынъ часто прощалъ приговоренныхъ къ смерти, возвращалъ имѣнія ограбленнымъ и каждый день толпа народа окружала саклю старушки, славившейся своею добродѣтелью.

За ходатайство Баху-Меседу передъ сыномъ, чеченцы

предложили ей 200 тумановъ (2,000 р.) награды. Старушка соблазнилась деньгами и передала Шамилю просьбу чеченскаго народа. Какъ страшнымъ громомъ имамъ былъ пораженъ словами матери. Она явилась передъ нимъ какъ отступница закона Магомета, какъ нарушительница его законныхъ правъ надъ народомъ, единогласно избравшимъ его своимъ повелителемъ. Онъ ничего не отвѣтилъ матери и заперся въ своемъ кабинетѣ.

На другой день Шамиль отправился въ мечеть, чтобы поститься и молиться до тѣхъ поръ, пока не услышитъ святую волю Пророка. Жителямъ аула онъ приказалъ собраться на площади вокругъ мечети и оставаться тамъ въ безпрестанной молитвѣ, пока онъ не выйдетъ изъ своего заключенія.

Проходить день, другой, дверь мечети остается затворенною. Настаетъ третій день; депутаты ждутъ со страхомъ и трепетомъ рѣшенія имама. Народъ обезсиленный отъ поста и безсонныхъ ночей, съ трудомъ подымается на ноги. Трудно себѣ представить тѣ моральныя страданія, которыя Шамиль долженъ былъ пережить эти три дня! Какое средство придумать, что бы дать всѣмъ подданнымъ Чечни почувствовать всю глубину ихъ преступнаго шага, а съ другой стороны удовлетворить сыновнія чувства назначеніемъ матери возможно меньшаго наказанія! Простить—немыслимо; наказать—слишкомъ тяжело!

Наконецъ, по истеченіи трехъ мучительныхъ дней, дверь мечети отворилась. Шамиль вышелъ на плоскую крышу своей сакли, блѣдный, печальный; глаза его были налиты кровью, какъ-бы отъ продолжительныхъ слезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ двое муллъ ввели на крышу мать имама, покрытую бѣлой чадрой; неровными шагами двигалась бѣдная женщина и стала лицомъ къ лицу съ своимъ сыномъ.

Шамиль, поднявъ мутные глаза къ небу, произнесъ слабымъ голосомъ: «Великій Пророкъ Магометъ! Святы и неизмѣнны велѣнія Твои! Да исполнится правый судъ твой, въ прижѣръ всѣмъ послѣдователямъ корона.»

«Жители Дарго! Я долженъ объявить вамъ страшную вѣсть. Чеченцы, измѣняя долгу правовѣрныхъ, забывая клятву, принесенную ими предъ лицомъ Аллаха и Магомета, въ преступныхъ сердцахъ своихъ положили дерзкое намѣреніе покориться гяурамъ и не устыдились прислать въ Дарго депутатовъ, которые, чувствуя гнусность своего намѣренія, обратились къ несчастной моей матери; она, какъ слабая женщина, рѣшилась ходатайствовать за безумныхъ чеченцевъ. Я трое сутокъ молился и просилъ Аллаха, чтобы онъ научилъ меня какъ поступить съ Чечней. Дозволить ли чеченцамъ принять власть гяуровъ? Аллахъ отвѣчалъ: «кто первый высказалъ тебѣ постыдное намѣреніе, дай тому сто ударовъ плетью. Увы! этотъ первый—была мать моя и по волѣ Аллаха я долженъ дать ей сто ударовъ!»

Народъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ имама. Бѣдная мать испустила жалобный вопль. По знаку Шамиля мюриды сорвали съ нее чадру и ухватили ее за руку. Шамиль, взявъ плеть, отсчитываетъ ей пять ударовъ; при послѣднемъ она лишилась чувствъ. Шамиль, пораженный этимъ убійственнымъ зрѣлищемъ, бросаетъ плеть и падаетъ къ ногамъ матери. Въ народѣ послышались рыданія; многіе, протирая руки къ мечети, молились о пощадѣ своей благодѣтельницы.

Черезъ нѣсколько минутъ имамъ встаетъ съ радостнымъ лицомъ; счастливая мысль озаряетъ его и онъ говоритъ: Я просилъ Аллаха о помилованіи и онъ приказалъ, чтобы остальные девяносто пять ударовъ я принялъ на себя. Теперь бейте меня; да смотрите, если кто пропуститъ хоть одинъ ударъ, того я заколю сейчасъ.

Шамиль терпѣливо выдержалъ удары; всталъ и совершенно спокойнымъ голосомъ сказалъ: «Гдѣ эти злодѣи, за которыхъ мать моя потерпѣла позорное наказаніе?» Несчастные четыре депутата были привлечены къ ногамъ повелителя. Въ ожиданіи своей смерти они читали отходныя молитвы; Шамиль поднялъ ихъ собственными руками и сказалъ: «Вы видѣли, что здѣсь было; возвратитесь къ народу вашему и расскажите въ отгѣтъ на безразсудное его требованіе, что вы здѣсь видѣли и слышали.»

Можно себѣ представить, какъ внушительно и потрясающее подѣйствовало это происшествіе на чеченцевъ.

Происходилъ-ли вышеописанный эпизодъ въ жизни Шамиля или онъ вымысленъ — неизвѣстно; о немъ упоминается во многихъ журналахъ. Но если это прискорбное для Шамиля происшествіе и случилось, то судить о немъ христіанину и европейцу весьма трудно; надо быть фанатикомъ-магометаниномъ, такимъ же могущественнымъ, вліятельнымъ повелителемъ дикаго, необузданнаго народа, какимъ былъ Шамиль, чтобы понять, почему онъ былъ вынужденъ къ такому, по нашимъ понятіямъ, возмутительному поступку. Не употреби онъ сильнаго средства для вразумленія чеченцевъ, другія селенія и общества послѣдовали бы примѣру послѣднихъ и власть Шамиля на Кавказѣ превратилась-бы въ ничто,

Удивительно-ли, что Шамиль дорожилъ своею властію и своею могущею на Кавказѣ ставилъ выше всего; онъ приобрѣлъ и то и другое своею кровью и двадцати-лѣтнею борьбою съ Великою Державой! Онъ смягчилъ наказаніе матери по возможности, а самъ, ни въ чемъ неповинный, принялъ унижительное для правителя народа наказаніе почти всецѣло на себя. Какъ бы въ искупленіе за причиненныя страданія матери, онъ наложилъ на себя наказаніе, въ двадцать разъ сильнѣйшее.

ГЛАВА VI.

Пораженіе генерала Галафѣва при Чечнѣ. Переселеніе въ Дарго. Неудачная экспедиція генерала Граббе. Осада Шамилемъ Унцукуля. Гибель отряда полковника Веселицкаго. Взятіе Шамилемъ Гергебиля. Г-нъ Фрейтагъ разбиваетъ его въ Казанищахъ при неудачномъ походѣ на Шуру и Низовое укрѣпленіе. Генераль Пассекъ разбиваетъ Шамиля. Занятіе нашими войсками Анди. Князь Бяратинскій раненъ. Смерть полковника Веселицкаго и 10 офицеровъ. Взятіе Дарго. Сухарная экспедиція. Занятіе Аргунскаго ущелья. Шамиль въ Веденѣ. Кошечка Шамиля. Военное искусство Шамиля. Регулярное войско. Пораженіе Шамиля при Кутишахъ. Князь Аргутинскій разбиваетъ Кибить-Магома. Взятіе Гергебиля княземъ Аргутинскимъ. Взятіе укрѣпленія Ахты. Осада Чоха. Неудачный походъ Шамиля на Гумаши. Пораженіе его при Турчи-Дагѣ, Авгурѣ и Мичикѣ. Занятіе Закоталь. Экспедиція въ Грузію. Плѣненіе княгини Чавчавадзе и Орбеліани и князя Грузинскаго. Переходъ князя Аргутинскаго чрезъ снѣжныя хребты. Пораженія Шамиля.

ослѣ отложенія отъ Рос-
сiи Чечни въ 1840 году,
ближайшія въ ней де-
ревни къ Дагестану изъ-
явили свою покорность
Шамилю. Генераль Га-
лафѣевъ двинулся въ
Малую Чечню съ цѣлю нака-
зать жителей за измѣну, но понесъ
сильное пораженіе при Валерикѣ.

Въ этомъ же году Шамиль по-
селился въ Дарго, въ большой
Чечнѣ. Здѣсь въ ста верстахъ отъ
Темиръ-ханъ-Шуры, онъ жилъ

въ деревянномъ домѣ, выстроенномъ попавшимися въ
плѣнъ русскими солдатами.

Въ 1842 году экспедиція генерала Граббе въ Ичкерію
причинила намъ большія потери.

Въ 1843 году, пользуясь недостаточностію нашихъ
войскъ, Шамиль старался вытѣснить насъ изъ Аваріи.
Въ Августѣ онъ собралъ у Дылыма значительное войско;
сдѣлавъ менѣе чѣмъ въ сутки переходъ въ 70 верстѣ,
явился предъ Унцукулемъ, занятымъ одною ротою и
тремя орудіями. Получивъ извѣстіе объ осадѣ Унцукуля,
генераль Клюки-фонъ-Клюгенау поспѣшилъ въ Аварію
съ первыми войсками. находившимися подъ рукою. Пол-
ковникъ Веселицкій, начальствуя Цатанихскимъ гарни-
зономъ, желая скорѣе подать помощь Унцукульцамъ, со-
бралъ изъ ближнихъ укрѣпленій четыре роты (350 ч.)

и двинулся съ ними при двухъ орудіяхъ на выручку Унцукуля.

28-го числа Августа мѣсяца, полковникъ Веселицкій подошелъ къ атакованному селенію, но слабый отрядъ его былъ истребленъ мюридами. Унцукуль, послѣ четырехъ-дневной осады былъ взятъ; полковникъ Веселицкій съ 10 нашими офицерами попался въ плѣнъ горцамъ.

Затѣмъ, Шамиль двинулся противъ другихъ укрѣпленій Аваріи и менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли овладѣлъ всѣми, исключая Хунзаха.

Въ Октябрѣ 1843 г. Шамиль двинулся на Гергебиль, занятый двумя съ половиною ротами; горцы ворвались въ укрѣпленіе только тогда, когда въ живыхъ осталось пятьдесятъ человѣкъ защитниковъ.

Послѣ взятія Гергебиля, Шамиль двинулся въ Мехтулинское ханство; все общество возстало и увлекло за собой Шамхальство. Затѣмъ, Шамиль обложилъ Шуру и Низовое укрѣпленіе, но генераль Фрейтагъ разбилъ его при Казанищахъ. Шамиль бѣжалъ въ Эрпели и вернулся въ Дарго черезъ Гимры.

Чтобы остановить успѣхи Шамиля, въ 1844 году, на Кавказъ былъ присланъ 5-ый корпусъ, но прежде его прибытія имамъ вторгся въ Сѣверный Дагестанъ съ 20,000 войска и былъ разбитъ храбрымъ генераломъ Пассекомъ, который палъ геройскою смертію во время сухарной экспедиціи, лично выбивая горцевъ изъ завала въ головѣ своей роты навагинцевъ.

Въ концѣ 1844 года князь Воронцовъ замѣнилъ генераль-адъютанта Нейдгарта и вознамѣрился пройти Большую Чечню и Андію, чтобы стѣснить Шамиля въ непреступныхъ до тѣхъ поръ убѣжищахъ.

Горцы возобновили свои набѣги на многихъ пунктахъ. Наши войска, преодолевъ чрезвычайныя препятствія при перевалѣ Кыркъ, при спускѣ по узкой дорогѣ, вьющейся

надъ горнымъ обрывомъ, въ Гумбетъ, при занятіи крутой горы Анчимерь, проложили себѣ путь къ Андійскимъ воротамъ. Шамиль предалъ огню всё богатая селеніе Андїи. Наши заняли селеніе. Въ дѣлѣ при Анди полковникъ князь Барятинскій былъ раненъ; полчища горцевъ были разсѣяны, а Шамиль спасся бѣгствомъ съ десятью набрами.

Въ 1845 году Главнокомандующій, князь Воронцовъ, двинулся съ 3-хъ сторонъ внутрь Дагестана и остановился въ Буртунаѣ. Шамиль, предвидя, что онъ долженъ будетъ удалиться изъ Дарго, приказалъ убить нашего полковника Веселицкаго и десять человекъ офицеровъ, находившихся съ нимъ въ плѣну. Шамиль рассказываетъ такъ объ этомъ кровавомъ происшествіи:

Переговоры о выкупѣ этихъ плѣнныхъ шли за-долго до Даргинской экспедиціи. Шамиль ожидалъ предложенныхъ ему условій; они заключались въ обмѣнѣ офицеровъ на плѣнныхъ горцевъ, списокъ которымъ обѣщанъ былъ скорѣ. Но вмѣсто списка найдена была въ присланномъ для плѣнниковъ печеномъ хлѣбѣ записка, которою они приглашались мужаться и потерпѣть немного, такъ какъ вслѣдъ за запискою идутъ къ Дарго наши войска. Шамиль разсудилъ, что естественно стараться избирать всевозможныя средства къ освобожденію плѣнныхъ болѣе удобнымъ способомъ: но убѣжденіе въ невѣрности христіанъ утвердилось въ Шамилѣ этой запиской, а близость срока появленія нашихъ войскъ побудила его объявить плѣннымъ, что если отрядъ нашъ придетъ въ Дарго не такъ скоро, то онъ спасетъ ихъ потому, что будетъ имѣть время перевести ихъ въ другое, безопасное мѣсто; въ противномъ случаѣ они должны приготовиться къ смерти.

Съ приближеніемъ нашего отряда къ Дарго, собрались старшины всѣхъ окрестныхъ обществъ, выразили покорность Русскому Правительству и объяснили, что они съ

величайшею искренностію сохранили бы преданность Россіи, еслибы въ сосѣдствѣ не жилъ Шамиль, которому они не могутъ сопротивляться; при этомъ они высказали нѣсколько жесткихъ словъ о Шамилѣ въ присутствіи верховнаго совѣта; рассказывали о его значеніи, о средствахъ, какія онъ принимаетъ, чтобы держать въ покорности подчинившійся ему народъ. Все это было сравнено съ личностію и значеніемъ обыкновеннаго разбойника, котораго очень легко схватить.

Подвергаясь не столько чувству оскорбленнаго самолюбія, сколько требованію окружавшихъ его лицъ, Шамиль далъ свое согласіе на умерщвленіе плѣнныхъ.

6-го Іюля Главнокомандующій выступилъ съ сильнымъ отрядомъ къ Дарго. Войска наши шли по обрывистымъ оврагамъ, по дремучему Ичкеринскому лѣсу, по едва проходимымъ тропинкамъ, загроможденнымъ завалами. На протяженіи семи верстъ надо было пролагать себѣ путь подъ градомъ пуль; каждый шагъ стоилъ крови. Главнокомандующій распорядился самъ двумя ротами навиганцевъ, платье его было прострѣлено пулями, но ни одна не коснулась его. Солдаты говорили, что онъ заговоренъ; подлѣ него убили его адъютанта.

Узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, Шамиль выступилъ въ селеніе Алмахъ со всѣми наибамы и со всѣмъ войскомъ. Онъ сказалъ набамъ: «Главнокомандующій идетъ на насъ со всѣми силами Кавказа. Цѣль его или истребить насъ, или заключить съ нами миръ. Знайте, что если кто нибудь изъ васъ будетъ просить меня помириться съ русскими, то я убью того». Эти слова Шамиль подтвердилъ клятвою. Всѣ набы поклялись, что будутъ сражаться. Жителямъ Дарго онъ велѣлъ выселиться въ Чечню. Кровавый бой продолжался четыре дня. Шамиль, видя своихъ мюридовъ выбитыми изъ такихъ мѣстностей, которыя и безъ обороны считались неприступными,

не отважился оборонять Дарго. Онъ старался разрушить свое убѣжище, а самъ, на другой день, ушелъ въ окрестныя лѣса и горы, занявъ пути въ Андію.

Недостатокъ продовольственныхъ запасовъ въ главномъ отрядѣ по занятіи Дарго, вынудилъ князя Воронцова выслать колонну за провіантомъ на переваль, ведущій въ это укрѣпленіе изъ Анди, куда въ то время былъ подвезенъ провіантъ. Движеніе этой колонны названо войсками «сухарной экспедиціей». Высланныя войска, во время слѣдованія къ перевалу и обратно, выдержали нападенія непріятеля, понесли огромныя потери и успѣли доставить въ главный отрядъ запасовъ, вмѣсто десяти, только на три дня. По теоріи, каждый солдатъ долженъ былъ принести сухари своему товарищу; на дѣлѣ вышло, что нашъ отрядъ не принесъ почти вовсе сухарей, но доставилъ много раненныхъ. Рѣшено было военнымъ совѣтомъ идти обратно чрезъ Герзель ауль, на что было употреблено десять дней, сопряженныхъ съ огромными затрудненіями.

Послѣ Даргинской экспедиціи графъ Воронцовъ занялся устройствомъ сильныхъ укрѣпленій на передовой линіи въ прибрежномъ Дагестанѣ съ цѣлю лишить горцевъ удобства для вторженія въ наши предѣлы.

Шамиль переправился на правый берегъ рѣки Аргунни и отступилъ на семь верстъ въ ущелье Ахъ Верды. Наши заняли Аргунское ущелье и заставили Шамиля покинуть Чечню. Имамъ перенесъ свою резиденцію въ Ведень, въ Ичкеріи, служившій ему мѣстопробываніемъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ. Здѣсь слава его возростала въ продолженіе пяти лѣтъ.

«Дарго» на Ичкерскомъ нарѣчійи и «Ведень» на Чеченскомъ, значать одно и то же: «плоское мѣсто». Поселившись въ Ведено, Шамиль строго запретилъ своему народу называть это мѣсто настоящимъ его именемъ и далъ

ему названіе: «Дарго-Ведено», чтобы показать русскимъ, что если они взяли одно Дарго, то у него есть еще много другихъ. Недалеко отъ аула Шамиль приказалъ выстроить просторный домъ для своего семейства, а для себя небольшой флигель съ мезониномъ, состоявшимъ изъ одной каморки. Жилище свое Шамиль укрѣпилъ рвомъ, полисадомъ изъ толстыхъ бревенъ и стѣною, которую вооружилъ пушками.

Жены Шамиля имѣли каждая свои отдѣленія изъ трехъ комнатъ; но онѣ находились тамъ тогда только, когда ожидали посѣщенія имама; прочее время онѣ проводили въ комнатѣ воспитательницы дѣтей; спальни ихъ оставались пустыми и всегда содержались въ чистотѣ и порядкѣ. Имамъ посѣщалъ своихъ женъ понедѣльно, строго наблюдая между ними очередь, согласно съ тѣмъ, какъ написано объ этомъ въ книгахъ.

Въ комнату имама могли входить только сыновья его. казначей Хаджію, секретарь Амиръ-Ханъ, Абдурахманъ, зять его и очень близкіе къ нему люди. Прочіе посѣтители принимались въ особой комнатѣ «кунацкой». Изъ чужихъ мужчинъ немногіе обѣдали съ имамомъ: только Даніэль Султанъ Елисуійскій, служившій въ русской службѣ, а съ 1844 года передавшійся Шамилю, вслѣдствіе столкновеній съ властями Джаробѣлоканскаго Округа. Изъ гордости онъ пренебрегъ званіемъ, чиномъ и сорока тысячнымъ содержаніемъ въ годъ. Шамиль очень обрадовался появленію Даніэль-Султана, надѣясь съ его помощію овладѣть сосѣдними съ Дагестаномъ русскими владѣніями. Кази-Магомъ, сынъ Шамиля, женился впоследствии на хорошенькой дочери Даніэля; тѣмъ болѣе Шамиль имѣлъ причину выказать свое радушіе вліятельной личности на Кавказѣ. Прочіе пріѣзжіе останавливались въ аулѣ у знакомыхъ, а къ обѣду были всегда приглашаемы къ имаму.

На самомъ дѣлѣ Шамиль никогда не обѣдалъ одинъ. Постояннымъ его собесѣдникомъ была некрасивая, пестрая кошечка; ее принесъ къ имаму одинъ бѣглый солдатъ. Имамъ очень любилъ свою кошечку. Онъ устроилъ ей особый уголокъ въ своей комнатѣ; она являлась къ его обѣду всякій день безъ зова и онъ до того привыкъ къ ея обществу, что безъ нея не садился за столъ и самъ не ѣлъ, пока она не начинала ѣсть; кошечка ѣла то, что имамъ приготовлялъ ей собственными руками; она ничего не ѣла, кромѣ куриного мяса, изрѣзаннаго на мелкіе куски. Имамъ обѣдалъ на полу, сидя за низенькимъ столомъ; кошечка садилась противъ него и ласково мурлыкала, смотрѣла какъ онъ приготовлялъ ей кушанье. Кромѣ кошечки съ имамомъ обѣдали иногда дочери: Наджавать, Софіать и Ваху-Меседу, названная такъ по матери Шамиля.

Во время осады Ведено, когда Шамиль находился въ одномъ изъ окружающихъ его дѣсовъ, а семейство его было отправлено въ крѣпость Ичичали, кошечка начала скучать. Кази-Магомъ поселился въ кабинетѣ отца и точно такъ же ухаживалъ за нею, какъ и имамъ. Не смотря на это, кошечка скучала, ничего не ѣла и въ одинъ ненастный день Кази-Магомъ нашелъ ее мертвою у дверей, съ поднятыми кверху лапами. Онъ похоронилъ ее съ почестью со своими мюридами и даже произнесъ надъ ней надгробное слово. Когда Шамиль узналъ о смерти своей кошечки, сказалъ: «теперь мнѣ худо будетъ»

Прислуга Шамиля состояла изъ плѣнныхъ мусульманъ, кумыковъ и солдатъ. Имамъ объявилъ первымъ свободными и только по ихъ собственному желанію оставлялъ у себя въ услуженіи, одѣвалъ, кормилъ, въ случаѣ надобности давалъ имъ барановъ и быковъ; дарилъ ихъ деньгами. Всѣ они жили съ семействами въ особой слободѣ вблизи имамскаго дома.

Абдуррахманъ пишетъ: «Шамиль очень добръ и ласковъ къ простымъ людямъ, къ прислугѣ, къ нищимъ, даже къ плѣннымъ. Онъ былъ увѣренъ, что молитвы бѣдныхъ угодны Богу; отправляясь на войну, онъ собиралъ ихъ, одѣлялъ деньгами, ситцемъ и пр., просилъ молиться за успѣхъ предстоящаго дѣла».

Всякую пятницу имамъ ходилъ молиться въ мечеть куда не допускались женщины, исключая самыхъ дряхлыхъ старухъ. Жители аула и мюриды разставлялись шпалерами отъ имамскаго дома къ мечети. Имамъ, выйдя изъ дому въ зеленой суконной чухѣ (черкескѣ), направлялся къ мечети; мюриды, въ томъ же порядкѣ двигались къ ней, распѣвая священныя пѣсни.

Шамиль занимался дѣятельно въ Ведено преобразованиемъ военнаго искусства у горцевъ и устройствомъ артиллеріи, взявъ себѣ за образецъ русскихъ. Артиллерія Шамиля состояла по большей части изъ русскихъ пушекъ, взятыхъ въ 1843 году; но имамъ началъ отливать и собственныя пушки и ядра. Онъ устроилъ пороховые заводы въ Веденѣ, Унцукулѣ и Гунибѣ, гдѣ выдѣлывались ракеты.

Шамиль устроилъ регулярное войско (низамъ), раздѣлилъ его на сотни и десяткі; поставилъ въ каждомъ обществѣ наибство. Наибъ былъ начальникомъ пяти участковъ, составлявшихъ провинцію; онъ пользовался духовною и гражданскою властію. Наибство содержало 300 всадниковъ.

Изъ Дарго-Ведено Шамиль дѣлалъ набѣги на подвластныя намъ селенія. Такъ въ 1846 году онъ предпринялъ походъ на селеніе Кутити съ отрядомъ въ 20.000 человекъ, но былъ разбитъ княземъ Бебутовымъ.

Въ 1847 году войска князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукова разбиваютъ скопища Кибитъ-Магома близъ Салтинскаго моста.

Въ томъ же году князь Воронцовъ устремился на Гергебиль, но не имѣлъ успѣха; на слѣдующій 1848 годъ, князь Аргутинскій-Долгорукій предпринялъ вторичную осаду Гергебиля и взялъ это укрѣпленіе. Наибы съ войскомъ бѣжали. Шамиль вернулся въ Дарго-Ведено.

Затѣмъ, горцы напали на Казикумухъ и были отражены княземъ Аргутинскимъ.

Въ 1848 г. Шамиль окружилъ Ахтинское укрѣпленіе и взорвалъ башню; князь Аргутинскій зашелъ въ тылъ Шамилю; около Хозровъ произошла жаркая битва; горцы бѣжали. Шамиль вернулся въ Ведено.

Въ 1849 году князь Аргутинскій двинулся на укрѣпленіе Чохъ; здѣсь не осталось камня на камнѣ, но русскіе не заняли укрѣпленія. Князь Аргутинскій вернулся на Турчи-дагъ, а Шамиль въ свою резиденцію.

Въ томъ же году Шамиль послалъ Гаджи-Мурата въ селеніе Гамаши, гдѣ горцы убивали жителей и брали ихъ въ плѣнъ, такъ, что никого тамъ не осталось; услышавъ о приближеніи русскихъ, горцы бѣжали. Въ 1850 году Шамиль предпринялъ вторичный походъ на Гумаши и также не имѣлъ успѣха.

Въ 1851 году скопища Шамиля понесли пораженіе отъ войскъ Дагестанскаго отряда на высотахъ Турчи-Дага и отряда Г.-Л. Барятинскаго при Автурѣ и на Мичикѣ.

Въ 1852 году Шамиль выступилъ съ Кази-Магомомъ и Даніэль-Султаномъ на Закаталы; жители впустили ихъ безъ сопротивленія. Имамъ послалъ Даніэль-Султана на Алазань; начальникъ князь Орбеліяни пресѣкъ ему путь.

Произошло сраженіе. Показались войска князя Аргутинскаго; наибы испугались и отступили.

Въ 1853 году Турецкій Омеръ-Паша предложилъ Шамилю соединиться съ нимъ. Шамиль выступилъ съ 15 тысячами войска и остановился въ Каратѣ; затѣмъ, до-

шелъ до Цунта и послалъ Кази-Магома съ семью тысячами войска въ Грузію чрезъ Алазань. Провожатыми были Цунталыцы и армянинъ Муса, который указалъ путь на Цинандалы, гдѣ княгини Чавчавадзе и Орбелиани попались въ плѣнъ дикимъ горцамъ. На обратномъ пути въ Ведено Кази-Магомъ увидѣлъ, что русскіе заняли переправу чрезъ Алазань; онъ бѣжалъ съ войскомъ и провелъ ночь въ лѣсу между Шильдой и Кварели.

Узнавъ, что русскія войска двинулись на нихъ съ двухъ сторонъ, наобы испугались и поднялись на возвышенность къ Шамилю, который взялъ двѣ башни съ ихъ начальникомъ, княземъ Грузинскимъ.

Шамиль приказалъ вывести изъ башенъ всѣхъ грузинъ и помѣстилъ тамъ княгиню и дѣтей. Подобныхъ башенъ было много въ Кавказскихъ горахъ. Преданіе говорить, что въ древнія времена ихъ воздвигали грузинскіе цари съ цѣлю поддержанія своихъ миссіонеровъ, распространявшихъ христіанство въ горахъ. Башни эти дѣлали впоследствии много хлопотъ нашимъ войскамъ во время экспедицій противъ горцевъ.

На возвратномъ пути Шамиль позволилъ грузинскому князю провожать плѣнницъ въ Дарго-Ведено, но по пріѣздѣ туда Шамиль посадилъ его въ темницу.

Въ 1853 г. Дагестанскій отрядъ совершаетъ подъ предводительствомъ князя Аргутинскаго исторически знаменитый переходъ съ высотъ Турчи-Дага на Лезгинскую линію черезъ пять снѣговыхъ хребтовъ; славный нашъ герой Кавказскій освобождаетъ Мессельдегерское укрѣпленіе, вслѣдствіе чего Шамиль долженъ былъ бѣжать на Ирибъ.

Въ 1854 году генераль-маіоръ баронъ Врангель наноситъ пораженіе отряду Шамиля за Аргуномъ; а баронъ Николаи разбиваетъ Шамиля при аулѣ Исти-су; здѣсь мюridы оставили четыреста тѣлъ на мѣстѣ.

Въ 1855 году баронъ Врангелъ поражаетъ скопища, высланныя Шамилемъ, чтобы препятствовать переселенію къ намъ Чеченцевъ при рѣкахъ Аргунѣ и Джалгѣ.

Такія частыя поряженія не могли не ослаблять силы Шамиля и онъ самъ долженъ былъ чувствовать, что слава его начинаетъ меркнуть.

ГЛАВА VII.

Воспоминаніе о плѣнницахъ. Князь Илико Орбеліани. Тяжкія испытанія плѣнницъ. Обмѣнъ плѣнныхъ. Тоска Джемаль-Эддина, сына Шамиля по Россіи. Его болѣзнь и смерть. Предпріятіе для вторженія въ Дагестанъ. Утвержденіе въ Черныхъ горахъ. Экспедиціи 1856, 1857 и 1858 годовъ. Взятіе Веденя. Шамиль поселяется въ Ичичѣ. Экспедиція князя Барятинскаго въ глубь Дагестана. Бѣгство Шамиля въ Гунибъ.

ь историческим происшествіямъ, во время пребыванія Шамиля въ Дарго-Ведено, слѣдуетъ отнестн печальный случай плѣненія двухъ нашихъ соотечественницъ: княгини Анны Ильинишны Чавчавадзе, супруги князя Давида Александровича Чавчавадзе и сестры ея княгини Варвары Ильинишны Орбелиани, супруги князя Илико Орбелиани. Обѣ онѣ дочери грузинскаго

царевича и внучки послѣдняго вѣнчаннаго государя Грузіи Георгія XIII. Замѣчательна судьба князей Орбелиани. Князь Илико Орбелиани находился также восемь мѣсяцевъ въ плѣну у Шамиля, захваченный въ 1842-мъ году при нашествіи имама на Казикумыхскую плоскость; онъ палъ геройскою смертію отъ раны, полученной имъ при Башь-Кадышлярѣ. Отецъ князя Илико Орбелиани былъ въ плѣну у персіанъ.

Плѣненіе двухъ княгинь описано подробно въ книгѣ Г-на Вердеровскаго. Въ то время всѣхъ въ высшей степени интересовала участь нашихъ плѣнницъ и безъ со-

мнѣнія книга Вердеровскаго читалась, что называется «на расхватъ» Но съ тѣхъ поръ протекло тридцать шесть лѣтъ и многіе не имѣютъ понятія о тѣхъ страданіяхъ, которыя Богъ помогъ перенести чудеснымъ образомъ нашимъ плѣнницамъ. Поэтому, я позволяю себѣ упомянуть, хотя о самыхъ ужасающихъ моментахъ этого происшествія.

Черезъ полтора года послѣ замужества, княгиня Варвара Ильинишна Орбеліани скоронила мужа въ одной могилѣ съ сыномъ, первенцемъ, въ Тифлисѣ 20-го Декабря 1853 года. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ такого тяжкаго горя. обѣ сестры были наступнуты внезапно нападеніемъ дикихъ горцевъ въ имѣніи князя Чавчавадзе въ Кахетіи, въ Цинондалахъ, нынѣ составляющихъ собственность Государя Императора.

Шамиль строго приказалъ мюридамъ никого изъ плѣнницъ не обижать и велѣлъ передать имъ, что если будетъ принесена жалоба на кого нибудь изъ нихъ въ нанесеніи имъ оскорбленій, съ того слетитъ голова съ плечъ. Но этой угрозѣ дикіе горцы нисколько не внимали; они безошадно обращались съ княгинями во время всего путешествія до Дарго-Веденя. Чрезъ кого могъ Шамиль узнать о безобразіяхъ мюридовъ въ отношеніи плѣнницъ? Они хорошо знали, что жаловаться на нихъ нельзя было и подумать.

Можно-ли безъ содроганія читать напримѣръ такіе эпизоды этого несчастнаго путешествія:

„Княгиня Анна Ильинишна Чавчавадзе *), идя пѣшкомъ черезъ бродъ рѣки Кизискева съ маленькою, четырехъ-лѣтнею дочерью Лидіею на рукахъ, погрузилась въ воду до груди, потеряла равновѣсіе и была унесена теченіемъ. Чеченцы выхватили ребенка изъ рукъ матери;

а ее, полуживую, мокрую, полураздѣтую, мюридъ посадилъ на сѣдло сзади себя и видя, что у княгини не было силы держаться, заткнулъ правую ея руку себѣ напереди за ременный поясъ, стянувъ его крѣпко, чтобы рука плѣнницы не вырвалась изъ-за пояса и его жертва не могла-бы упасть. Княгиня держитъ лѣвою рукою ребенка, а эта рука нѣмѣетъ... чеченецъ-же скачетъ во весь опоръ; несчастная мать уже держитъ ребенка за одну только ножку; вотъ онъ повисъ головою внизъ... раскачивается и бьется то о стремя, то о ноги скачущей лошади... Чеченецъ не слышитъ ея моленій! Но вотъ ребенокъ падаетъ съ крикомъ на землю... черезъ трупъ младенца скачетъ толпа хищниковъ!

Княгиня была безъ чувствъ, когда доѣхали вечеромъ до привала. Очнувшись, она обрадовалась, увидѣвъ сестру и дѣтокъ своихъ: Саломе 6-ти лѣтъ, Марію пяти и Тамару трехъ лѣтъ. Младенца Александра, сына кн. Анны Ильинишны, имѣли варварство разлучить съ кормилицей; княгиня Орбеліани взяла его къ себѣ; она сняла съ себя все, что могла, чтобы прикрыть свою бѣдную сестру. Одинъ изъ провожатыхъ сжалился было надъ бѣдной плѣнницей и приказывалъ отдать ее платье, но его не послушали. Даже гувернантка дѣтей, М-Пе Дрансе, француженка, получила удары плети; няньку дѣтей изрубили...

На какой-то горѣ сдѣлали привалъ; здѣсь къ княгинѣ Чавчавадзе подошла лошадь безъ сѣдока, навьюченная ковравыми мѣшками; изъ одного мѣшка торчала дѣтская ножка; княгиня ужаснулась. Мѣшекъ развязали и нашли въ немъ маленькую Тамару, къ счастію невредимую. Вотъ какъ хищники, злодѣи исполняли приказанія Шамиля, надѣясь, что не попадутся на глаза своему грозному властелину; и точно, только что они довели своихъ жертвъ до мѣста назначенія, какъ всѣ они разбѣжались.

Не скоро наши плѣнницы пришли въ себя по приѣздѣ въ Ведено; не скоро оправились, приодѣлись и приняли благообразный видъ. Здѣсь жизнь ихъ была, по крайней мѣрѣ, лишена всякихъ ужасающихъ эпизодовъ. О нихъ заботился Шамиль. Однажды по его приказанію въ ихъ комнатѣ передѣлывался каминъ. По окончаніи этой работы, имамъ, желая убѣдиться хорошо ли она исполнена, отправился въ комнату княгинь, которыхъ въ это время вывели въ другую комнату. чтобы имъ не встрѣтиться съ священной особой имама.

Осматривая каминъ, Шамиль нашелъ въ немъ котелокъ съ водой, въ которомъ плавало нѣсколько тощихъ луковиць. Увидѣвъ готовящуюся скудную пищу для плѣнницъ, Шамиль разразился гнѣвомъ, потребовалъ Зайдату. сдѣлать ей строгій выговоръ, сказавъ: «развѣ такъ надо кормить плѣнницъ? Чрезъ полъ часа онъ прислалъ съ Шуанетой чаю, масла, рису и всего, что можно было достать на скорую руку.

Наши плѣнницы никогда не видали Шамиля. Онъ велѣлъ имъ передать, что цѣлю ихъ плѣненія была выручка его сына, находящагося въ плѣну у русскихъ; онъ далъ обѣщаніе обходиться съ ними какъ съ родными, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы онѣ не писали къ своимъ роднымъ, угрожая въ противномъ случаѣ поступить съ ними такъ, какъ съ тѣми десятью офицерами, которые получили записку, запеченную въ хлѣбъ.

Плѣнъ несчастныхъ княгинь продолжался восемь мѣсяцевъ. Какъ не было имъ тяжело, а подчасъ и невыносимо жить въ плѣну у дикихъ горцевъ, но онѣ надѣялись на то, что рано или поздно настанетъ часъ ихъ избавленія отъ горькой участи и что будутъ приняты всѣ мѣры для скорѣйшаго ихъ возвращенія на родину.

10 Марта, 1854 года былъ тѣмъ радостнымъ днемъ,

въ который наши страдальцы могли покинуть свое заточеніе и свидѣться съ дорогими ихъ сердцу родными.

По предварительному соглашенію, Шамиль съ войскомъ отъ пяти до шести тысячъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ, въ сопровожденіи Даниэль-Бека, двѣнадцати султановъ, выѣхалъ на лѣвый берегъ рѣки Мичика. Въ виду его на правомъ берегу остановился нашъ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Николаи въ сопровожденіи князя Давида Александровича Чавчавадзе; оба они съ Джемаль-Эдиномъ, бывшимъ въ то время поручикомъ Уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, съ тридцатью человекѣми конвоя и съ суммою денегъ, назначенныхъ на выкупъ, спустились внизъ къ рѣкѣ Мичикѣ. Изъ отряда Шамиля отдѣлился сынъ его, Кази-Магомъ съ тридцатью мюридами, сопровождавшими арбы, на которыхъ находились плѣнницы; отрядъ перешелъ Мичикъ и плѣнницамъ позволили сѣсть въ, приготовленные для нихъ, экипажи.

Между тѣмъ Джемаль-Эдинъ ѣхалъ къ переправѣ, въ сопровожденіи двухъ нашихъ офицеровъ, которые должны были сдать его отцу. За ними слѣдовала новозка съ деньгами. На Мичикѣ Джемаль-Эдину поднесли платье, которое онъ долженъ былъ одѣть; затѣмъ, онъ поднялся съ нашими офицерами на гору, гдѣ сидѣлъ его отецъ, окруженный мюридами. Надъ головой Шамиля горецъ держалъ большой, синій зонтикъ. Имамъ былъ одѣтъ въ бѣлой чалмѣ, зеленой чухѣ и желтыхъ тавлинскихъ сапогахъ. Сынъ его, сойдя съ лошади, поцѣловалъ ему руку. Шамиль обнялъ его и прослезился; потомъ привѣтливо поклонился нашимъ офицерамъ, просилъ ихъ передать барону Николаи свою благодарность за его попеченіе о сынѣ и ласки къ нему. Наши офицеры распростились и уѣхали, а горцы выстрѣлами холостыми зарядами привѣтствовали возвратившагоси плѣнника.

Извѣстно, что Джемаль-Эддинъ ожидалъ съ тайнымъ чувствомъ страха свое возвращеніе въ полу дикую страну. Воспитанный въ Пажескомъ корпусѣ, находясь уже на видной службѣ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, любя горячо свою вторую родину, онъ не могъ довольствоваться обществомъ горцевъ. Тщетно уговаривалъ онъ отца помириться съ Русскимъ Императоромъ: этимъ онъ только прогнѣвилъ своего родителя.

Положеніе Джемаль-Эддина на родинѣ было страдальческое: имамъ и братья чуждались его. Ему было запрещено читать русскія книги, а горцы смотрѣли на него съ недовѣрчивостію.

Послѣ возвращенія въ Дарго изъ экспедиціи въ Грузію, Шамиль не оставался въ бездѣйствіи, а продолжалъ свои набѣги, но уже безъ успѣха.

Съ 1856 г. главныя усилія кавказской арміи были направлены на окончательное покореніе Кавказа; въ видахъ этого назначено было: 1) улучшить существовавшую уже блокаду непокорныхъ обществъ. 2) избрать путь для рѣшительнаго наступленія. 3) произвести вторженіе съ трехъ сторонъ.

Утверженіе въ Черныхъ горахъ составляло весьма трудное предпріятіе; въ этихъ мѣстностяхъ происходили главныя наши потери при Ичкеринской и Даргинской экспедиціяхъ. Занятіе Черныхъ горъ началось утвержденіемъ нашимъ въ Аргунскомъ ущельѣ. Генераль Евдокимовъ, предполагая занять Аргунское ущелье во второй половинѣ Января 1858 г., дѣлалъ видъ какъ будто онъ намѣревался идти въ Большую Чечню, а самъ внезапно направилъ свои войска въ тѣсноту ущелья. Шамиль, обманутый такими распоряженіями, направился въ противоположную сторону и этотъ важный пунктъ достался намъ почти безъ боя.

Но еще въ концѣ 1857 года. князь Орбеліани дви-

нулся къ аулу Новый Буртунай, въ Салатавіи, взявъ его штурмомъ и занявъ укр. Аухъ. Джемаль-Эддинъ старался устроить миръ между отцемъ и русскими; просилъ отца послать къ князю Орбеліани уполномоченнаго для переговоровъ о мирѣ; имамъ не только не согласился исполнить увѣщанія сына, но даже не позволилъ ему поговорить съ русскимъ посломъ, присланнымъ княземъ Орбеліани. Шамиль съ тремя сыновьями вернулся въ Ведено. Послѣ взятія Буртуная, счастье измѣнило Шамилю: его могущество начало падать.

Въ этомъ же году умеръ Джемаль-Эддинъ. Только три года прожилъ онъ въ Дагестанѣ; отъ тоски у него развилась чахотка. Онъ лежалъ больной въ Каратѣ, гдѣ жилъ Кази-Магомъ въ своемъ дворцѣ. При немъ былъ однако русскій докторъ, выписанный Шамилемъ изъ ближайшаго города.

Кази-Магомъ любилъ брата, усердно за нимъ ухаживалъ; смерть его очень огорчила его.

Шамиль не понималъ въ то время, что, взявъ сына къ себѣ обратно, онъ лишилъ его счастья всей жизни и былъ причиной преждевременной его смерти. Только прѣхавъ въ Россію, онъ повѣрилъ всему, что рассказывалъ ему сынъ о своей второй родинѣ.

Послѣ занятія княземъ Аргутинскимъ Аргунскаго ущелья, Большая и Малая Чечня изъявили покорность русскому Правительству. Генераль-лейтенантъ Евдокимовъ переселилъ Чеченцевъ на плоскость.

Съ 22 Іюня по 30 Августа командующій войсками Прикаспійскаго края, генераль-адъютантъ баронъ Врангель занялъ Гумбетъ, раззорилъ сорокъ ауловъ, взялъ три каменные укрѣпленія и былъ смертельно раненъ при штурмѣ Китури.

Командующій со стороны Лезгинской линіи, баронъ Вревскій довелъ непокорныя сосѣднія племена до совершеннаго раззоренія.

Въ началѣ 1859 г. во власти Шамиля находились еще Ичкеринскіе лѣса, гдѣ былъ расположенъ аулъ Ведень. На овладѣніе этимъ ауломъ были обращены усилія Чеченскаго отряда. Дѣйствія наши начались занятіемъ Басекаго ущелья и Таузенской долины въ концѣ декабря 1858 года.

Шамиль построилъ еще весной укрѣпленія у выхода изъ Басекаго ущелья къ Таузену. Не смотря на всѣ мѣры, принятыя Шамилемъ, съ 14 на 15 Января 1859 года была выслана колонна, которая двинулась прямо къ ущелью. Горцы приготовились къ оборонѣ, но появленіе обходной колонны заставило Шамиля отступить и укрѣпленная позиція досталась намъ почти безъ боя. Отступивъ отъ Таузена, горцы сосредоточились въ Веденѣ и предполагали упорно защищаться.

Шамиль приказалъ жителямъ переселиться въ Ичичу и занялся укрѣпленіемъ Веденя. Наибы собрались всѣ къ имаму и просили его выйти изъ Веденя; онъ оставилъ Кази-Магома въ Веденѣ, а самъ выйдя, остановился въ трехъ съ половиною верстахъ отъ селенія, въ укрѣпленіи Эрсеной и распоряжался оттуда обороной.

Дурная погода пренятствовала осадѣ; она была отложена на нѣкоторое время.

Между тѣмъ часть войскъ Прикаспійскаго края была послана для дѣйствія въ Ичкеріи со стороны Ауха. Въ первыхъ числахъ Марта баронъ Врангель перешелъ Ачхой и истребилъ большіе Ичкеринскіе аулы Саясанъ, Аллерой и Шамхаль-Берды.

Семнадцатаго Марта начались осадныя работы противъ Веденя, которыя и были окончены 31 числа.

Перваго Апрѣля Ведень былъ взятъ штурмомъ, а къ десяти часамъ вечера въ аулѣ не осталось ни одного человѣка.

Паденіе Веденя произвело самое выгодное для насъ нравственное вліяніе на всѣ непокорныя общества, зани-

мавшія Черныя горы и пространство между этими горами и Андійскимъ хребтомъ. Къ началу лѣта всѣ эти общества изъявили покорность Русскому Правительству, а Шамиль вынужденъ былъ удалиться въ Дагестанъ.

Однако, имамъ, потерявъ надежду на возвращеніе Чечни, отправился съ Кази-Магомомъ въ старые Дарги; собралъ тамъ еще разъ Чеченцевъ, увѣщевалъ ихъ бороться съ русскими, но видя бесполезность своихъ просьбъ, переселился въ селеніе Ичича съ мюридами; перевезъ туда женъ и дѣтей, всю казну, орудія, снаряды и провіантъ. Затѣмъ, онъ приказалъ Кази-Магому укрѣпить противоположный берегъ Андійскаго Койсу.

Такимъ образомъ, двѣ части общаго плана: улучшеніе блокады восточныхъ горцевъ и подготовленіе пути для наступленія въ горы были кончены къ лѣту 1859 года. Оставалось исполнить вторженіе въ горы.

14 Іюля Главнокомандующій прибылъ къ Чеченскому отряду. Баронъ Врангель двинулся къ Аргуани.

Шамиль, узнавъ, что Главнокомандующій князь Барятинскій выступилъ противъ него съ отрядомъ, собралъ совѣтъ наибовъ, ученыхъ, въ Хунзахѣ, заставилъ ихъ принести клятву въ томъ, что они будутъ сражаться противъ русскихъ. Даніэль-Султанъ поклялся съ принужденіемъ, отдѣльно отъ всѣхъ, въ домѣ у Шамиля. Имамъ остался этимъ очень недоволенъ и понялъ, что Даніэль намѣренъ опять перейти къ русскимъ.

Съ появленіемъ Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ, Шамиль велѣлъ сжечь всѣ аулы на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу. Кази-Магомъ защищалъ доступы къ Карату.

Князь Барятинскій предпринялъ въ Августѣ 1859 года рѣшительную экспедицію въ глубь Дагестана. Онъ выступилъ съ большимъ отрядомъ черезъ Чечню, приказавъ разрабатывать дороги. Народъ и даже самые преданные Шамилю найбы, начали съ покорностію прихо-

Кази-Магометъ.

дять къ Главнокомандующему. Шамиль видѣлъ въ нашихъ рукахъ едва приступныя крѣпости: Ирибъ, Чохъ, Уллукале; онъ видѣлъ своихъ вѣрнѣйшихъ помощниковъ въ конвоѣ Главнокомандующаго. Укрѣпленія, подвластныя Даніэль-Султану, сдались безъ боя; а самъ онъ явился седьмаго августа въ главную квартиру. Снявъ съ себя оружіе, Даніэль-Султанъ представился Главнокомандующему для изъявленія покорности и получилъ полное прощеніе.

Восьмаго августа князь Барятинскій отправился въ Карату, резиденцію Кази-Магома, который, при изъявленіи жителями покорности русскимъ, сжегъ свой дворецъ.

Всѣ жители ауловъ по Андійскому Койсу, равно жители Ашильты, населенія Аваринъ, аула Годатля, привѣтствовали Главнокомандующаго. 18 Августа онъ переправился черезъ Кара-Койсу и прибылъ въ селеніе Чохъ, построенный съ замѣчательнымъ искусствомъ и поднялся на Кечерскія высоты. Шамиль, видя, что онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ русскими, лишился послѣдней надежды удержать какую нибудь власть; онъ бросился искать убѣжища въ обществѣ Южнаго Дагестана; покинулъ свои укрѣпленія съ находящимися въ нихъ тринадцатью орудіями и бѣжалъ на Гунибъ, взявъ съ собой: на шести лошадахъ золото и серебро, на каждой цѣнностію по четыре тысячи рублей; на одной лошади драгоцѣнности, на семьнадцати лошадахъ книги, на трехъ ружья; на трехъ пашки, пистолеты, кинжалы и панцыри; на сорока лошадахъ платья женъ, сукна и пр.

Изъ этого имѣнія, взятаго Шамилемъ изъ Ичича, по пріѣздѣ въ Гунибъ у него не осталось ничего, кромѣ оружія, бывшаго у него въ рукахъ и лошади, на которой онъ сидѣлъ; по дорогѣ его совершенно ограбили.

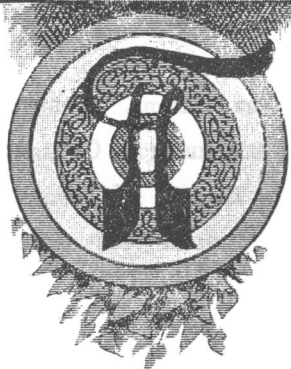
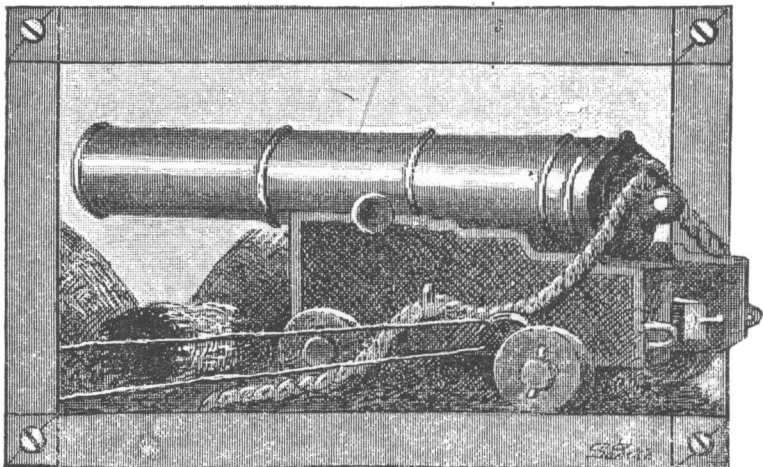

ГЛАВА VIII.

Взятіе Гуниба, плѣненіе Шамиля. Пріѣздъ въ лагерь. Волненіе юридовъ. Полковникъ Лазаревъ ихъ успокаиваетъ. Отчаяніе Кази-Магома. Пріѣздъ семьи Шамиля въ лагерь. Молебствіе. Парадъ. Даніель Бекъ. Каремать. Гнѣвъ Шамиля. Полковникъ Трамповскій улаживаетъ дѣло. Рескриптъ Государя.

ослѣднимъ пребывавшемъ Шамиля въ Дагестанѣ былъ Гунибъ, до появленія нашихъ войскъ считавшійся неприступнымъ. Здѣсь должно было свершиться величайшее въ исторіи Кавказа событіе.

Гунибъ расположенъ на горѣ, отдѣляющейся отъ сосѣднихъ горъ протокомъ Аварскаго Койсу и высокими, обрывистыми скалами. Гунибская гора имѣетъ при подошвѣ до сорока верстъ въ окружности и отъ двухъ до четырехъ верстъ высоты. Безъ сомнѣнія, Шамиль считалъ себя на Гунибъ-Дагѣ (гора) совершенно безопаснымъ, но тогда онъ еще не зналъ, что для нашего доблестнаго войска нѣтъ ничего невозможнаго.

Съ переселеніемъ на Гунибъ, Шамиль присоединилъ къ себѣ Гунибскихъ жителей и составилъ партію изъ четырехъ сотъ человѣкъ при четырехъ орудіяхъ. Имамъ

•Военный Сборникъ. 1866 г. Книга 5-я. Изъ записокъ Г. Ив. Давыдовича-Лаварева.

употребилъ всё средства, чтобы сдѣлать свое убѣжище неприступнымъ, онъ взорвалъ порохомъ всё скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взбираться, заградилъ всё тропинки, ведущія отъ Кара-Койсу и Хинды толстыми стѣнками, башнями, двухъ и трехъ-ярусными постройками, прокопалъ рвы, заготовилъ огромныя кучи каменьева для скатыванія на атакующихъ, однимъ словомъ, приготовилъ такую оборону, какую только средства его и искусство горцевъ могли изобрѣсти. У самаго обрыва восточнаго фаса горы, стояла палатка Шамиля, изъ которой онъ могъ видѣть весь нашъ лагерь. Весь гарнизонъ, въ числѣ котораго было нѣсколько вооруженныхъ женщинъ, былъ распределенъ по фасамъ.

Шамиль заставилъ своихъ женъ и невѣстокъ также носить камни. Когда Главнокомандующій прибылъ на мѣсто боя, онъ приказалъ остановить перестрѣлку съ мюридамі, предложивъ имъ сдаться, чтобы не подвергать аула, въ которомъ было столько женщинъ и дѣтей, ужасамъ боя. Онъ просилъ барона Врангеля употребить всё усилія, чтобы Шамиль достался намъ живымъ въ руки.

Шестнадцатаго августа, генераль-адъютантъ баронъ Врангель поручилъ веденіе блокады полковнику Лазареву. По прїѣздѣ въ аулъ Готача, полковникъ Лазаревъ послалъ Сагида, родственника Шамиля, передать ему требованіе Генераль-Адъютанта, барона Врангеля. Шамиль просилъ, чтобы съ нашей стороны участвовалъ Даніэль-Бекъ, тесть Кази-Магома, до осады Гуниба, какъ читателямъ извѣстно, передавшійся русскимъ. Желаніе его было исполнено. Даніэль-Беку сопутствовалъ еще полковникъ Али-Хановъ.

Князь А. И. Барятинскій прибылъ восемнадцатаго числа съ Кегерскихъ высотъ, остановился въ лагерѣ барона Врангеля и поручилъ полковнику Лазареву предложить Шамилю сдаться; для чего онъ далъ ему двадцать четыре часа на размышленіе.

Мѣсто свиданія было назначено близъ селенія Гатача.

Шамиль согласился на свиданіе съ условіемъ, чтобы съ каждой стороны было не болѣе десяти человѣкъ сопутствующихъ.

Лагерь барона Врангеля былъ расположенъ на горномъ хребтѣ, противъ Гуниба, откуда можно было подробно разсмотрѣть позицію Шамиля, которая была бы безупречна и неприступна, если бы не была слишкомъ растянута для слабыхъ силъ Шамиля. Мѣстомъ свиданія назначены были Гунибскіе сады.

Полковникъ Лазаревъ отправился къ садамъ; вскорѣ показался Кази-Магомъ съ небольшой свитой, съ другой стороны показалась толпа мюридовъ съ четырьмя значками. Всѣ присутствующіе слѣзли съ лошадей и сѣли на разостланные ковры. Полковникъ Лазаревъ доказалъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія Шамиля и совѣтовалъ уступить необходимости согласиться на предложеніе Главнокомандующаго, вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшеніе своей участи бою, несчастный исходъ котораго очевиденъ. Онъ прибавилъ, что князь Барятинскій дозволяетъ Шамилю свободный выходъ изъ предѣловъ Россіи въ Мекку на постоянное жительство со всей его семьей. Кази-Магомъ отвѣтилъ, что Шамиль долженъ имѣть ручательство въ точности исполненія условій со стороны русскихъ.

Полковникъ Лазаревъ возразилъ, что если словамъ посланныхъ не вѣрятъ, то онъ привезетъ письменныя условія Главнокомандующаго. Кази-Магомъ замѣтилъ, что безъ согласія султана Шамиль не можетъ переселиться въ Турцію. Лазаревъ отвѣтилъ тогда, что если Шамиль согласится ждать отвѣта отъ султана въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дербентѣ или Дешлагарѣ, то вѣроятно князь позволитъ послать къ султану.

На другой день послѣ этихъ переговоровъ, князь Барятинскій, раздраженный дерзкимъ требованіемъ Шамиля, чтобы съ нашей стороны былъ заложникомъ генераль, пока получится отвѣтъ султана и также чтобы прекратить дѣйствія противъ Гуниба, потребовалъ, чтобы Шамиль самъ явился къ нему немедленно и далъ рѣшительный отвѣтъ: да или нѣтъ. Посланные Шамилемъ мюриды Инхачиловъ и Янусъ, держали себя крайне надменно.

Двадцать втораго числа утромъ Генераль-Адъютантъ Милютинъ приказалъ написать на арабскомъ языкѣ отъ своего имени къ Шамилю, чтобы отвѣтъ его къ Главнокомандующему былъ немедленно присланъ. Шамиль отвѣчалъ, что не согласенъ на сдѣланныя ему предложенія, что наверху Богъ, а на Гунибѣ его правовѣрные мусульмане, а въ рукахъ ихъ мечи для священнаго газавата.

Двадцать третье и двадцать четвертое августа, по приказанію барона Врангеля, прошли въ приготовленіяхъ къ штурму. Мѣстность, по которой пришлось нашимъ войскамъ взбираться на Гунибъ, считалась Шамилемъ неприступною.

Передъ нашими героями возвышались три скалистыхъ, крутыхъ обрыва отъ восьми до десяти сажень высоты, голько въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною грещиною. Сто тридцать человекъ нашихъ охотниковъ, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, при совершенной тишинѣ, вскарабкались на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ втораго; за ними двинулся и батальонъ. Не останавливаясь, охотники, а за ними и батальонъ вскарабкались на вторую террасу съ помощію лѣстницъ и веревокъ, но уже подъ огнемъ, и затѣмъ на верхнюю площадь, куда къ шести часамъ утра собрался весь батальонъ. Въ числѣ убитыхъ были три вооруженныя женщины.

Двадцать пятого числа въ девять часовъ утра Шамиль былъ ошеломленъ появленіемъ въ тылу непріятеля—нашихъ колоннъ, преодолевшихъ столь молодецки вершины, которыя онъ считалъ неприступными. Шамиль бросилъ свои укрѣпленія и едва успѣлъ скрыться въ ауль. Наши войска окружили ауль Гунибъ. Баронъ Врангель, увидѣвъ штыки на вершинахъ Гунибъ-Дага, послалъ съ извѣщеніемъ объ этомъ радостномъ событіи къ князю Барятинскому, князь, не смотря на свое болѣзненное состояніе, отправился вслѣдъ за войсками.

Огонь былъ приостановленъ.

Шамиль, окруженный со всѣхъ сторонъ, принужденъ былъ сдаться. Баронъ Врангель послалъ къ нему съ требованіемъ безусловной покорности.

Имамъ прислалъ двухъ парламентаровъ мюридовъ, Януса и Хаджи-Али, удостовѣриться точно-ли сардары (намѣстникъ) здѣсь, потому что онъ хотѣлъ сдаться одному ему и спрашивалъ: «какія будутъ условія?»

Князь отвѣчалъ, что теперь и рѣчи не можетъ быть объ условіяхъ, но что если Шамиль покорится немедленно, то онъ даруетъ ему и его семейству жизнь. Янусъ вернулся, Хаджи-Али передался на нашу сторону. Шамиль еще колебался и медлил. Вечеръ приближался; нерѣшительность имама не подавала надежды на мирное окончаніе дѣла до наступленія сумерекъ; поэтому, баронъ Врангель отдалъ приказаніе начальникамъ о началіи штурма тотчасъ по поданному имъ сигналу. Наконецъ, вышелъ изъ аула Янусъ и закричалъ, что Шамиль готовъ выйти къ Главнокомандующему, но въ сопровожденіи полковника Лазарева, котораго онъ проситъ прійти въ ауль, на что баронъ Врангель изъявилъ свое согласіе. Полковникъ Лазаревъ вошелъ въ ауль; на площади встрѣтила его толпа великолѣпно вооруженныхъ сорока мюридовъ.

Посреди толпы стоялъ около сѣрой, осѣдланной лошади, облокотившись къ стѣнѣ одной изъ крайнихъ сакель, человекъ мужественнаго роста, съ угрюмымъ лицомъ.

По величественной позѣ не трудно было узнать въ немъ Шамиля.

Встрѣтивъ мюридовъ привѣтствіемъ, полковникъ Лазаревъ, не показывая вида, что узналъ грознаго повелителя Дагестана, спросилъ у мюридовъ: «кто изъ Васъ Шамиль?» Всѣ, указавъ на высокаго мужчину, единогласно отвѣтили: «вотъ имамъ».

Поздоровавшись съ Шамилемъ, полковникъ Лазаревъ, послѣ тяжелаго молчанія, сказалъ: «Шамиль! Всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ и слава ихъ не померкнетъ; если ты, покоряясь силѣ судьбы, выйдешь сегодня къ Главнокомандующему и передашься великодушію Государя Императора, то спасешь отъ гибели тысячу человекъ, оставшихся въ живыхъ и тебѣ преданныхъ. Заверши свои славные подвиги поступкомъ благоразумія и великодушія, а сердаръ можетъ много для тебя сдѣлать. Онъ будетъ ходатайствовать передъ Государемъ объ обезпеченіи будущности твоей и твоего семейства».

Я-Аллахъ, (во имя Бога), пойдемъ, нечего медлить, прибавилъ рѣшительно полковникъ Лазаревъ. Шамиль колебался, опасаясь за свою жизнь и предложилъ полковнику Лазареву идти къ его сыновьямъ, пока онъ вернется отъ Главнокомандующаго.

Полковникъ Лазаревъ отвѣтилъ: «я не присланъ къ тебѣ аманатомъ. Если хочешь, пойдемъ теперь-же, а не хочешь, то я уйду назадъ. Между тѣмъ нѣкоторые мюриды, потрясая оружіемъ, говорили, что за смерть ихъ повелителя русскіе дорого заплатятъ; другіе совѣтовали Шамилю не склоняться на убѣжденія полковника Лазарева. Спустя нѣкоторое время Шамиль спросилъ: «если онъ

явиться къ Главнокомандующему дозволено ли ему будетъ вернуться къ своему семейству».

На это полковникъ Лазаревъ отвѣтилъ, что никто не хочетъ разлучать его съ семействомъ и что, вѣроятно, не будетъ препятствій къ возвращенію его въ аулъ. Наконецъ, цѣпь солдатъ разступилась. Настала минута, въ которую совершалось величайшее событіе въ исторіи Кавказа; то была самая тяжкая минута въ жизни кавказскаго героя.

Вотъ онъ выходитъ изъ роднаго аула, окруженный шестидесятью вооруженными мюридами, держащими ружья на готовѣ. Вдругъ раздается восторженное, единодушное оглушительное «ура» по горамъ Дагестана. Шамиль повернулся въ тревожномъ недоумѣніи и хотѣлъ уже направиться къ аулу. Полковникъ Лазаревъ закричалъ вслѣдъ Шамилю: «развѣ ты не понимаешь, что войска привѣтствуютъ тебя по приказанію сердаря»? Подозрительный Шамиль успокоился и продолжалъ путь. Находчивость полковника Лазарева поправила дѣло, готовое разрѣшиться печально. Шествіе приближалось къ войскамъ. Даніэль-Бекъ, подойдя къ Шамилю, посовѣтовалъ ему быть обходительнѣе съ барономъ Врангелемъ и княземъ Барятинскимъ и протянулъ ему руку.

Гордый имамъ не посмотрѣлъ на бывшаго своего подчиненнаго, сказавъ, что на измѣнниковъ ему и смотрѣть противно. Баронъ Врангель, отвѣтилъ ласково на поклонъ Шамиля, сказавъ, что хотя до сихъ поръ русскіе были его врагами, но теперь онъ найдетъ въ нихъ лучшихъ своихъ друзей. Полковникъ Лазаревъ послалъ своего адъютанта, прапорщика Узбашева, съ донесеніемъ къ Главнокомандующему о скоромъ прибытіи Шамиля, котораго съ трудомъ уговорилъ оставить въ отдаленіи своихъ мюридовъ говоря, что съ такимъ множествомъ тѣлохранителей неприлично явиться къ Главнокомандующему. Безъ сом-

нѣнія, Шамиль при этомъ еще болѣе убѣдился, что его непремѣнно убьютъ, какъ только онъ явится на судъ къ князю Барятинскому.

Прапорщикъ Узбашевъ прискакалъ отъ графа Евдокимова съ приказаніемъ обезоружить Шамиля. Полковникъ Лазаревъ затруднился исполнить это приказаніе, боясь возбудить еще больше подозрѣнія въ имамѣ, съ такимъ трудомъ согласившимся оставить своихъ тѣлохранителей, не говоря уже о томъ, что обезоруженіе считается у горцевъ большимъ безчестіемъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, полковникъ Лазаревъ рѣшился привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ и донесъ графу Евдокимову.

Баронъ Врангель, увидя до крайности растерявагося Шамиля, сказалъ: «Я убѣжденъ, что Главнокомандующій приметъ тебя хорошо.» — «Я скажу это только тогда, когда возвращусь въ аулъ», — отвѣтилъ тихо Шамиль.

Князь Барятинскій, находившійся въ полуторѣ верстѣ отъ аула Гунибъ, сидѣлъ въ рощѣ, на покатости горы, на камнѣ. (Камень этотъ лежитъ на томъ же мѣстѣ и теперь; на немъ крупными буквами означены мѣсяць и число взятія Гуниба. Надъ камнемъ построена бесѣдка. Въ Октябрѣ 1886 года, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, во время поѣздки по среднему Дагестану былъ на Гунибѣ и вмѣстѣ съ Великой Княгиней Ольгой Ѳедоровной посѣтилъ бесѣдку). Возлѣ князя стояли графъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трапковскій, а нѣсколько далѣе вся свита. Князь жалѣлъ Шамиля и въ душѣ благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось.

Шагахъ въ шести отъ князя, Шамиль остановился. Столь храбрый на войнѣ, онъ теперь струсилъ. Онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ, былъ блѣденъ, губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. Робко, пугливо, озирался онъ вокругъ себя въ полномъ

убѣжденіи, что настала минута, когда онъ долженъ разстаться съ землею жизнію.

«Шамиль,—сказалъ князь Барятинскій,—я предлагалъ тебѣ пріѣхать въ лагерь на Кегерскія высоты, обѣщая выгодныя условія. Ты не принялъ моего предложенія; ну, такъ я самъ съ войсками пришелъ сюда и, конечно, условія, предложенныя тебѣ прежде, теперь не имѣютъ уже мѣста, а участь твоя зависитъ отъ Государя Императора. Я надѣюсь, впрочемъ, что Его Величество уважитъ мое ходатайство о тебѣ». Шамиль отвѣчалъ: «Сердарь, я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за религію, но теперь народы мои измѣнили мнѣ, а наши разбѣжались, да и самъ я утомился; я старъ, мнѣ шестьдесятъ-три года. Не гляди на мою черную бороду, я сѣдъ. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю Государю успѣха въ управленіи горами, для блага ихъ». «Я немедленно пошлю тебя къ Государю Императору и одинъ изъ моихъ близкихъ повезетъ тебя», сказалъ князь Барятинскій, указавъ на полковника Трамповскаго. «Теперь же-ты, какъ военно-плѣнный, поѣдешь съ нимъ въ лагерь, а полковникъ Лазаревъ распорядится привезти туда и все твое семейство».

Затѣмъ, князь уѣхалъ въ лагерь.

Шамиль былъ пораженъ тѣмъ, что болѣе уже не вернется въ Гунибъ, дрожалъ и мѣнялся въ лицѣ! Обратясь къ полковнику Лазареву, онъ сказалъ: «Такъ-ты обмануль меня». Положеніе было критическое! «Успокойся, отвѣтилъ полковникъ Лазаревъ; вспомни, что тамъ были мои слова, а здѣсь приказанія Главнокомандующаго; исполни ихъ и ты не будешь раскаяваться». Шамиль сѣлъ на тотъ камень, на которомъ сидѣлъ князь и все просилъ, чтобы его не увозили оттуда; наконецъ, онъ согласился и сѣлъ на лошадь. По одну сторону ѣхалъ графъ

Жена Казы Магома Кариматъ.

Евдокимовъ, по другую Трамповскій; за ними слѣдовали два переводчика и эскадронъ драгунъ.

Около одного лѣса Шамиль попросилъ, чтобы ему дозволено было совершить намазъ. Мысль о смерти казалась не оставляла его; онъ молился, какъ только можетъ молиться тотъ, кто покидаетъ все, что ему дорого и кто прощается съ жизнію. По временамъ озирался онъ на свой ауль, на свою гору, на свое поле, на которомъ виднѣлись трупы мюридовъ, его ревностныхъ защитниковъ. Мысленно прощался онъ съ родной страной, съ семьей, съ славною боевою жизнью; прощаніе его съ семьей было не на время, но на вѣки, потому что онъ былъ убѣжденъ, что ему предстоитъ казнь. Русскія войска стояли безмолвно кругомъ. Имамъ страдалъ страшно отъ внутренняго жара и безпрестанно просилъ пить. Его отвезли въ лагерь, гдѣ ему приготовили особую палатку. Когда онъ вошелъ въ нее, то увидѣлъ, что ему приготовленъ чай въ серебрянномъ сервизѣ, что немного успокоило его.

Когда Шамиль уѣхалъ съ графомъ Евдокимовымъ, полковникъ Лазаревъ пошелъ къ мюридамъ, которые, не видя своего повелителя, думали, что онъ убитъ и свирѣпо бросились на полковника. «Онъ бесѣдуетъ съ Главнокомандующимъ, сказалъ полковникъ Лазаревъ; а я ѣду за его семействомъ; слѣдуйте и вы за мной, а то солдаты, пожалуй, растаскаютъ вашихъ женъ». Возможность такого бѣдствія заставила мюридовъ забыть про имама и они начали просить полковника Лазарева поспѣшить въ ауль.

Когда полковникъ вошелъ въ саклю, въ которой жило семейство Шамиля, молодой Кази-Магомъ встрѣтилъ его съ рыданіями, въ полномъ убѣжденіи, что отца его убили; но когда онъ получилъ приказаніе ѣхать со всѣмъ семействомъ въ лагерь, отчаяніе его не имѣло предѣловъ.

Съ помощію Даніэль-Бека съ трудомъ его успокоили.

Полковникъ Лазаревъ далъ мюридамъ билеты на свободное жительство въ аулахъ съ тѣмъ, чтобы по первому требованію явиться въ управленіе; самъ онъ съ семействомъ Шамиля отправился въ лагерь и представилъ ему всѣхъ членовъ его семьи, напомнивъ ему вчерашній незаслуженный упрекъ. Двадцать шестаго утромъ было молебствіе и парадъ.

Шамиль опять былъ убѣжденъ, что дѣлаются приготовления, чтобы съ полною торжественностію совершить надъ нимъ казнь и успокоился только тогда, когда войска разошлись. Мысль о пощадѣ къ нему Русскаго Царя была такъ несомвѣстима съ вѣрованіями и правилами фанатика-магометанина, ревностнаго исполнителя шаріата, что Шамиль тогда только освоился съ этой мыслию, когда онъ былъ осчастливленъ ласковымъ пріемомъ великодушнаго Царя. До этой минуты, онъ все еще сомнѣвался въ своей участи.

Во время взятія Гуниба, случился трогательный эпизодъ. Въ пещерѣ, около которой происходила схватка Ширванскаго полка съ мюридами, нашли женщину съ груднымъ ребенкомъ. Женщина была убита, а ребенка спасъ прапорщикъ Ширванскаго полка, Вріани. Командиръ полка, полковникъ Кононовичъ, взялъ малютку къ себѣ, окрестилъ ее, далъ ей имя Св. Нины и положилъ ей на зубокъ значительную сумму денегъ. Кромѣ того, всѣ офицеры обязались до совершеннолѣтія дѣвочки, выплачивать ежегдетно по нѣсколько процентовъ, получаемого жалованья. Такимъ образомъ, малютка стала дочерью цѣлаго полка и называлась Ниною Ширванскою. Въ этой стычкѣ Ширванскаго полка съ мюридами, послѣдніе пали мертвыми вдоль по рѣчкѣ, вода которой, долго послѣ боя еще, оставалась красною.

Передъ отъѣздомъ Шамиля съ семействомъ въ Россію, Даніэль-Бекъ не хотѣлъ отпускать съ Кази-Маго-

момъ дочери своей Каремать, вышедшей за него замужъ. Когда она пришла прощаться съ отцомъ, переводчикъ объявилъ, что она не намѣрена ѣхать съ мужемъ. Шамиль пришелъ въ ярость и хотѣлъ убить Даніэль-Бека.

Полковникъ Трамповскій объявилъ Даніэль-Беку, что самъ Главнокомандующій хочетъ, чтобы Шамилю и его сыну оставлены были ихъ жены. Даніэль-Бекъ отвѣчалъ, что не смотря на всю свою любовь къ Главнокомандующему, онъ не хочетъ оставить своей дочери сыну Шамиля и чтобы покончить разомъ весь этотъ споръ, онъ ее зарѣжетъ собственными руками. Много труда стоило г. Трамповскому уладить это дѣло.

Послѣ взятія Гуниба и плѣненія Шамиля, Князь Барятинскій получилъ рескриптъ Государя Императора, въ которомъ Царь писалъ слѣдующее:

«Скажи моимъ кавказскимъ молодцамъ, что они лучшаго подарка не могли мнѣ сдѣлать ко дню моихъ именинъ и что я ими горжусь за новый ихъ подвигъ, которымъ они себя ознаменовали въ самыхъ нѣдрахъ нашихъ враговъ. Примите. храбрыя войска, мое сердечное поздравленіе.

Князь Барятинскій точно исполнилъ свое обѣщаніе Государю Императору. Тридцатаго Августа, Шамиль. нашъ военно-плѣнный, находился на пути къ нашей столицѣ.

ГЛАВА IX.

Выездъ изъ Дагестана. Темиръ-Ханъ-Шура. Прощаніе горцевъ съ Шамилемъ. Теръ Асатуровъ. Нездоровье имама; подозрѣніе мюридовъ. Красавицы станицы Червленной. Хассафъ-Юртъ. Портретъ Шамиля. Моздокъ. Георгіевскъ. Екатериноградъ. Ставрополь. Харьковъ. Чугуевъ. Приемъ офицеровъ Шамилемъ. Приемъ Шамиля Государемъ. Смотръ. Джигитовка. Маневры. Балъ въ Харьковѣ. Разговоръ съ дамами и съ предводителемъ Дворянства. Курскъ. Тула.

асталь для Шамиля тотъ тяжкій день, когда онъ долженъ былъ покинуть навсегда свой родной Дагестанъ! Какія различныя чувства должны были переполнять его душу! Прощаніе съ роднымъ краемъ предстоящая

разлука съ семьей, неизвѣстность своей будущности, безъ сомнѣнія наполняли горечью его сердце, но теперь онъ зналъ уже, что жизнь его пощажена, что позорная казнь его не коснется и эта мысль должна была внушать ему бодрость духа для перенесенія тѣхъ испытаній, которыя по его мнѣнію, должны были ему предстоять. На другой день послѣ плѣненія, Шамиль отправился изъ лагеря подъ Гунибомъ въ сопровожденіи

полковника Трамповскаго верхомъ; слѣдовали за ними два эскадрона драгунъ, баталіонъ пѣхоты, двѣ сотни Дагестанскаго полка. Тысячи горцевъ выходили ему на встрѣчу, женщины рыдали мужчины прикасались къ поламъ платья имама и цѣловали ихъ. Полковникъ Трамповскій поручилъ женѣ Шамиля молодому офицеру Теръ-Асатурову; онъ подчивалъ ихъ сладостями, занималъ музыкой и они такъ полюбили его, что безпрестанно кричали ему: Дмитро! Дмитро!

На послѣдней станціи до Темиръ-Ханъ-Шуры, Шамиль заболѣлъ; мюриды начали увѣрять, что его отравили, но по приѣздѣ въ Шуру, капли данныя докторомъ, облегчили его. Нездоровье это было естественнымъ слѣдствіемъ, перенесенныхъ имъ внутреннихъ потрясеній. Въ Шурѣ ему и мюридамъ сдѣлали платья, а женамъ его купили нарядовъ и различныхъ подарковъ, что должно было ихъ успокоить на счетъ ихъ будущности. Здѣсь Шамиль пробылъ отъ двадцать девятаго августа до третьяго сентября, долженъ былъ разстаться съ семействомъ и продолжать свое путешествіе въ сопровожденіи сына Кази-Магома.

Баронъ Врангель далъ Шамилю свой тарантасъ. Въ Червленной, гдѣ нашему плѣннику вышли на встрѣчу всѣ красавицы казачки, которыми славится станица, Шамиля ожидала карета уже три мѣсяца, по приказанію князя Барятинскаго. По выѣздѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, путешественниковъ сопровождалъ конвой. На станціи Кумтуръ-Кале къ нимъ выѣхали на встрѣчу всѣ дамы новаго города Петровска.

Въ Гиръ-Юртѣ Шамиля привезли къ графу Ностицу, командиру драгунскаго полка. Здѣсь сняли съ него фотографическій портретъ, онъ остановился у командира Кабардинскаго полка, полковника Клингера. Пятаго сентября они выѣхали въ Моздокъ. Армянскій купецъ Уду-

хановъ, братъ Шаунеты приготовилъ для Шамиля квартиру, куда съѣхались всѣ ея родные. Изъ Моздока поѣхали въ Георгіевскъ, Екатеринодаръ, затѣмъ седьмого сентября вечеромъ прибыли въ Ставрополь, въ каретѣ Намѣстника подъ сильнымъ прикрытіемъ. Нѣсколько экипажей и всадниковъ выѣхали Шамилю на встрѣчу. Видъ города произвелъ на него сильное впечатлѣніе, хотя, какъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, онъ старался не выказывать своихъ чувствъ, а Кази-Магомъ пренаивно спросилъ: «неужели Ставрополь лучше Петербурга?»

На другой день Шамиль принималъ посѣтителей. Толпа любопытныхъ окружала домъ, гдѣ онъ остановился. Въ пять часовъ вечера Шамиль поѣхалъ прокатиться; толпа хлынула за нимъ и не оставляла его ни на минуту. Для него былъ данъ экстренный спектакль, который его очень занялъ, а Кази Магомъ выказывалъ удивленіе и даже громко смѣялся. Въ антрактахъ пѣли пѣсенники въ иллюминированномъ саду. Можно себѣ представить, какъ наши плѣнные были поражены, глядя на публичныя представленія мужчинъ съ женщинами, въ первый разъ по выѣздѣ изъ Дагестана. Все, что они теперь видѣли, должно было имъ казаться волшебнымъ сномъ и по всей вѣроятности, весьма пріятнымъ. Въ восемь часовъ вечера спущенъ былъ для нихъ фейерверкъ, а потомъ данъ балъ въ вокзалѣ. Здѣсь опять балльные костюмы дамъ и танцы ихъ съ мужчинами занимали путешественниковъ.

На другой день плѣнники продолжали путь. Шамиль, дорогой все еще сомнѣвался дѣйствительно-ли его везутъ прямо въ Петербургъ; онъ долго предполагалъ что его везутъ прямо въ Сибирь и наблюдалъ по компасу направленіе дороги. Когда путь шелъ на сѣверъ, онъ былъ доволенъ,

но малѣйшее уклоненіе на востокъ, возбуждало въ немъ тревогу. Трудно было ему себѣ представить, чтобы Русскій Царь, котораго онъ себѣ представлялъ грознымъ повелителемъ, простилъ его, виновника столькихъ казней надъ русскими храбрецами! Одного кроваваго эпизода съ полковникомъ Веселицкимъ съ десятью нашими офицерами было достаточно, чтобы ему получить должную кару.

Между тѣмъ, его вездѣ встрѣчаютъ съ привѣтствіемъ, устраиваютъ для него увеселенія. Онъ долженъ былъ сознаться, что если его и везутъ въ Сибирь, то путешествіе его туда не только удобно, но пріятно и весело.

Изъ Ставрополя ѣхали день и ночь; тринадцатаго сентября прибыли въ Харьковъ.

На другой день, четырнадцатаго сентября, полковникъ Трамновскій получилъ приказаніе ѣхать въ Чугуевъ, отстоящій въ тридцати шести верстахъ отъ Харькова.

Тамъ Шамиль долженъ былъ представиться Государю Императору. Плѣнные были въ восторгѣ, что имъ дозволено было явиться передъ Царемъ при оружіи.

Шамиль отправился изъ Харькова четырнадцатаго числа утромъ. Значительная толпа народа суетилась на чугуевской станціи. Въ коридорѣ у дверей стояли молча офицеры и нѣсколько генераловъ. Всѣ говорили шепотомъ и смотрѣли въ замочную скважину. Вышелъ Кази-Магомъ и объявилъ, что имамъ проснулся и позволяетъ войти всѣмъ. Шамиль сидѣлъ на старенькомъ диванѣ, подъ портретомъ Государя; тихо отвѣтилъ онъ на поклонъ посѣтителей; его окружили спутники въ черескахъ. Снявъ съ него чалму, надѣли ятаганъ. Шамиль ждалъ на свиданіе корпуснаго командира, который прислалъ сказать, что не будетъ. Бывшему имаму подали лошадь и онъ уѣхалъ среди толпы.

Вечеромъ четырнадцатаго числа прислано было извѣстіе о томъ, что Государь будетъ въ Чугуевѣ пятнадца-

таго сентября, а Шамиль остановится въ домѣ начальника округа, г. Ковалевскаго и будетъ на царскомъ смотру. Можно себѣ представить съ какимъ трепетомъ ждалъ Шамиль своего появленія передъ лицомъ Повелителя миллионъ подданныхъ, въ рукахъ Котораго была теперь его жизнь и будущая участь!

Утромъ пяднадцатаго числа, Шамиль предсталъ передъ Государемъ, онъ шелъ во дворецъ блѣднѣе обыкновеннаго. «Я очень радъ, сказалъ Императоръ, что ты наконецъ въ Россіи; жалѣю, что это случилось не ранѣе! Ты раскаяваться не будешь. Я тебя устрою и мы будемъ жить друзьями!» При этомъ, Государь обнялъ и поцѣловалъ Шамиля. Бывшій имамъ, пораженный этою ласкою, этимъ неслыханнымъ имъ мягкимъ, неизреченно добрымъ привѣтствіемъ, понялъ въ эту минуту въ чемъ заключается истинное величіе могущественныхъ царей Россіи. Эта многозначительная для Шамиля минута исторгла изъ сердца его всякій страхъ за свою судьбу, всякое недовѣріе къ искренности доброжелательства къ нему; онъ созналъ, что онъ теперь не во вражеской странѣ, а въ дружественной ему Россіи, Властитель которой даритъ ему свою драгоценную дружбу и подаетъ дикому горцу умильтельный примѣръ обращенія со своимъ врагомъ! Какъ часто вспоминалъ Шамиль при насъ со слезами о незабвенныхъ для него словахъ Императора и Его ласковомъ приѣмѣ!

Послѣ приѣма Государя, Шамиль былъ на смотру. Ему особенно понравилась джигитовка драгунъ, уланъ и гусаръ. Онъ былъ въ восторгѣ, когда увидѣлъ маневры, скакалъ за Государемъ, говоря: «это точно война у насъ въ Чечнѣ!» На маневрахъ Шамиль выразилъ удивленіе, какимъ образомъ русскіе могли взойти на Гунибъ, который онъ считалъ положительно неприступнымъ.

Шестнадцатаго числа Государь пріѣхалъ въ Харь-

ковъ; за нимъ послѣдовалъ и Шамиль; онъ катался на лошадахъ, восхищался городомъ и домами; его удивляли ристалища въ циркѣ; онъ думалъ, что наѣздницы, лошади, все это волшебство. Вечеромъ была иллюминація и балъ въ Дворянскомъ собраніи. Когда его повезли на балъ и онъ увидѣлъ блестящіе костюмы дамъ, онъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ и началъ молиться. Его спросили: «нравятся ли ему дамы?» Онъ отвѣтилъ: «не всѣ... молодыя.» «А позволяетъ ли ему законъ его вѣры быть въ обществѣ женщинъ!» «Я самъ законъ моей вѣры и могу», отвѣчалъ Шамиль. Онъ былъ также пораженъ освѣщеніемъ и убранствомъ залы.

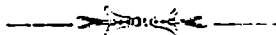
Толпа двигалась за кавказскимъ львомъ. Его спросили: «не усталъ-ли онъ». Онъ отвѣтилъ: «Въ присутствіи Его Величества Русскаго Императора я не чувствую усталости!» «Отчего вы такъ упорно не сдавались, видите, какъ здѣсь хорошо?» спросили его. Онъ возрадилъ: «Да я жалѣю, что не зналъ Россіи и что ранѣе не искалъ ея дружбы! Я съ полнымъ довѣріемъ ѣду геперь въ глубь Россіи, въ Москву и Петербургъ». Дамы его спросили: «какъ ему нравится все, что онъ здѣсь видитъ?»—«Вы не будете въ раю», отвѣчалъ онъ.

«Отъ чего?» «Отъ того, отвѣчалъ Шамиль, что у васъ здѣсь на землѣ рай, какой намъ Магометъ обѣщалъ на небѣ; меня въ особенности удивляетъ видѣть, что мужчины обнимаютъ женщинъ, но, впрочемъ, Пророкъ обѣщалъ это и намъ, правовѣрнымъ, въ будущей жизни».

Когда Государь уѣхалъ, Шамиль сказалъ Предводителю дворянства: «все, что я здѣсь видѣлъ, меня очень заняло, но въ особенности то, какъ любить высокое словіе дворянъ своего Государя!»

Всѣ отвѣты Шамя на балѣ въ Харьковѣ выказываютъ его веселое въ высшей степени настроеніе духа.

Онъ былъ до нельзя счастливъ и находился подъ обаяніемъ милостиваго приѣма Государя, хотя шуточный и веселый тонъ его разговора вовсе не соответствовалъ его серьезному характеру. Такимъ веселымъ мы его уже не видали въ Калугѣ.

ГЛАВА X.

Отъездъ изъ Харькова. Курскъ. Печаль Шамиля. Встрѣча съ кавказскимъ офицеромъ. Приемъ у губернатора Бибикова. Итальянская опера. Слезы Кази-Магома и мюридовъ. Тула. Москва. Шамиль въ Петербургѣ. Вниманіе публики. Полковникъ Богуславскій. Катаніе по Петербургу. Опера. Балетъ. Царское село. Мысли Шамиля о религіи. Симпатія публики къ Шамилю и мнѣніе о немъ. Умные отвѣты его. Капитанъ Руновскій. Прощаніе съ петербургскими дамами.

егко было на душѣ у Шамиля, когда онъ выѣхалъ изъ Харькова.

Девятнадцатаго сентября прибылъ онъ въ Курскъ съ полковникомъ Траповскимъ, сыномъ Кази-

Магомомъ и двумя юридами. Не смотря на всѣ развлеченія во время путешествія, на вниманіе къ нему властей и публики, на задумчивомъ лицѣ имама выражалась беспредѣльная скорбь, которую онъ искусно умѣлъ скрывать подъ принужденной улыбкой. Успокоенный на счетъ своей участи, теперь всѣ мысли его были обращены къ семьѣ, къ которой сердцѣ его рвалось, чтобъ подѣлиться всѣми впечатлѣніями, пережитыми имъ съ той минуты, когда онъ долженъ былъ проститься съ ними въ Шурѣ. Отсутствие извѣстій отъ нихъ и неизвѣстность продолжительности мучительной разлуки были причиной его грусти.

Въ день пріѣзда въ Курскъ, въ пять часовъ вечера, Шамиль отправился къ начальнику губерніи, Николаю Петровичу Бибикову. Имамъ сказалъ губернатору: «Меня

весьма удивляетъ все, встрѣченное мною въ Россіи. Проѣзжая чрезъ Ставрополь, я былъ пораженъ красотою города и убранствомъ домовъ; мнѣ казалось невозможнымъ видѣть что нибудь лучшее; но, приѣхавъ въ Харьковъ и Курскъ, я совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе и, судя по устройству этихъ городовъ, могу себѣ представить, что ждетъ меня въ Москвѣ и Петербургѣ». Прощаясь съ начальникомъ губерніи. Шамиль благодарилъ его за ласковый пріемъ и прибавилъ: «Какъ военно-плѣнный, я не имѣлъ права ожидать повсюду такого ласковаго пріема». Бибиковъ отвѣтилъ: «Русскіе зла не помнятъ и нѣтъ сомнѣнія, что и далѣе вы встрѣтите къ себѣ повсюду вниманіе».

Шамиль увидѣлъ въ Курскѣ офицера въ мундирѣ кавказской арміи, служившаго на Кавказѣ; глаза его засверкали: онъ подошелъ къ нему и спросилъ:

«Что значить вашъ черкесскій уборъ?»

«Я служилъ на Кавказѣ».

«Давно ли вы оттуда?»

«Уже восемнадцать лѣтъ».

«Вы мой землякъ и мнѣ пріятно васъ видѣть».

Вечеромъ Шамиль былъ въ Итальянской оперѣ; давали отдѣльные акты: *Trovatore*, *Barbier de Séville* и *Columello*. Шамиль былъ разстроганъ пѣніемъ и игрою актеровъ до слезъ. Кази-Магомъ и мюриды плакали на взрыдъ, слушая раздирающія душу вопли отчаянія Эленоры.

Мюриды, кавказскіе палачи, плакали отъ воплей Эленоры!.. Боже! Какое странное противорѣчіе между кладнокровнымъ и безжалостнымъ исполненіемъ обязанностей мюрида, употреблявшаго такъ часто въ дѣло свою сѣкиру и чувствительностью къ воплямъ Эленоры, которая какъ имъ было извѣстно, существовала только въ воображеніи зрителей!

Чѣмъ истолковать такое психическое противорѣчіе? Неужели эти мѣриды были слабонервны?

На другой день, двадцатаго числа, въ семь часовъ утра, наши путешественники выѣхали изъ Курска и отправились въ Тулу. Здѣсь Шамилю показывали оружейный заводъ; онъ долго смотрѣлъ на дѣйствіе пара и машинъ и припоминалъ рассказы сына своего Джемаль-Эддина. И не только въ Тулѣ, но со времени пріѣзда его въ Россію, онъ безпрестанно его вспоминалъ. Изъ Тулы Шамиль поѣхалъ въ Москву.

Двадцать втораго сентября Шамиль прибылъ въ древнюю нашу столицу и на другой же день онъ представился генералу Ермолову. Очень жаль, что объ этомъ интересномъ свиданіи не имѣется, кажется, никакихъ свѣдѣній.

Одѣтъ онъ былъ въ бѣломъ длинномъ чекменѣ съ бѣлою чалмою, обувь въ чевяки съ короткими каблуками, такъ что пятка вся оставалась внаружу. На другой день Шамиль осматривалъ съ полковникомъ Богуславскимъ Кремлевскій дворецъ и другія достопримѣчательности Москвы; былъ въ театрѣ, гдѣ давали балетъ «Наяда». Его поразила большая люстра, которая то блестяще освѣщала театръ, то тускнѣла и покрывала мракомъ сцену. У Шамиля была узкая зрительная труба, которую онъ вѣроятно употреблялъ на войнѣ. Въ нашъ бинокль Шамиль съ сыномъ смотрѣли однимъ глазомъ. Кази-Магомъ просилъ на другой день, послѣ спектакля, погулять на берегу той рѣки, въ которую бросилась Наяда...

Когда Шамилю показали сапогъ Петра Великаго, онъ не выпускалъ его изъ рукъ и ходилъ съ нимъ по комнатѣ. Сильно заинтересовали нашего плѣнника сокровищности Оружейной Палаты, Царь-колоколъ и другія древности Москвы.

Двадцать шестаго сентября Шамиль пріѣхалъ въ нашу столицу. Путешествіе отъ Гуниба, откуда онъ вы-

ѣхалъ двадцать седьмого августа, до Петербурга длилось мѣсяцъ. Постепенно удивляясь все болѣе и болѣе всему, что онъ видѣлъ въ Россіи, его взорамъ представились теперь великолѣпные дворцы, обширныя площади, кипучая жизнь на улицахъ; все что онъ видѣлъ приводило его въ изумленіе и восторгъ.

Онъ остановился въ Знаменской гостинницѣ. Толпа народа съ невыразимымъ любопытствомъ встрѣчала и провожала его, когда онъ выѣзжалъ куда-нибудь. При немъ находился полковникъ Богуславскій, который знакомилъ его съ достопримѣчательностями столицы. Въ день пріѣзда Шамиль прокатился по улицамъ Петербурга, осматривалъ памятникъ Николая I. На третій день ему показывали Исаакіевскій Соборъ; онъ былъ пораженъ громадностію и величіемъ зданія. Когда онъ поднялъ голову, чтобы посмотрѣть на верхъ купола, съ головы его упала бѣлая чалма, что его очень сконфузило. Остановясь предъ Царскими вратами, Шамиль пожелалъ узнать исторію храма, продолжительность времени его постройки и событіе память котораго онъ построенъ. Удаляясь изъ собора, Шамиль простился съ протоіереемъ, наклонивъ голову и приложивъ руку къ сердцу.

Шамиль осматривалъ кунсткамеру и Публичную бібліотеку. Въ военно-топографическомъ депо ему показывали рельефную модель Кавказа. Онъ долго вглядывался въ нее и самъ указалъ мѣсто, гдѣ находятся Гимры.

Онъ посѣтилъ также фотографію Александровскаго, гдѣ сняли съ него портреты.

Шамяля возили въ Итальянскую оперу, въ балетъ «Катарина» и «Пери». Великолѣпныя декораціи, воздушныя танцы, освѣщеніе театра, на все это наши плѣнники смотрѣли какъ на чудо. Удивленію ихъ не было границъ.

Возили Шамяля и въ Царское село. При посѣщеніи дворца, Шамиль долго смотрѣлъ на статую Спасителя

и сказалъ полковнику Богуславскому: «Онъ многому прекрасному училъ васъ; я тоже буду Ему молиться. Онъ мнѣ счастье дастъ.»

Слова эти подтверждаютъ то мнѣніе о Шамилѣ, что онъ не былъ такимъ яркимъ фанатикомъ, какъ его считали, а его религіозный фанатизмъ былъ дѣломъ политическаго развитія. Шамиль подвергаетъ нѣкоторые принципы корана критикѣ, сравнивая ихъ съ принципами Евангелія, которое онъ замѣчательно хорошо изучилъ.

Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что та религія неногрѣшима, которая способна заставить человѣка отдаться ей искренно, всѣмъ своимъ существомъ.

Публика выказала Шамилю большое вниманіе и симпатію. Онъ поразилъ всѣхъ своею общительностію, даже утонченною свѣтскостію въ обращеніи, необыкновеннымъ тактомъ, съ которымъ онъ примѣнялся къ своему настоящему положенію; вообще, онъ очаровалъ всѣхъ своею любезностію и про грознаго владыку Дагестана говорили «Да онъ премилый старикъ».

Публикѣ понравились также его умныя рѣчи. Нашли, что его отвѣты обличаютъ разсудительность, пониманіе и знаніе предмета. Его спросили, что ему болѣе всего понравилось въ Россіи? Онъ отвѣчалъ: «Ласковый пріемъ Государя Императора». Кто не зналъ Шамиля, почель-бы, можетъ быть, эти слова за лесть и находчивость умнаго человѣка. Но кто зналъ его коротко, не усумнится въ томъ, что эти слова были высказаны имъ безъ всякой обдуманности, безъ малѣйшей подготовки, а отъ чистаго сердца. Никакія чудеса рѣдкостей, искусствъ, роскоши, не могли его такъ неожиданно поразить, какъ ласки и милости Царя Россіи.

На вопросъ—отчего онъ не сдался раньше, Шамиль отвѣчалъ: «Я былъ связанъ своей присягой народу. Что сказали бы про меня? Теперь я сдѣлалъ свое дѣло. Со-

вѣсть моя чиста, весь Кавказъ, русскіе и всѣ европейскіе народы отдадутъ мнѣ справедливость въ томъ, что я сдѣлся только тогда, когда въ горахъ народъ питался травою. Теперь русскіе овладѣли Дагестаномъ, благодаря тому, что явились къ намъ, какъ снѣгъ на голову.

Въ Калугѣ капитанъ Руновскій долженъ былъ смѣнить полковника Богуславскаго при Шамилѣ.

Третьяго Октября онъ пріѣхалъ къ имаму для перваго знакомства съ нимъ; какъ Шамиль, такъ и будущій менторъ его произвели другъ на друга пріятное впечатлѣніе.

При отъѣздѣ Шамиля въ Калугу, раздавались восклицанія дамъ: «Прощайте Шамиль! Пріѣзжайте къ намъ! Скажите ему, Господинъ Богуславскій, что мы очень его любимъ!»

Шамиль отвѣчалъ на арабскомъ языкѣ: «Скажите имъ, что я не могу выразить моихъ чувствъ словами, они для того слишкомъ глубоки и искренны; скажите только, что вниманіе ихъ доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при успѣхахъ въ 43-мъ году въ Дагестанѣ».

Вообще, все время путешествія Шамиля изъ Гуниба до Петербурга, вниманіе публики было приковано къ этому замѣчательному человѣку и всюду онъ сразу умѣлъ внушить къ себѣ симпатію. Послѣдуемъ и мы за нимъ въ Калугу.

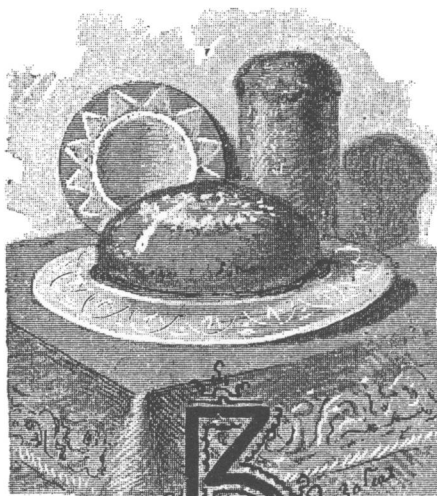

ГЛАВА XI.

Пріѣздъ въ Калугу. Домъ Сухотина. Новыя знакомства. Отъѣздъ Кази-Магома въ Шуру. Письмо Шамиля къ князу Барятинскому. Полковникъ Богуславскій. Разговоръ о кавказскихъ плѣнницахъ и эпизодъ въ Гимрахъ. Раскаянiе Шамиля въ дурномъ обращенiи съ плѣнными. Пріѣздъ капитана Руновскаго и отъѣздъ полковника Богуславскаго: Любовь Шамиля къ музыкѣ. Его безпокойство о Шуанатѣ. Новоселье. Признательность Шамиля.

ъ Калугу Шамиль пріѣхалъ съ Кази-Магомомъ и полковникомъ Богуславскимъ десятаго октября. Здѣсь ему назначено было основать свое мѣстопробываніе въ Россіи на долго. Онъ остановился въ гостинницѣ

Кулона; толпа любопытныхъ такъ-же какъ и во все время его путешествія изъ Дагестана, не отходила отъ дома, гдѣ онъ остановился. Домъ Сухотина, который отдѣлялся для него княземъ Вадбольскимъ еще не былъ готовъ. Шамиль не замедлилъ его осмотрѣть подробно и остался очень доволенъ своимъ будущимъ помѣщеніемъ.

Калуга ему очень понравилась и онъ выразилъ, что она напоминаетъ ему Чечню. Многіе изъ жителей и изъ калужскихъ властей пріѣхали познакомиться съ нимъ.

Тотчасъ-же было позволено Кази-Магому отправиться въ Шуру за семействомъ, вслѣдствіе чего Шамиль написалъ князю Барятинскому слѣдующее:

«Князь Намѣстникъ! Сынъ мой ѣдетъ на Кавказъ за нашимъ семействомъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить тебѣ всю мою благодарность и признательность за твое ко мнѣ вниманіе и ласку. Я понимаю и чувствую, что только благодаря тебѣ, я былъ принятъ милостиво Государемъ. Онъ совершенно успокоилъ меня, сказавъ, что я не буду раскаяваться въ томъ, что покорился Россіи. Государыня, все Царское семейство и главные начальники также оказали мнѣ большое вниманіе и всѣмъ этимъ я обязанъ тебѣ. Государь назначилъ мнѣ мѣстомъ жительства Калугу и въ этомъ городѣ приготовили мнѣ удобное и прекрасное помѣщеніе. Братья твои, которыхъ я видѣлъ въ Петербургѣ, были очень со мной ласковы; я былъ у нихъ въ ложѣ въ театрѣ. Сынъ мой Кази-Магомедъ съ дозволенія Государя ѣдетъ въ Шуру, чтобы привезти въ Калугу наше семейство; прошу тебя приказать при отправленіи ихъ съ Кавказа, оказать имъ такое-же содѣйствіе, какъ было и при нашемъ отправленіи. До меня дошли слухи, что ты боленъ; это меня очень огорчило; отъ души прошу Бога, чтобы онъ возвратилъ тебѣ здоровье. Я и все мое семейство никогда не забудемъ твоихъ милостей; не забудь и ты насъ, если необходимость заставитъ когонибудь изъ насъ обратиться къ тебѣ». Подписано по арабски:

«Рабъ Божій имамъ Шамиль.

11-ое Октября 1859 г. Калуга».

Теперь Шамиль совершенно успокоился и ему оставалось только ждать съ терпѣніемъ радостнаго свиданія съ семьей. Полковникъ Богуславскій старался его развле-

кать по возможности. Имамъ отдалъ визиты всѣмъ, кто его посѣтилъ и объѣздилъ калужскихъ властей.

Шамиль занялся чтеніемъ, которое очень любилъ. Богуславскій переводилъ ему: «Плѣнь у Шамиля». Имамъ сказалъ, что рассказъ плѣнницъ совершенно вѣренъ, слѣдовательно вѣрно и то, что Зайдата кормила ихъ похлебкой изъ воды съ лукомъ. Шамиль сказалъ: «теперь только я вижу, какъ дурно содержалъ княгиня, но я думалъ, что содержалъ ихъ очень хорошо. Я вижу въ Калугѣ сосланныхъ сюда двухъ горцевъ; они ходятъ здѣсь на свободѣ, получаютъ отъ Государя содержаніе; занимаются вольною работою и живутъ своими домами. Я не такъ содержалъ русскихъ плѣнныхъ: до какой степени я это чувствую, сказать не могу».

Шамиль сказалъ однажды Богуславскому. «Ваши мальчишки радуются, видя меня въ плѣну, но они не сердятся на меня и не желаютъ мнѣ зла».

«Это очень хорошо, а у меня не такъ; наши мальчишки закидали бы плѣннаго грязью, если бы имъ позволили, прибили бы его и даже убили. Я напишу къ своимъ, чтобы они запретили это дѣлать». (Знакомство съ Шамилемъ. Руновскаго. «Военный Сборникъ» 1859 года).

Тридцать перваго октября капитанъ Руновскій прибылъ въ Калугу, чтобы замѣнить полковника Богуславскаго. Домъ Сухотина не былъ еще отдѣланъ; Шамиль жилъ въ гостинницѣ Кулона. Имамъ встрѣтилъ своего будущаго наставника очень привѣтливо, но грустилъ по случаю отъѣзда г. Богуславскаго, къ которому онъ очень привязался. Въ день его отъѣзда онъ былъ очень печаленъ. Капитанъ Руновскій старался всячески развлечь Шамиля: предложилъ ему ѣхать съ визитомъ къ Преосвященному, съ которымъ онъ пріятно бесѣдовалъ. Шамиль сказалъ Руновскому: «Прошу васъ придерживаться только одного нашего обычая: когда дадите въ чемъ нибудь слово, дер-

жите его, хотя бы надо было для этого умереть; кто исполнилъ свое обѣщаніе, тотъ у насъ хорошій человѣкъ, кто его не исполнилъ, тотъ дурной; его надо убить».

Онъ прибавилъ: «Я здѣсь на чужбинѣ, старый человѣкъ, не знаю ни вашего языка, ни обычаевъ, а потому я тутъ не старикъ Шамиль, а маленькій ребенокъ, который по волѣ Божіей остался сиротой и нуждается въ попеченіяхъ няньки. Прошу полюбить меня такъ, какъ обыкновенно нянька любитъ своего ребенка, а я вамъ обѣщаю, что буду васъ за это любить, не только какъ ребенокъ любитъ свою няньку, но и какъ старикъ Шамиль можетъ любить человѣка, который ему дѣлаетъ добро» «Вотъ видите, сказалъ ему капитанъ Руновскій, у насъ есть пословица: когда дитя не плачетъ, мать думаетъ, что ему ничего не нужно». «У насъ есть также эта пословица», сказалъ имамъ. «Э! понимаю! если я не заплачу, то Вы не будете знать, что мнѣ нужно!» Онъ засмѣялся и сказалъ: «когда мнѣ будетъ что-нибудь нужно, я непременно заплачу».

Капитанъ Руновскій, узнавъ, что Шамиль любитъ музыку, купилъ ему органъ и всячески старался доставить ему развлеченіе.

Онъ съ каждымъ днемъ тосковалъ болѣе и болѣе отсутствіемъ извѣстій о результатахъ поѣздки на Кавказъ Кази-Магома, боялся, что Шуанатъ сдѣлается опять христіанкой, такъ какъ ея родные жили въ Моздокѣ и могли къ ней пріѣхать въ Шуру.

Полковникъ Богуславскій спрашивалъ Шамиля: «А что если-бы Шуаната сдѣлалась христіанкой, взялъ-ли бы онъ ее къ себѣ какъ жену?» «Возьму» быстро отвѣчалъ Шамиль. «А она пойдетъ ли къ вамъ съ охотой?» Шамиль смутился, но не надолго. «Пойдетъ», сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

Шамиль, посѣщавшій по прїѣздѣ вечера и балы, теперь выѣзжалъ только съ визитами или на обѣдъ, а вечера проводилъ дома.

Переводчиками его были Грамовъ и Хаджію. Послѣдняго онъ посылалъ на вечера вмѣсто себя. Хаджію былъ въ восторгѣ отъ предстоящихъ ему удовольствій и говорилъ, что все, что шаріать запрещаетъ, хорошо, а что позволяетъ, то все дурно.

Наконецъ домъ былъ отдѣланъ для Шамиля. Всѣ знакомые прїѣхали поздравить имама и привезли ему хлѣбъ-соль.

Шамиль, незнакомый съ русскимъ обычаемъ, былъ удивленъ проявленіемъ вниманія посѣтителей. Предводителю дворянства, г. Щукину, котораго онъ очень любилъ, имамъ сказалъ: «У меня нѣтъ словъ, чтобы высказать вамъ то, что я чувствую. Прїязнь и вниманіе со стороны ближняго всегда прїятны человѣку въ комъ бы онъ ихъ ни встрѣтилъ, но ваша прїязнь, послѣ того, какъ я вамъ сдѣлалъ столько зла, совѣтъ другое дѣло; за это зло вы, по справедливости, должны бы растерзать меня на части; между тѣмъ, вы поступаете со мной какъ съ другомъ, какъ съ братомъ. Я не ожидалъ этого и теперь мнѣ стыдно; я не могу смотрѣть на васъ прямо и всей душой былъ бы радъ, если-бы могъ провалиться сквозъ землю. Я всякій день молюсь за Государя; теперь буду молиться и за васъ». Когда Шамиля спросили: доволенъ-ли онъ помѣщеніемъ, онъ отвѣчалъ: «я думаю, въ раю только будетъ такъ хорошо. Еслибы я зналъ, что меня здѣсь ожидаетъ, давно самъ убѣжалъ бы изъ Дагестана.»

ГЛАВА XII.

Болѣзнь Шамиля. Разсказъ о ней капитану Руновскому. Взглядъ горцевъ на эту болѣзнь. Приѣздъ Шафи. Сдержанность радости; этикетъ горцевъ. Приѣздъ семьи. Свиданіе съ сыновьями. Намазъ. Посѣщеніе женъ и привѣтствіе дочерей и невѣстокъ. Портреты женъ. Второе посѣщеніе Петербурга. Приемъ у Государя. Свиданіе съ княземъ Барятинскимъ. Подарокъ Шамиля Государю. Подарки Императрицы женамъ и дочерямъ. Окрестности Петербурга. Г. Пржецлавскій замѣняетъ капитана Руновскаго.

днажды капитанъ Руновскій былъ встревоженъ извѣстіемъ о томъ, что Шамиль заболѣлъ и что болѣзнь его началась обморокомъ. Онъ хотѣлъ уже идти къ нему въ спальню, но Шамиль явился самъ въ столовую и просилъ г. Руновскаго не тревожиться, прибавивъ, что онъ теперь совершенно здоровъ, что эта болѣзнь случается съ нимъ нерѣдко и безъ послѣдствій. Послѣ обѣда имамъ сообщилъ г. Руновскому, что у него дѣйствительно есть болѣзнь, но что она до такой степени необыкновенна, что, онъ не рѣшается о ней говорить, потому что ему кажется, что никто не повѣритъ ея существованію, а всякій будетъ думать, что онъ притворяется. Г. Руновскій замѣтилъ, что по волѣ Провидѣнія на свѣтѣ есть много чудесъ, которыхъ до сихъ поръ не могутъ объяснить ни высокій умъ человѣка, ни его глубокія познанія, что онъ знаетъ Шамиля за человѣка правдиваго, который не захочетъ солгать ни для спасенія души своей. Тогда Шамиль объяснилъ слѣдующее: болѣзнь его началась двадцать семь лѣтъ тому назадъ; прежде она посѣщала его чаще и къ леченію ея не предпринималось никакихъ средствъ пароксизмы проходили сами собой черезъ четверть часа,

---

*) «Военный Сборникъ» 1861 года.

много поль-часа, не сопровождались ни судорогами, ни гѣной; по окончаніи ихъ Шамиль ничего не помнитъ; но имъ овладѣваетъ слабость, продолжающаяся нѣсколько дней.

Самое странное и удивительное въ болѣзни Шамиля, были тѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ его пароксизмамъ. Шамиль рассказывалъ г. Руновскому, что когда кто-нибудь изъ знакомыхъ имѣетъ до него важную надобность и отправляется изъ своего дома для свиданія съ нимъ, то онъ это чувствуетъ, хотя бы онъ былъ за десятки верстъ отъ него; сердце начинаетъ у него биться все сильнѣе, имъ одолеваетъ тоска, дѣлается головокруженіе; все это усиливается когда посѣтитель входитъ къ нему въ домъ; тогда онъ впадаетъ въ обморокъ, въ полную безчувственность. Его поворачиваютъ и укладываютъ въ спокойное положеніе. Случалось, что болѣзнь ограничивалась одними приступами; это означало, что люди, имѣвшие къ нему надобность, встрѣтили въ своемъ желаніи видѣться съ нимъ, какія либо препятствія. Очень жаль, что Шамиль не обратился въ свое время къ медикамъ для объясненія причины такой необыкновенной болѣзни, она представила бы не мало интереса для науки. О болѣзни Шамиля горцы знали и питали къ ней великое уваженіе; считали ее особеннымъ благоволеніемъ къ нему неба. Поэтому, Шамиль зналъ всегда напередъ когда къ нему явится посѣтитель съ важнымъ извѣстіемъ. Не была ли эта болѣзнь нѣчто схожее съ новооткрытымъ гипнотическимъ состояніемъ! Чувствовать приближеніе человѣка за десятки верстъ разстоянія, это что-то до сей поры не испытанное! Но у Шамиля была еще другая рѣдкая болѣзнь—это размягченіе берцовыхъ костей. Онъ далъ капитану Руновскому подавить пальцами по протяженію этихъ костей на нѣсколькихъ мѣстахъ и дѣйствительно образовались впадины на столько глубокія, насколько можно это сдѣлать въ

хлѣбѣ трехъ или четырехъ-дневнаго печенія. Докторъ въ Калугѣ приписывалъ эту болѣзнь отеку нижнихъ конечностей или началу водянки, но мы знали Шамиля шестью годами позже, а о водяной болѣзни его и рѣчи не было; онъ имѣлъ видъ совершенно здоровый; слѣдовательно, такое сильное размягченіе костей имѣло другую причину.

Наконецъ, насталъ для Шамиля счастливый день свиданія съ семействомъ. Онъ увѣрялъ, что предчувствовалъ свою радость. Пятаго января Шамиль почувствовалъ зудъ въ лѣвой брови, что по его убѣжденію предзнаменовало скорое свиданіе съ семьей; въ этотъ самый день пріѣхалъ Магометъ-Шафи извѣстить отца о скоромъ свиданіи съ близкими его сердцу. Тутъ Шамиль явилъ опять свою необычайную силу воли, чтобы не выказать своего внутренняго волненія. Услышавъ о томъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ увидитъ своихъ, лице его въ продолженіе минуты, то покрывалось румянцемъ, то мертвою блѣдностью. Магометъ-Шафи молча подошелъ къ отцу, поцѣловалъ ему руку и молча, съ опущенными глазами, сталъ по другую сторону двери, въ ожиданіи вопросовъ отца. Шамиль спросилъ о здоровьѣ путешественниковъ, о томъ, кто ѣдетъ и кто не ѣдетъ (желая вѣроятно удостовѣриться ѣдетъ ли Шуаната). Голосъ имама дрожалъ, а необходимо было скрыть ощущение. Мало-мальски серьезный горецъ считаетъ всякое увлеченіе въ присутствіи постороннихъ—школьничествомъ.

Каждый разъ, что Шамиль произносилъ женское имя, глаза его опускались, но они метали искры, когда Шафи рассказывалъ, что лошади всю дорогу благополучно везли Шуанату, что холодъ не такъ былъ силенъ, чтобы Зайдата могла пострадать, что одежда у всѣхъ была крѣпкая и потому ни Нафисать, ни Фатимать, ни Наджавать, ни Софіать, ни Баху—Меседу не просту-

Наджаватъ.

Шафи Магометь.

Нафисато.

дились. О своей женѣ Аминатъ, Шафи-Магометъ умолчалъ, потому что того требовалъ этикетъ горцевъ; онъ не дозволяетъ разговора о женщинѣ между мужчинами; это считается непростительнымъ нарушеніемъ приличія.

Но вотъ подъѣхали экипажи; прибыли путешественники. Женщины вошли въ домъ, мужчины пошли за ними; первыя пошли на самый верхъ, а мужчины въ ту комнату, гдѣ Шамиль принимаетъ гостей. Онъ сидѣлъ на диванѣ, перебиралъ четки и дожидался пріѣзжихъ.

Увидѣвъ своихъ сыновей и зятьевъ, Шамиль сказалъ «хощь гляды!» Кази-Магометъ подошелъ къ нему, поцѣловалъ ему руку; остальные мужчины сдѣлали то-же и стали вокругъ имама.

Послѣ разспросовъ о здоровьѣ и путешествіи Шамиль пригласилъ ихъ сдѣлать намазъ; затѣмъ они пошли въ кунацкую пить чай, а Шамиль пошелъ на верхъ къ женамъ. Онѣ дожидали Шамиля порознь, каждая въ своей комнатѣ, указанной имъ Шафи-Магометомъ. Потомъ, пришли его дочери съ нимъ поздороваться; замужнія были подъ покрывалами и Шамиль спрашивалъ ихъ: «это ты Нафисатъ, это ты, Фатиматъ». Онѣ поцѣловали ему руку, а онъ велѣлъ имъ чаще молиться.

Шамиль былъ очень добръ и ласковъ съ членами семейства, говоритъ Абдуррахманъ, но безъ нѣжности (разумѣется при свидѣтеляхъ). Свою нѣжность онъ оказывалъ только дѣтямъ.

Шамиль разсердился, что казначей далъ ямщику, привезшему его семью, только двадцать копѣекъ на водку и велѣлъ позолотить его.

Семейство Шамиля, по пріѣздѣ въ Калугу состояло изъ двадцати двухъ душъ, считая прислугу.

Послѣ пріѣзда семейства въ Калугу, Шамиль продолжалъ свою прежнюю жизнь; въѣзжалъ только по утрамъ съ визитами; на вечера ѣздили Кази-Магомъ и зятья

имама. Теперь онъ отдыхалъ душой, окруженный тѣми, которые были ему всего дороже въ этомъ мірѣ. Никакое великолѣпіе міра, пишетъ Абдуррахманъ; не въ состояніи заставить его пожелать чего либо, кромѣ возможности подать ради спасенія его души, милостыню нищему, да прочесть хорошую книгу. Почти ежедневно Шамиль посылалъ бывшаго своего казначея Хаджію раздавать милостыню по улицамъ Калуги.

Калужскія дамы просили Шамиля снять портреты съ ихъ жекъ, но получили отказъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ Шамиль сказалъ: «хорошо, я позволяю снять портреты съ женъ и дочерей, но съ тѣмъ, чтобы снимала ихъ женщина». Капитанъ Руновскій представилъ ему женщину фотографа и Шамиль, не хотя, согласился снять портреты его женъ и дѣвиць.

Когда ему показали портретъ Шуанаты, онъ сказалъ: «лучше бы я увидѣлъ ея голову, снятую съ плечь»!

Въ 1861 г., 27 Іюля, Шамиль поѣхалъ съ капитаномъ Руновскимъ, Казии-Магомомъ и обоими зятями въ Петербургъ, вѣроятно, для свиданія съ княземъ Барятинскимъ и для испрошенія себѣ дозволенія Государя Императора ѣхать въ Мекку. Князь, котораго онъ видѣлъ въ Петергофѣ, сказалъ Шамилю, что любитъ его какъ брата.

Государь принялъ Шамиля и Абдуррахмана съ Абдурахимомъ въ Царскомъ селѣ, въ своемъ кабинетѣ и разговаривалъ очень ласково съ нашими плѣнными.

Шамиль подарилъ Государю богатую золотую пашку. Государыня пожелала сдѣлать подарки его женамъ. На просьбу Шамиля ѣхать въ Мекку, Государь отвѣчалъ ему, что со временемъ просьба его будетъ уважена. Впоследствии мы увидимъ, какъ Шамиль рассказывался въ своей преждевременной просьбѣ къ Императору.

Затѣмъ, Шамиль катался по окрестностямъ Петербурга,

былъ въ Павловскѣ, въ Кронштадтѣ, гдѣ осматриваль-
кузницы, видѣлъ нашъ монетный дворъ, фарфоровый и
стеклянный заводы и можно себѣ представить, какъ онъ
интересовался всѣмъ видѣннымъ.

Обстоятельства отъѣзда г. Руновскаго изъ Калуги
мнѣ неизвѣстны. Когда мы пріѣхали въ Калугу, застали
при Шамилѣ полковника Пржецлавскаго, но о немъ рѣчь
будетъ впереди. Перехожу теперь къ нашему личному
знакомству съ кавказскимъ героемъ.

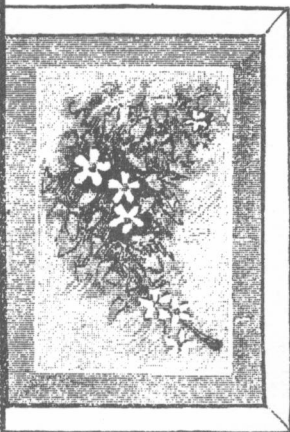

ГЛАВА XIII.

Назначеніе мужа. Его знакомство съ Шамилемъ и отзывъ мужа о немъ. Воспоминаніе объ ужасахъ войны съ горцами. Желаніе свиданія съ Шамилемъ. Визитъ Шамиля. Его наружность. Привѣтствіе. Ласка къ дѣтямъ. Расположеніе къ мужу. Непріязнь къ приставу. Впечатлѣніе на меня его знакомства.

ужь мой, Михаилъ Ни-
кифоровичъ Чичаговъ,
былъ назначенъ воин-
скимъ начальникомъ Ка-
лужской губерніи въ
1865 году. Въ то время
должность эта вновь ор-

ганизовывалась и онъ уѣхалъ въ Калугу одинъ за два
мѣсяца до моего пріѣзда съ дѣтьми, чтобы сформировать
свое новое управленіе. Когда я пріѣхала въ Калугу, мой
мужъ былъ уже знакомъ съ Шамилемъ, говорилъ мнѣ,
что онъ проводитъ самые пріятные часы съ умнымъ ста-
рикомъ и восторгался его умомъ.

Помню я, что въ молодости случалось мнѣ слышать

объ ужасахъ кавказской войны, объ истязаніяхъ, которыя совершались дикими горцами надъ нашими героями.

Помню, съ какимъ страхомъ прощались наши матери семейства съ отправлявшимися на эту войну мужьями, сыновьями и родными. «Если ужъ идти на войну, то лучше-бы на европейскую», говорили онѣ, только не съ дикими горцами; «а всего ужаснѣе попасться въ руки страшному Шамилю». Казалось, большаго горя не могло быть въ семьѣ, хотя наша молодежь и жаждала назначенія въ кавказскую экспедицію. Послѣ всѣхъ этихъ воспоминаній, какъ было не интересоваться знакомствомъ съ безпощаднымъ кавказскимъ героемъ и увидѣть какъ онъ геперь относится къ бывшимъ своимъ врагамъ, узнать, какъ онъ переноситъ свой плѣнъ, послѣ того, что въ Дагестанѣ онъ жилъ царькомъ. Любопытство мое было вскорѣ удовлетворено.

Шамиль пріѣхалъ ко мнѣ въ сопровожденіи своего сына, Кази-Магома, зятя Абдурахмана и Абдурахима и пристава звоего, полковника Пржецлавскаго. Съ гордой осанкой, открытымъ, прямымъ, смѣлымъ взглядомъ, вошелъ ко мнѣ бывший грозный имамъ. Высокаго роста, атлетическаго сложенія, съ стройнымъ станомъ, слегка смуглымъ лицомъ, съ правильными чертами лица, длинною, красивою бородою, съ выраженіемъ умнымъ, серьезнымъ, глубокомысленнымъ, спокойнымъ, такимъ увидѣла я Шамиля.

Въ молодости онъ долженъ былъ быть поразительно хорошъ. Одинъ изъ его соотечественниковъ такъ описываетъ его молодымъ человѣкомъ: «Шамиль отличается отъ своихъ соплеменниковъ, бѣлизною лица, тонкостію кожи, замѣчательною красотою руки и ноги. Рѣчь его поэтична, увлекательна, какъ грозна и величественна его наружность. Изъ глазъ его брызжетъ огонь, а изъ устъ сыплются розы».

Таковъ былъ молодой Шамиль; если это описаніе и пристрастно, то все таки можно себѣ представить, глядя на этого героя, сохранившаго слѣды красоты до глубокой старости, что онъ долженъ былъ быть въ юности красавцемъ, а рѣчь его и до конца жизни была чрезвычайно поэтична!

Въ порывѣ удовольствія увидѣтъ Шамиля, я въ разсѣянности протянула ему руку, но онъ прижалъ руку къ сердцу и сдѣлалъ мнѣ знакъ, что жалѣеть, что его законъ воспрещаетъ пожатіе руки дамамъ, что я хорошо впрочемъ знала.

Не смотря на свои семьдесятъ четыре года, Шамиль имѣлъ видъ здоровый, бодрый. Въ его карыхъ, выразительныхъ, пронизательныхъ глазахъ, виднѣлась печаль; послѣдствія раскрыли намъ причину этой печали.

Онъ пожелалъ видѣть моихъ дѣтей. Съ какой нѣжностію онъ ихъ привѣтствовалъ; какое у него было доброе выраженіе лица, когда онъ ихъ ласкалъ. Шамиль очень любилъ дѣтей, а такой человѣкъ не можетъ быть злымъ!

Шамиль выразилъ мнѣ, какъ онъ счастливъ, что познакомился съ мужемъ, къ которому съ перваго свиданія почувствовалъ расположеніе.

Первый визитъ Шамиля былъ непродолжителенъ, но я уже замѣтила тѣ непріязненные взгляды, которые онъ бросалъ на своего пристава, а когда полковникъ Пржецлавскій обращался къ Шамилю съ какими нибудь разъясненіями, послѣдній потуплялъ глаза и старался на него не смотрѣть. Шамиль просилъ меня посѣтить его дамъ, что я ему и обѣщала. Я, съ своей стороны, спросила его, не дозволить-ли онъ, когда нибудь вечеркомъ, когда у меня рѣшительно никого не будетъ, чтобы жены его пріѣхали ко мнѣ съ Кази-Магомомъ и обѣщала ему, что онѣ ни мужа моего ни кого изъ постороннихъ мужчинъ не увидятъ у меня. Шамиль отвѣтилъ: «просите у меня чего хотите, но этого я не

могу дозволить. Разумѣется, я мало надѣялась на это соглашеніе, но хотѣлось мнѣ узнать, какъ Шамиль приметъ мое приглашеніе и какъ онъ на него отвѣтитъ.

По отъѣздѣ Шамиля, я вспомнила что ни разу не подумала о его кавказскихъ жестокостяхъ; ничто не обличало въ немъ бездушнаго или злобнаго, суроваго человека; напротивъ, съ перваго-же знакомства Шамиль возбуждиль во мнѣ симпатію къ нему. Впослѣдствіи я убѣдилась, что въ этой дикой натурѣ горца таится божественная искра любви къ ближнему

Спутниковъ Шамиля, Кази-Магома и зятьевъ его, Абдуррахмана и Абдурахима, я познакомлю съ читателями въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XIV.

Семейство Шамиля. Мое знакомство съ женами и бесѣда съ ними. Разговоръ съ Шуанатой о плѣнныхъ княгиняхъ. Угощеніе женами имама.

Шамиля
было 8
женъ:
гимрян-

ки 1) Хорія, съ которой онъ
жилъ только три дня. 2)
Фатимать 1-ая, дочь Абдуль
Азиса, жившаго въ Унцу-
кулѣ и излечившаго Шамиля,

послѣ полученныхъ имъ ранъ при осадѣ Гимръ. Эту жену Шамиль любилъ болѣе всѣхъ. Онъ рассказывалъ, что глубокое чувство любви къ Фатимать 1-й была главной причиной пораженія его во время сухарной экспедици. Получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни своей любимицы—жены, онъ бросилъ все и отправился къ больной, поручивъ начальствованіе войсками одному изъ мюридовъ. Отъ Фатимать рожденъ первый сынъ Шамиля, Джемаль-Эддинъ, взятый подъ Ахульго въ 1839 году въ аманаты, Кази-Магомъ и Шафи-Магометъ. 3) Джавгарадъ, гимринка, убитая при штурмѣ Ахульго пулею въ грудь въ ту минуту, когда она кормила сына своего Саида; младенецъ вскорѣ также былъ убитъ русскою пулею. 4) Зайдатъ (настоящее имя Залидатъ, значитъ по арабски благочестивая отшельница) дочь воспитателя Шамиля, Джемаль-Эддина Казикумухскаго; она вышла замужъ за Шамиля 14-лѣтъ. Она была первою дамою Чечни и Дагестана: была очень умна и имѣла большое вліяніе на мужа, даже въ важныхъ дѣлахъ. 5) Шуаната (ренегатка-армянка; въ

христіанствѣ Анна Ивановна Улусова) взята въ плѣнъ при нападеніи на Моздокъ въ 1840 г. Братъ ея, купецъ Улухановъ, предлагалъ Шамилю за нее 10,000 р. выкупу, но Шамиль отвѣчалъ, что не отдастъ ее за миллионъ. Когда наступило время дать имя Шуанатѣ, Шамиль взялъ нужныя книги и разыскавъ въ нихъ дѣянія одной очень благочестивой женщины Шуанатъ, далъ это имя любимой своей женѣ, въ надеждѣ сдѣлать изъ нея такую же благочестивую, какъ была и та. Шуаната отвѣчала Шамилю гою же глубокою любовью, какую онъ питалъ къ ней. Интересъ ея жизни сосредоточивался на немъ и на ея дочери, Софіатѣ. Во избѣжаніе семейныхъ неприятностей, она старалась угождать Зайдатѣ, желавшей властвовать въ домѣ; она не желала приобрести ни одной вещи дороже или лучше той, которую имѣла Зайдата, чтобы не дать повода къ зависти; любя безгранично Шамиля, она заботилась только о его спокойствіи. 6) Фатимать 2-я гимряшка была старуха; Шамиль женился на ней съ цѣлью привести въ порядокъ хозяйство, которымъ не въ состояніи были управлять молоденькія Зайдата и Шуаната. 7) Амминатъ, кистинка, хорошенькая, рѣзвая; Шамиль развелся съ нею, вслѣдствіе политическихъ соображеній; она ненавидѣла Зайдату. 8) Зайнабъ, чеченка; Шамиль жилъ съ нею всего три часа.

Сыновья Шамиля. 1) Джемаль-Эдинъ, старшій сынъ Шамиля отъ Фатимать 1-й; вѣроятно имя, это дано ему въ честь воспитателя Шамиля; онъ былъ у насъ аманатомъ и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Для освобожденія изъ плѣна княгинь Чавчавадзе и Орбеліани его пришлось отсылать на родину, гдѣ онъ черезъ три года и умеръ. 2) Кази-Магометъ (мы его звали Кази-Магомъ) любимецъ отца, второй сынъ его отъ жены Фатимать 1-й родился въ 1833 г. чрезъ 6-ть мѣсяцевъ послѣ убіенія Кази-Муллы.

Онъ былъ большого роста, крѣпкаго сложенія, худощавый; черты лица у него были неправильныя, глаза маленькіе, хитрыя, волосы рыжеватые, цвѣтъ лица смуглый, желтоватый. Въ первый разъ Кази-Магомъ былъ женатъ на хорошенькой дочери Даниель-Бека Каримать, которую онъ страстно любилъ, но она не платила ему взаимностью. Къ его отчаянію, она умерла въ Калугѣ отъ чахотки: тѣло ее отправили на казенный счетъ на родину въ г. Нуху. Кази-Магомъ началъ скучать, худѣть и тогда рѣшено было по совѣту доктора, что ему слѣдуетъ жениться. Если не ошибаюсь, брату его Шафи-Магомету было поручено выбрать ему невѣсту, заключить заочный бракъ (никакъ) и привезти ее въ Калугу, что и было исполнено.

Говорятъ, что Кази-Магомъ былъ очень храбръ; наибомъ сдѣлался онъ уже 15-ти лѣтъ. Г. Руновскій передаетъ такъ слова Шамиля, который питалъ особенную нѣжность къ этому сыну: «даже сынъ мой, Кази-Магометъ, котораго я люблю болѣе всего въ мірѣ, въ преданность его вѣрю какъ въ милость Божію, даже и онъ оставилъ меня, чтобы отдаться женщинѣ!»

Однажды Шамиль опасно заболѣлъ и собралъ совѣтъ верховный съ цѣлью обезпечить страну на случай своей смерти отъ внутреннихъ волненій; совѣтъ опредѣлили признать Кази-Магомета наслѣдникомъ имамской власти и присягнуть ему въ вѣрности; ему было тогда 7 или 8 лѣтъ: на время его несовершеннолѣтія назначили регентомъ Албазъ-Дебира.

Во время одного изъ моихъ посѣщеній женъ Шамиля Кази-Магомъ вошелъ радостно къ намъ, ведя подъ руку свою молодую жену, миловидную и веселенькую; молодая парочка казалось совершенно довольною и счастливою. Кази-Магомъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія при первомъ же знакомствѣ съ нимъ. Умомъ онъ очень

Жена Шамиля Шуаната.

отставалъ отъ отца. Казалось, что онъ скрытенъ и подавляетъ въ себѣ чувство недовольства. Г. Руновскій былъ другого мнѣнія о Кази-Магомѣ и относится къ нему съ симпатіей; онъ пишетъ, что Кази-Магомъ былъ любимъ населеніемъ на Кавказѣ за вниманіе и привѣтливость къ каждому горцу и относился съ участіемъ къ осужденнымъ на смерть. Послѣдствія однако показали, что ему нельзя было довѣрять и что онъ не оправдалъ то высокое мнѣніе, какое имѣлъ о немъ его родитель!

Тѣмъ не менѣе въ Калугѣ, видя въ отцѣ человека искренно преданнаго Государю, вѣроятно и самъ въ то время тронутый его высокими милостями, Кази-Магомъ предъявлялъ многократно свои чувства благодарности къ Царственному Благодѣтелю своей семьи.

Онъ бывалъ у насъ часто и впоследствии; когда полковникъ Пржецлавскій былъ удаленъ, а надзоръ за Шамилемъ былъ порученъ моему мужу, Кази-Магомъ показывалъ искреннее расположеніе къ намъ. Мужъ мой уговаривалъ его ходить въ гимназію и учиться русскому языку. Кази-Магомъ понималъ нашъ языкъ, но говорилъ плохо; я, съ своей стороны, старалась его склонять къ изученію русскаго языка и онъ готовъ былъ послѣдовать нашему совѣту, но къ несчастью внезапная смерть моего мужа разстроила всѣ хорошіе планы въ отношеніи семьи Шамиля.

3) Магометъ-Шафи, третій сынъ Шамиля, съ 1-го мая 1861 г. поступившій на службу въ конвой Его Величества, нынѣ генераль-маіоръ, былъ въ дѣтствѣ рѣзвымъ мальчикомъ и своими шалостями навлекалъ неудовольствіе домашнихъ, особенно Зайдаты, которая часто жаловалась на него Шамилю. Женитьба его нѣсколько оригинальна; юношею былъ онъ въ гостяхъ у Чахскаго наиба Энькау-Хаджію (Чахъ укрѣпленный аулъ въ Дагестанѣ). Во время бесѣды съ Шафи Магометомъ, Энькау кликнулъ свою дочь, бывшую въ сосѣдней комнатѣ. Веселая, 18-ти

лѣтняя Амминатъ распѣвала пѣсенки не подозрѣвая, что, у отца сидитъ гость; она выбѣжала къ отцу безъ чадры столкнулась лицомъ къ лицу съ красивымъ молодымъ чело­вѣкомъ, вскрикнула, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты при громкомъ смѣхѣ старика отца.

Шафи-Магометъ также сконфузился; шутка Энькау разыгралась свадьбой. Когда мы пріѣхали въ Калугу въ 1865 году, Амминатъ не было уже въ живыхъ; она также, какъ многія изъ женскаго персонала семейства Шамиля не перенесла калужскаго климата.,

Магометъ, былъ младшимъ сыномъ Шамиля и Зайдаты. Онъ родился въ 1861 году. Ему было четыре года, когда мы пріѣхали; онъ былъ общимъ любимцемъ семьи. Когда онъ увидѣлъ мужа моего въ генеральской формѣ, сталъ его звать «краснымъ дядей» и любилъ лазить ему на плечи. Теперь этому маленькому Магомету 28 лѣтъ и онъ конечно не помнитъ «краснаго дядю». Желаніе моего мужа было, чтобы онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, по примѣру старшаго брата и Шамиль надѣялся на такую милость Царя; теперь онъ понимаетъ, что Джемаль-Эддинъ былъ совершенно счастливъ, воспитываясь въ Россіи, почему онъ совѣтовалъ ему помириться съ русскимъ царемъ.

Старшая дочь Шамиля, Нафисатъ (по арабски значить прекрасная) была замужемъ за Абдурахманомъ, братомъ Зайдаты—сыномъ Джемаль-Эддина, воспитателя Шамиля. Она умерла также въ Калугѣ отъ чахотки и при насъ; къ этому печальному случаю я еще вернусь.

2) Вторая дочь Шамиля, Фатиматъ, была замужемъ за Абдурахимомъ, роднымъ братомъ Абдурахмана и Зайдаты Нафисатъ и Фатиматъ родились обѣ отъ одной матери Фатиматъ 1-ой, умершей вскорѣ послѣ сухарной экспедиціи въ 1845-году; ея смерти Шамиль приписываетъ неудачу этой экспедиціи.

3) Наджавать (добродѣтель) дочь Зайдаты была очень не счастлива; ноги ея, вслѣдствіе паденія въ раннемъ возрастѣ, были вывернуты носками въ средину такъ, что пальцы обѣихъ ногъ сходились при ходьбѣ; она привыкла къ этому, ходила скоро, но не могла стоять, не опираясь. Женщины въ горахъ употребляли различныя средства для пользованія ногъ бѣдной Наджаватѣ, но безъ успѣха. Одинъ горецъ обѣщалъ Наджаватѣ исцѣленіе, если ея ноги будутъ заключены на сутки въ животъ осетра. Достали рыбу, но въ результатѣ вышелъ обманъ корыстолюбиваго горца, котораго и прогнали.

Шамиль ничего не пожалѣлъ бы, чтобы только излечили ноги его дочери, но доктора признали какую-либо операцію невозможной. «Но вотъ (пишетъ Абдуррахманъ) нашъ добрый Апполонъ (капитанъ Руновскій) нашелъ джина (доктора) Корженевского; черезъ два мѣсяца послѣ его пріѣзда, ноги Наджавать выпрямились безъ всякихъ страданій, хотъ и не совсѣмъ; потому ей еще недоставало вполнѣ свободнаго движенія ногъ».

4) Баху-Меседу, сестра Наджавать, дочь Зайдаты, вѣроятно, названная такъ въ честь матери Шамиля.

5) Софіатъ, дочь Шуанаты.

6) Магазатъ, внучка отъ Нафисать.

Зятя: 1) Абдуррахманъ происходилъ отъ потомковъ Магомета Завиль-Курба, сынъ Джемаль-Эддина, братъ Зайдаты былъ женатъ на старшей дочери Шамиля Нафисать. Онъ былъ очень умный молодой человѣкъ; любилъ заниматься чтеніемъ богословскихъ книгъ; хотя онъ былъ ревностный мусульманинъ, однако посѣщалъ въ Калугѣ балы и концерты и любилъ музыку, говорилъ совершенно свободно по русски, всегда пріѣзжалъ къ намъ съ Шамилемъ и былъ нашимъ переводчикомъ. Пріятная, симпатичная его наружность.

располагала насъ къ нему и онъ вскорѣ сдѣлался нашимъ домашнимъ человекомъ.

2) Абдурахимъ, также братъ Зайдаты и Абдурахмана былъ женатъ на дочери Шамиля, Фатимать. Молодецватый, съ пріятными чертами лица, онъ былъ также нашимъ всегдашнимъ гостемъ, къ тому же онъ говорилъ и писалъ хорошо по русски. Оба брата, какъ Абдурахманъ, такъ и Абдурахимъ, сильно желали быть принятыми у насъ на службу и крайне намъ жаль было, что этого не случилось.

Оба способные, прямого и честнаго характера, они были бы полезными слугами своего новаго отечества. Мнѣ неизвѣстна причина, почему желаніе ихъ не было исполнено; они приписывали эту неудачу интригамъ г. Пржецлавскаго.

Вскорѣ послѣ моего знакомства съ Шамилемъ, я поѣхала къ его женамъ не только для того, чтобы сдѣлать пріятное бывшему имаму, но и для удовлетворенія собственнаго любопытства. Жили онѣ во второмъ этажѣ большаго каменнаго дома Сухотина. Когда я входила на лѣстницу я услышала бѣготню, визгъ и пискъ дѣтскихъ голосовъ; вскорѣ все затихло. Я вошла въ просторную залу и первое, что представилось моимъ глазамъ—это портретъ Государя во весь ростъ, поразительнаго сходства. Послѣ узнала я, что портретъ этотъ подаренъ лично Императоромъ Шамилю; этотъ драгоценный подарокъ Шамиль несказанно цѣнилъ и гордился имъ.

Князь Барятинскій совѣтовалъ Государю подарить Шамилю шубу; но неизрѣченная доброта Царя указала Ему на такой подарокъ, который наиболѣе могъ утѣшить Его плѣнника.

Въ Калугѣ у Шамиля были двѣ жены: Зайдата и Шуаната. Зайдатѣ было 30 лѣтъ, когда Шамиль поселился въ Калугѣ, т. е. въ 1859 г.; слѣдовательно, ей

Магометъ,
сынъ Шамиля, 4 хъ лѣтъ.

Баху-Меседу,
дочь Шамиля.

было 35-ть лѣтъ, когда я съ нею познакомилась; на видъ ей казалось гораздо болѣе. Она была некрасива собой; по крайней мѣрѣ, не было видно никакихъ слѣдовъ красоты, но выраженіе лица у нее было умное. Своимъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ тономъ она выказывала, что пользуется въ семьѣ правами распорядительницы.

Шуаната, на видъ гораздо моложе Зайдаты, сохранила слѣды красоты молодости и отличалась отъ Зайдаты своею скромностью. Цвѣтъ лица ея нѣжный, щеки румяныя (вѣроятно, не безъ помощи славящихся кавказскихъ румянъ), черты лица правильныя, глаза голубые и вообще вся наружность ея была симпатичная. Неудивительно, что она была царицей сердца Шамиля и что онъ не отдалъ бы ее и за миллионъ роднымъ. Обѣ онѣ встрѣтили меня съ робкимъ привѣтствіемъ; разрядились въ парадные костюмы, чадры; надѣли украшенія, подаренныя имъ княземъ Барятинскимъ въ Дагестанѣ: ожерелья, серьги, браслеты, кольца, золотые часы, украшенные драгоценными камнями.

Зайдата вовсе не говорила по русски и очень мало понимала. Шуаната говорила свободно на нашемъ языкѣ и служила Зайдатѣ переводчицей. Я ихъ разспрашивала объ ихъ жизни въ Калугѣ и онѣ жаловались мнѣ на то, что не переносятъ климата и что многія изъ нихъ сдѣлались жертвою его и что даже теперь есть еще больныя; онѣ сознавались, что скучаютъ, сидя цѣлый день въ комнатахъ; только по вечерамъ онѣ гуляли на дворѣ въ саду, обнесенномъ сплошнымъ, высокимъ заборомъ. Иногда, когда смеркалось, катались по городу въ коляскѣ. Зимой же вовсе не выѣзжали потому, что не выносили холода. При первомъ нашемъ знакомствѣ онѣ конфузились и какъ бы боялись сказать что нибудь лишнее. Мнѣ представили незамужнюю дочь Шамиля Наджаватъ съ больными ногами, хорошенькую и пріятную; (она ко мнѣ впослед-

ствіи очень привязалась), и, Нафисать, жену Абдурахмана; маленькій Магометъ бывалъ часто при матери. Впослѣдствіи къ нашимъ бесѣдамъ присоединился Кази-Магомъ со второй женой. Шафи-Магометъ входилъ къ намъ, когда онъ пріѣзжалъ на свиданіе съ отцемъ; но ни Шамиль, ни зятя его не показывались въ нашемъ обществѣ.

По отъѣздѣ Пржецлавскаго, жены Шамиля встрѣтили меня съ неописанной радостью. Съ тѣхъ поръ онѣ перестали стѣсняться въ разговорахъ со мной.

Я ихъ спрашивала о минутѣ ихъ плѣненія. Шуаната рассказывала, что онѣ не помнили себя отъ страха, первые часы по взятіи Гуниба. Когда Шамиль ушелъ къ главнокомандующему, онѣ были увѣрены, что не увидятъ его болѣе. Имущество все у нихъ ограбили во время военныхъ дѣйствій; впослѣдствіи оно было отчасти имъ возвращено. Когда князь Барятинскій ихъ обласкалъ и подарилъ имъ различныя драгоценности, онѣ нѣсколько ободрились. Не смотря на это, онѣ были увѣрены, что ихъ везутъ куда нибудь въ ссылку на всю жизнь. Какихъ ужасовъ не представляли онѣ себѣ, сообразуясь съ ученіемъ корана! Никогда, говорили онѣ, не могли мы думать, что у Русскаго Царя будетъ намъ такъ хорошо и не знаемъ, какъ благодарить Бога за Его милости къ намъ.

Разговоръ мой съ Шуанатой коснулся однажды ихъ религіи; изъ ея словъ я узнала, что она сдѣлалась ревностною магометанкой. Она выразила мнѣ, что предпочитаетъ магометанскую религію христіанской потому, что она гораздо строже нашей; что посты, молитвы, богослуженія исполняются у нихъ всеми безъ исключенія; а у насъ, христіанъ, молятся лѣниво и посты мало кто наблюдаетъ; я ей отвѣтила, что у насъ, такъ же какъ и у нихъ, вѣроятно, есть люди строга религіозные и такіе, которые небрежно относятся къ обрядамъ церковнымъ; но

все таки это не мѣшаетъ христіанамъ любить Бога и твердо вѣровать въ Него.

Говорила я также Шуанатѣ, что не понимаю ихъ закона имѣть нѣсколько женъ и что мы, христіане, убѣждены, что въ одно время любить нѣсколькихъ женщинъ невозможно. «Ахъ! отвѣтила Шуаната горячо; я была сама христіанкой и знаю, что у вашихъ мужей также нѣсколько женъ, только они ихъ имѣютъ тайно, а у насъ не скрываютъ ихъ; не лучше ли такой законъ, какъ у насъ?» Я разсмѣялась и замѣтила Шуанатѣ, что если бы въ нашихъ семьяхъ было такъ, какъ она думаетъ, то всѣ мы были бы несчастливы и не было бы ни одного счастливаго супружества и прибавила, что невѣрные мужья составляютъ у насъ исключеніе. Не знаю повѣрила ли Шуаната моимъ словамъ.

Затѣмъ я спросила Шуанату, не бываетъ ли между ними зависти, ревности и ссоръ! Этотъ вопросъ нѣсколько сконфузилъ ее, но она политично отвѣтила, что между ними не можетъ быть ни зависти, ни ревности, потому, что Шамиль такъ добръ и справедливъ, что любить ихъ равно и одинаково ласково съ ними обходится. Шуаната знала хорошо, что она любимая жена Шамиля. Зайдата говорила нашимъ плѣнницамъ, княгинямъ въ Ведено: «какъ вы счастливы, что у васъ одна жена у мужа!» На это Шуаната горячо возразила: «я охотно покоряюсь, потому что Шамиль такъ справедливъ, благороденъ, такъ хорошо съ нами обращается, что мы не имѣемъ права жаловаться; а кто это дѣлаетъ, тотъ не умѣетъ цѣнить его!»

Желательно мнѣ было также знать, какъ относятся жены Шамиля къ эпизоду плѣненія княгини Чавчавадзе и Орбеліани. Онѣ были родственницами тетушки моей, С. И. Б., урожденной княжны Орбеліани, бывшей замужемъ за дядей моимъ, Н. П. Б..

По грузинскому обычаю, когда С. И. минуло шесть лѣтъ, родители ея выбрали ей жениха и обручили ее съ однимъ изъ князей Орбеліани; не помню какъ его звали. Однажды я спросила С. И. отчего она не вышла за него замужъ. она отвѣтила мнѣ, что ей такъ надоѣло слушать объ этомъ съ ранняго дѣтства, когда ей говорили, указывая на князя Орбеліани: вотъ твой женихъ! женихъ твой пришелъ, что ея нареченный сдѣлался ей непріятель и когда она достигла возраста невѣсты, восемнадцати-девятнадцати лѣтъ, то не пожелала выйти за него замужъ.

У нее видала я въ Петербургѣ одну изъ княгинь Чавчавадзе и княгиню Е. А. Дадіанъ, сестру князя Чавчавадзе, которой С. И. Б. приходилась племянницей.

Не удивительно, что эти воспоминанія о родственныхъ связяхъ вселили во мнѣ особенный интересъ къ участи несчастныхъ плѣнницъ Шауната увѣряла меня, что съ ними обращались очень хорошо, что ихъ берегли, какъ нельзя болѣе. Дѣйствительно, Шамиль заботился о нихъ, какъ умѣлъ, и Шауната была къ нимъ очень ласкова и внимательна, но могли ли онѣ понять тѣ лишенія, которыя терпѣли бѣдныя княгини и тѣ нравственные муки, которыя онѣ переносили, не получая извѣстій отъ своихъ и не имѣя возможности переписываться съ ними. Шамиль воображалъ, что онъ содержитъ ихъ хорошо и только, испытавъ привольную, комфортабельную жизнь въ Калугѣ какъ военно-плѣнный и общій зривѣтъ въ Россіи, онъ понималъ какъ худо было жить въ Веденѣ его плѣнницамъ и отъ души соболѣзновалъ объ этомъ. Шауната говорила мнѣ, что княгиня Чавчавадзе переносила съ твердостью свою участь, а княгиня Орбеліани плакала неутѣшно; можетъ быть, она еще оплакивала мужа, котораго такъ недавно потеряла и сына; княгиня Чавчавадзе должна была ожидать, что ея супругъ и наше

правительство примутъ всѣ мѣры для ихъ освобожденія и что она его увидитъ въ непродолжительномъ времени.

Всякій разъ, что я пріѣзжала къ дамамъ Шамиля, онѣ съ трудомъ отпускали меня и умоляли опять скорѣе ихъ посѣтить. Не имѣя никакихъ развлеченій, для нихъ, тотъ день когда къ нимъ пріѣзжали, былъ праздникомъ. Каждое мое посѣщеніе сопровождалось угощеніемъ; когда лакей входилъ съ подносомъ, дамы опускали свои чадры, а онъ опускалъ глаза.

ГЛАВА XV.

Приставъ Шамиля, полковникъ Пржецлавскій. Его ошибки.
Обращеніе съ Шамилемъ. Вражда ихъ. Письмо Шамиля къ князю
Барятинскому. Посѣщеніе Шамиля бывшимъ губернаторомъ Лерхе.
Неправильные отзывы о Шамилѣ г. Пржецлавскаго.

итая Дневникъ пристава
Пржецлавскаго въ «Рус-
ской Старинѣ» 1877 года
(октябрь, ноябрь, декабрь).
я была возмущена пре-
вратнымъ очеркомъ о ге-
ніальномъ героѣ Шамиль.
обрисованнымъ приста-
вомъ его полковникомъ
Пржецлавскимъ! По этому
описанію характера и ка-

чество Шамиля, читатель долженъ получить о немъ со-
вершенно фальшивое понятіе, или лучше сказать, не
будетъ имѣть о немъ никакого понятія.

Читаю напримѣръ слѣдующее замѣчаніе редактора «Рус-
ской Старины»: «Подъ перомъ разскащика» (т. е. пристава

Пржецлавскаго), нѣкогда грозный имамъ Чечни и Дагестана, является довольно сварливымъ и слабымъ старичкомъ. Въ своемъ домашнемъ быту плѣнный Шамиль далеко не тотъ, каковымъ мы его воображали себѣ, судя по долговременной борьбѣ съ Россіей!

Нижеслѣдующіе рассказы о событіяхъ, сопровождавшихъ домашній бытъ Шамиля въ Калугѣ, какъ свидѣтельство очевидца, представляетъ самый полный характеристическій очеркъ бывшего имама.

Очень жалѣю, что г. редакторъ «Русской Старины» не былъ знакомъ съ отзывами другихъ личностей, находившихся при Шамилѣ до полковника Пржецлавскаго, а основывалъ свое мнѣніе о кавказскомъ героѣ по приговору одного изъ нихъ; онъ бы увидѣлъ, что г. Пржецлавскій былъ единственнымъ изъ близко стоявшихъ къ нашему замѣчательному плѣннику, который распространялъ о немъ столь невыгодныя для него, скажу даже прямо оскорбительныя мнѣнія.

Первымъ наставникомъ при Шамилѣ, какъ только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ полковникъ Богуславскій, который былъ искренно любимъ Шамилемъ и о которомъ послѣдній часто вспоминалъ въ разговорѣ съ нами. Г. Богуславскій относился къ Шамилю совершенно дружески. Его смѣнилъ капитанъ Руновскій, записки котораго о Шамилѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ тѣхъ близкихъ отношеній, которыя существовали у него съ бывшимъ имамомъ. Отраднo было мнѣ читать записки г. Руновскаго; онъ понималъ старика такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Полковникъ Пржецлавскій заступилъ мѣсто г. Руновскаго съ перваго апрѣля 1862 года и находился при немъ четыре года. Шамиль разстался съ нимъ какъ съ врагомъ. Почему? Потому что тотъ не понималъ старика.

Онъ такъ былъ убѣжденъ въ религіозномъ фанатизмѣ кавказскаго героя, зная его ревностнымъ распространителемъ въ Дагестанѣ шаріата, что не допускалъ въ себѣ мысли, чтобы Шамиль могъ имѣть къ Русскимъ инныя чувства, какъ вѣчную ненависть и другаго желанія, какъ избавленія отъ ненавистнаго ему плѣна. Отъ такого ошибочнаго узкаго взгляда на нашего замѣчательнаго плѣнника, произошли всѣ ошибки полковника Пржецлавскаго, окончившіяся тѣмъ, что его должны были удалить отъ Шамиля. Онъ давалъ чувствовать бывшему имаму на каждомъ шагу, что онъ нашъ военно-плѣнный, показывалъ полное недовѣріе къ нему, сопровождалъ его всюду, что было совершенно излишне. Что могъ онъ сдѣлать въ городѣ, съ чисто русскимъ населеніемъ? Бѣжать со всей семьей? Развѣ это было возможно на глазахъ у властей? Шамиль былъ слишкомъ уменъ, чтобы имѣть такіе бессмысленные замыслы. Притомъ, онъ высказалъ совершенно искренно, что жальѣтъ что раньше не зналъ Россіи, а то бы давно покорился. Но полковникъ Пржецлавскій не вѣрилъ старику. Онъ помнилъ, вѣроятно, третью главу корана, стихъ двадцать седьмой, въ которомъ говорится, чтобы вѣрующіе не брали себѣ въ друзья или покровители невѣрныхъ. Они въ такомъ случаѣ не должны надѣяться на Бога.

Забывъ г. Пржецлавскій, что чувство благодарности мусульмане чтутъ свято.

Не понималъ онъ на сколько Шамиль былъ потрясенъ благосклоннымъ вниманіемъ и всѣми милостями къ нему Государя Императора.

Не хотѣлъ онъ вѣрить, что старикъ имамъ всѣмъ своимъ существомъ былъ теперь привязанъ къ своему Царю-Благодѣтелю! Но г. Пржецлавскій принималъ эти чувства за притворство, за хитрость, что и причинило къ нему ненависть Шамиля.

Г. Пржецлавскій входилъ во всѣ подробности семейной жизни Шамиля, въ отношенія членовъ семьи другъ къ другу, въ ихъ интимные разговоры. Онъ зналъ ихъ мельчайшіе расходы, что до него нисколько не касалось; называлъ Шамиля скрягой, что противорѣчить совершенно всему, что о немъ до сихъ поръ было писано. Имамъ вовсе не входилъ въ домашніе расходы и не заботился о своей казнѣ, а Зайдата и Кази-Магомъ распоряжались всѣмъ въ домѣ и завѣдовали всѣми расходами. Такое навязчивое вмѣшательство посторонняго лица въ семейный очагъ Шамиля сдѣлало его жизнь въ высшей степени тягостною при Пржецлавскомъ. Какъ бы въ утѣшеніе себѣ за всѣ обидные выходы г. Пржецлавскаго, за всѣ его не деликатности, Шамиль часто вспоминалъ со слезами на глазахъ, какъ Государь обнялъ его въ Чугуевѣ, поцѣловалъ и назвалъ его своимъ другомъ.

Г. Пржецлавскій укоряетъ даже Шамиля за то, что онъ какъ-бы скрывалъ въ себѣ непреодолимое желаніе ѣхать въ Мекку. Но это желаніе есть цѣль жизни каждаго магометанина и Шамиль не только не скрывалъ своего желанія, но въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1861-мъ году, просилъ лично Государя о дозволеніи ѣхать въ Мекку. Царь милостиво отвѣтилъ ему, что со временемъ просьба его будетъ уважена. По возвращеніи въ Калугу, Шамиль сообразилъ, что просьба его была преждевременна и писалъ князю Барятинскому слѣдующее:

«Краснѣю со стыда передъ Его Императорскимъ Величествомъ и передъ тобою, князь, и раскаиваюсь, что высказалъ желаніе ѣхать въ Мекку. Клянусь Богомъ, я не высказалъ бы моихъ душевныхъ желаній, если бы зналъ, что Кавказъ еще не замиренъ окончательно; не высказалъ-бы потому, чтобы Императоръ и ты, князь, не

подумали бы обо мнѣ чего дурнаго! Если я лгу, то пусть поразить меня и все мое семейство кара Божія!

Рабъ Божій Шамуиль».

Изъ дневника г. Пржецлавскаго видно, что Шамиль гораздо ранѣе прїѣзда моего мужа, хлопоталъ объ удаленіи своего пристава. Четырнадцатаго Декабря 1863 года (слѣдовательно, годъ и восемь мѣсяцевъ послѣ вступленія въ должность пристава Пржецлавскаго) губернаторъ Лерхе прїѣзжалъ къ Шамилю, удалилъ изъ залы г. Пржецлавскаго, которому это обстоятельство было крайне непріятно и очень его удивило. Лерхе около часа говорилъ съ Шамилемъ и Кази-Магомомъ; нѣтъ сомнѣнія, что просьба Шамиля тогда уже заключалась въ смѣнѣ пристава, такъ какъ вслѣдъ за посѣщеніемъ Шамиля губернаторомъ Лерхе, капитанъ Смирновъ долженъ былъ прїѣхать смѣнить полковника Пржецлавскаго.

Надѣюсь, что послѣ всего вышесказаннаго, читатели удостовѣрятся, что на характеристическій очеркъ бывшаго имама, обрисованный г. Пржецлавскимъ положиться нельзя, что послѣдній не понималъ, не разгадалъ плѣнника, который былъ порученъ его надзору. Въ этомъ очеркѣ вѣрны можетъ быть только меркантильные счета домашняго обихода Шамиля, которые полковникъ Пржецлавскій далъ себѣ трудъ напечатать, но которые никого не могутъ интересовать. Геніальнаго ума кавказскій герой Шамиль и жалкій, слабодушный скряга, хитрый имамъ, съ которымъ г. Пржецлавскій знакомитъ публику, суть два существа ничего общаго между собой не имѣющіе. Ни одинъ изъ близко стоявшихъ къ Шамилю, прежде и послѣ г. Пржецлавскаго, не согласится съ мнѣніемъ послѣдняго, я убѣждена.

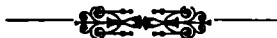
напротивъ, что всѣ они относились къ нему съ большой симпатіей. Мужъ мой и я видѣли Шамиля въ такія минуты огорченія. душевнаго волненія и скорби, въ которыя человѣку не до притворства, или лукавства, гдѣ онъ выказывался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

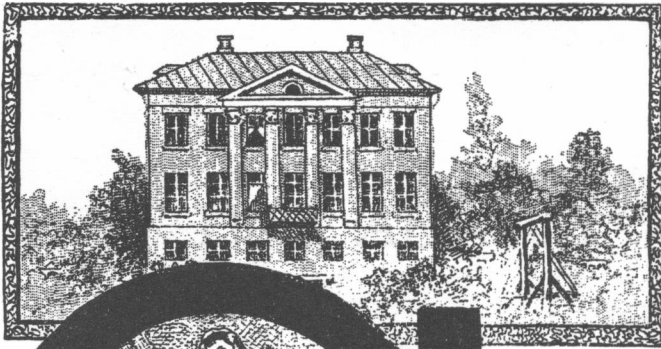

ГЛАВА XVI.

Матеріальное положеніе Шамиля. Недовольство приставомъ. Аудіенція у губернатора. Извлеченіе изъ разсказа Шамиля. Донесеніе военному министру. Приѣздъ полковника Брока. Его мнѣніе о Шамилѣ. Удивленіе мужа. Шифрованная телеграмма. Слѣдствіе. Оправданіе.

тарикъ Шамиль занималъ и при насъ въ Калугѣ домъ Сухотина, о которомъ онъ выразился предводителю дворянства Щепкину такъ: «что онъ бы давно бѣжалъ изъ Дагестана если бы зналъ, что тутъ будетъ ему такъ хорошо».

Двухъэтажный, каменный домъ Сухотина граничилъ съ одной стороны съ садомъ, окруженнымъ высокимъ заборомъ; на обширномъ дворѣ стоялъ флигель, въ которомъ Шамиль принималъ гостей во избѣжаніе встрѣчи ихъ съ его женами. Во дворѣ выстроили Шамилю небольшую мечеть. Лѣтомъ у него была даровая дача въ окрестняхъ Калуги. Онъ получалъ пятнадцать тысячъ рублей годоваго содержанія и имѣлъ весьма приличный экипажъ. Въ Дагестанѣ онъ не имѣлъ конечно понятія о такомъ комфортѣ да и могъ ли онъ быть недовольнымъ столь

роскошной для него обстановкой и желать прибавки содержания, какъ разсказывалъ и писалъ о немъ полковникъ Пржецлавскій. О своемъ прежнемъ могуществѣ, онъ столько-же жалѣлъ, какъ о растаявшемъ снѣгѣ, пишетъ о немъ Абдурахманъ, зять его. Съ своимъ плѣномъ Шамиль свылся и, конечно, понималъ, что кавказская война должна была кончиться покореніемъ страны и его плѣненіемъ, если не суждено было ему погибнуть отъ русской пули. Первое время нашего пріѣзда въ Калугу, лицо Шамиля выражало покорность судьбѣ и внутреннее спокойствіе, хотя по временамъ онъ былъ угрюмъ.

Понемногу онъ началъ высказывать мужу свое неудовольствіе съ приставомъ и все болѣе раздражаться при разговорѣ о немъ. Наконецъ, онъ объявилъ мужу, что онъ проситъ калужскихъ властей. выслушать его, что онъ имѣетъ сообщить что-то важное, до него касающееся. Въ домѣ губернатора съѣхались всѣ власти въ назначенный вечеръ. Шамиль пріѣхалъ сильно раздраженный, взволнованный и сообщилъ слѣдующее.

Извлеченіе изъ разсказа Шамиля въ присутствіи губернатора Спасскаго, вице-губернатора графа Шуленбурга, Губернскаго предводителя Дворянства Щукина и воинскаго начальника генераль-маіора Чичагова.

1) «Г. Пржецлавскій, привезя съ собою съ Кавказа рукопись на арабскомъ языкѣ: «О трехъ набахъ» (наибы эти должно быть: Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ и Шамиль) перевелъ ее на русскій языкъ съ цѣлью напечатать, почему предварительно принесъ переводъ ко мнѣ, для утвержденія его моею подписью. Я по природѣ недобѣрчивъ; не читавъ его перевода, подписать его я отказался, тѣмъ болѣе, что дошло до моего свѣдѣнія, что г. Пржецлавскій искажилъ факты, относящіеся лично до меня. Съ тѣхъ поръ г. Пржецлавскій отвратилъ сердце мое и поселилъ во мнѣ непріязненное къ нему чувство.

2) «Два года тому назадъ, калужскій губернаторъ Лерхе, вслѣдствіе просьбы моей, ходатайствовалъ объ удаленіи г. Пржецлавскаго и назначеніи на его мѣсто другаго лица. Вскорѣ прибылъ съ Кавказа въ Москву капитанъ Семеновъ, откуда онъ прислалъ своего денщика съ вещами, при письмѣ къ г. Пржецлавскому, въ которомъ писалъ. «Я назначенъ на ваше мѣсто, примите мои вещи». Между тѣмъ, это назначеніе не состоялось, что осталось тайною для меня по сіе время. Я подозрѣваю г. Пржецлавскаго въ козняхъ и положительно утверждаю, что онъ сдѣлалъ подлогъ, написавъ отъ моего имени письмо въ военное министерство».

Здѣсь я считаю необходимымъ прервать рассказъ Шамиля, чтобы сослаться на «Дневникъ г. Пржецлавскаго» («Русская Старина» 1877 г.) и указать читателямъ на образецъ искаженія имъ фактовъ. Г. Пржецлавскій пишетъ: Когда было получено письмо отъ капитана Смирнова, извѣщающее о томъ, что онъ ѣдетъ смѣнить меня, семья Шамиля изъявила мнѣ сожалѣніе, что надо разставаться со мной. Шамиль сказалъ мнѣ: «по истинѣ удивляюсь, что тебя берутъ, ты къ намъ привыкъ и мы къ тебѣ привыкли, а теперь пріѣдетъ новый человѣкъ! Скажи пожалуйста, по какой причинѣ тебя не оставляютъ на мѣстѣ!» Право я самъ путаюсь въ догадкахъ отвѣчалъ я. И это пишетъ г. Пржецлавскій послѣ того, что онъ хорошо понялъ въ чемъ заключалась просьба Шамиля къ губернатору Лерхе и почему его удалили изъ комнаты во время ихъ разговора.

Но вернемся къ показаніямъ Шамиля.

3) «Я совершенно отвергаю съ моей стороны какія либо прихотливыя просьбы мои во все продолженіе времени моего плѣна, исключая просьбу: поѣзди въ Мекку и смѣны пристава. Я очень доволенъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ и никогда не просилъ прибавки

содержанія. Если же были на этотъ счетъ письма, то ихъ должно считать подложными, или лучше сказать, выдумками г. Пржецлавскаго.

4) «Г. Пржецлавскій, входя во внутренніе распорядки моей жизни, поселяетъ между моими приближенными и прислугою раздоръ и вмѣшивается въ дѣла, вовсе ему не подлежащія и притомъ распространяетъ по Калугѣ нелѣпыя слухи, отъ чего жители стали рѣже посѣщать меня. Мои двери для всѣхъ открыты.

5) «При произнесеніи фамиліи Пржецлавскаго, у меня потемняется зрѣніе и кровь приливаетъ къ головѣ, и я не отвѣчаю, что я въ состояніи сдѣлать съ нимъ или съ собой. Причиной моей болѣзни г. Пржецлавскій, который представляется мнѣ злымъ духомъ; мѣшаетъ мнѣ молиться Аллаху. Имѣя семьдесятъ четыре года отъ роду, единственное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ уединиться и вести монашескую жизнь.

6) «Я обожаю моего Государя Императора, Благодѣтеля и никогда не забуду словъ его, сказанныхъ мнѣ въ городѣ Чугуевѣ: «Я очень радъ, что ты, наконецъ, въ Россіи; жалѣю, что это случилось не раньше; ты раскаяваться не будешь. Я тебя устрою и мы будемъ жить друзьями». Я вѣрю словамъ Великого Монарха и убѣжденъ, что Пржецлавскаго удалить отъ меня».

Мой мужъ рассказывалъ мнѣ, что Шамиль былъ въ страшномъ возбужденіи, во время своего разсказа. Кровь кавказскаго горца точно кипѣла и буквально можно сказать, что глаза его метали искры. Онъ предчувствовалъ клевету и интриги полковника Пржецлавскаго. Случай съ капитаномъ Смирновымъ поселилъ въ Шамилѣ сильное недовѣріе къ приставу; главнымъ образомъ онъ боялся, что тотъ выставитъ его неблагодарнымъ передъ Царемъ-Благодѣтелемъ, не только даровавшимъ ему жизнь, но и заботящимся о немъ не какъ о плѣнникѣ, а какъ о

другъ! Мысль эта приводила Шамиля въ ярость, въ иступленіе!

Сообщеніе, сдѣланное Шамилемъ и просьбу его объ удаленіи полковника Пржецлавскаго, мужъ мой донесъ тотчасъ военному министру. Вслѣдствіе этого пріѣхалъ изъ Петербурга полковникъ Николай Петровичъ Брокъ, въ то время служившій въ канцеляріи военнаго министра и остановился у насъ. Онъ обратился къ мужу съ слѣдующими словами: «Шамиль у васъ дуритъ, его надо отправить въ Вятку!» Какъ свидѣтель поведенія и жизни Шамиля, мой мужъ не могъ не поразиться этими словами! Опасенія старика сбывались. Г. Пржецлавскій успѣлъ выставить бывшаго имама недовольнымъ своимъ положеніемъ, слѣдовательно неблагодарнымъ къ своему Государю-Благодѣтелю. Такая несправедливость со стороны Пржецлавскаго, какъ нельзя болѣе возмутила моего мужа. Онъ просилъ полковника Брока не торопиться этимъ дѣломъ и изслѣдовать его подробно, выразивъ при этомъ свое убѣжденіе, что во всѣхъ этихъ непріятностяхъ виноваты интриги г. Пржецлавскаго.

Военному министру была послана шифрованная телеграмма съ просьбою назначить формальное слѣдствіе по жалобѣ Шамиля на что и послѣдовало тотчасъ разрѣшеніе.

Слѣдствіе выказало полнѣйшія выдумки г. Пржецлавскаго и просьба Шамиля объ удаленіи пристава была уважена. Надзоръ за Шамилемъ былъ порученъ моему мужу. Еслибы мой мужъ не зналъ Шамиля такъ близко и не принялъ мѣры для раскрытія интригъ г. Пржецлавскаго, наговорамъ послѣдняго могли-бы повѣрять и Шамиль съ семействомъ кончилъ-бы жизнь гдѣ нибудь на окраинѣ Россіи. Осыпанный Царскими милостями, при всей своей горячей преданности къ Государю, старикъ Шамиль понесъ бы наказаніе безъ вины, ненависть

бывшаго имама къ приставу могла бы разыгратъся кровавой сценой! Съ тѣхъ поръ Шамиль понялъ и оцѣнилъ теплое участіе къ нему мужа и до конца жизни его не забывалъ, а о Пржецлавскомъ, улыбаясь говорилъ: «надо же было ему передъ начальствомъ показать, что онъ не даромъ получалъ жалованье».

ГЛАВА XVII.

Отношенія Шамиля къ новому своему наставнику, генералу Чичагову. Довѣріе Чичагова къ Шамилю. Посѣщеніе Шамиля и бесѣды съ нимъ. Счастливыя и радостныя дни.

адость Шамиля объ удаленіи Пристава Пржецлавскаго и о подчиненіи его надзору моего мужа, была невыразима. Шамиль послалъ по этому случаю благодарственное письмо къ военному министру Д. А. Милютину, въ которомъ выразилъ свою радость, что имѣеть наставника, который ему пришелся вполнѣ по душѣ. Разумѣется, о прибавкѣ жалованья по случаю надзора за Шамилемъ не было рѣчи. Это новое назначеніе нисколько не отвлекало мужа отъ его служебныхъ обязанностей. Надзоръ за Шамилемъ былъ для послѣдняго не замѣтенъ. Старикъ началъ забывать, что онъ военно-плѣнный; ѣздилъ свободно съ сыномъ и зятями къ властямъ. Мой мужъ былъ убѣжденъ въ непритворной благодарности и искренней привязанности Шамиля къ Государю; онъ смотрѣлъ на бывшаго имама, какъ на мирнаго жителя, живущаго подъ высокимъ покровительствомъ Русскаго Царя, Имъ обласканнаго и сказавшаго старику: «ты не будешь раскаяваться, что ты, наконецъ, въ Россіи; я тебя устрою, ты будешь доволенъ, мы будемъ жить друзьями». Кому же и слѣдовало стараться, чтобы это обѣщаніе великодушнаго Монарха его плѣннику, исполнилось въ точности, какъ не тѣмъ, кому было

поручено блюсти за спокойствіемъ послѣдняго. Надо было видѣть лице старика, когда онъ говорилъ о Государѣ! слова дышали искренностью, глаза дѣлались влажными отъ умиленія! Шамиля несказанно утѣшало то, что мужъ мой считалъ его неспособнымъ отплатить Царю неблагодарностью за всѣ Его благодѣнія, что составляло совершенную противоположность съ подозрительностью къ нему полковника Пржецлавскаго.

Теперь настали самые пріятные дни нашего знакомства съ бывшимъ имамомъ. Въ семьѣ водворился миръ и тишина. Дамы встрѣтили меня съ распростертыми объятіями. Семейныя ссоры прекратились. Кази-Магомъ, Абдуррахманъ, Абдурахимъ пріѣзжали вмѣстѣ къ намъ и мнѣніе ихъ о Пржецлавскомъ было совершенно согласно; никакой вражды, ни натянутыхъ отношеній, о которыхъ пишетъ бывшій приставъ Шамиля, не было между ними замѣтно.

Онъ выставляетъ Кази-Магома, какъ страждующее лице отъ интригъ Абдуррахмана и Зайдаты и говорить, что первый всегда оставался на заднемъ планѣ; но это невѣроятно уже потому, что привязанность Шамиля къ старшему сыну была такъ сильна, что никто изъ семьи не могъ бы и подумать не оказать ему должнаго уваженія.

Шамиль ѣздилъ къ намъ часто, всегда въ сопровожденіи Кази-Магома, Абдуррахмана, служившаго намъ переводчикомъ и Абдурахимомъ; они проводили у насъ цѣлые вечера; мы видѣли Шамиля въ то время веселымъ и нерѣдко смѣющимся отъ души. Онъ страдалъ болью спиннаго хребта, что не удивительно послѣ девятнадцати ранъ имъ полученныхъ. Ему подкладывали подушку и онъ полулежа бесѣдовалъ съ нами по нѣскольکو часовъ.

Онъ показывалъ однажды у себя мужу сквозную рану въ плечѣ черезъ легкія, вѣроятно, ту самую, которую онъ получилъ при осадѣ Гимръ. У него было нѣскольکو

реберь сломанныхъ; не смотря на это онъ держалъ себя прямо и сохранилъ прежнюю величавую осанку.

Разказы Шамиля о его жизни были въ высшей степени интересны, краснорѣчивы и сопровождаемы весьма удачными поэтическими сравненіями.

Онъ рассказывалъ намъ, что при взятіи нашими войсками крѣпости Ахульго, обстрѣливаемый съ обѣихъ сторонъ нашими пулями, онъ, спускаясь по веревкѣ къ обрыву, къ рѣкѣ Койсу, несъ на плечахъ шести или семилѣтняго Кази-Магома и такимъ образомъ спасся. Въ это время убита и жена его, гимрянка, Джавгарать. Изъ этого случая видно какимъ присутвіемъ духа и богатырскою силою обладалъ Шамиль.

Не могу не упомянуть здѣсь еще объ ужасающемъ эпизодѣ, происшедшемъ съ Шамилемъ и рассказанномъ намъ имъ лично. Не помню при какой лагерной стоянкѣ, Шамиль лежалъ на кровати въ своей палаткѣ, имѣя у себя подъ подушкой кинжалъ, безъ котораго онъ никогда не ложился. Вдругъ входитъ въ палатку плѣнный русскій солдатъ. Этотъ несчастный, считавшійся Шамилемъ за шпіона, былъ ослѣпленъ и посаженъ въ яму. Какимъ то чудомъ онъ выползъ изъ ямы, ощупью добрелъ до палатки имама, подошелъ къ его кровати; въ одно мгновеніе выхватилъ онъ кинжалъ изъ подъ подушки и началъ наносить удары Шамилю въ животъ. Шамиль остервенился, всею силою схватилъ солдата за руки; чтобы обезсилить его скорѣе, онъ началъ грызть ему голову; удары въ животъ все-таки наносились. Шамиль продолжалъ свою ужасную месть до того, что ротъ его наполнился жиромъ несчастнаго, лишившагося наконецъ сознанія. Надо удивляться, что Шамиль находился, хотя на короткое время безъ своихъ тѣлохранителей.

Однажды, мужъ мой спросилъ Шамиля не раскаивается ли онъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которые онъ совер-

шалъ надъ людьми. Шамиль отвѣчалъ: «я былъ пастырь, а тѣ были моими овцами, чтобы ихъ держать въ повиновеніи и покорности, я долженъ былъ употреблять жестокія мѣры. Правда, много людей я казнилъ, но не за преданность къ русскимъ; они мнѣ ее никогда не высказывали, а за ихъ скверную натуру, за грабежъ и за разбой; поэтому, я не боюсь наказанія отъ Бога».

Слова эти были произнесены съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ дѣйствій въ минувшую для Шамиля эпоху жизни; онъ смотрѣлъ на свою прежнюю жестокость, какъ на печальную необходимость для поддержанія своей власти и порядка въ управленіи страной.

Мужъ мой, между прочимъ, рассказывалъ Шамилю, что у насъ въ Петербургѣ существуетъ кавказскій комитетъ и прибавилъ: «кому-бы лучше, какъ не тебѣ посоветовать, какъ приступить къ обезоруженію горцевъ?». Шамиль отвѣчалъ: «я никакъ не могу этого сдѣлать; я посоветую хорошо, а исполненіе будетъ плохое, скажутъ — Шамиль виновать».

Въ минуту откровенія, онъ говорилъ мужу, что кавказскую войну можно было раньше кончить. Это замѣчаніе помню, какъ теперь. Зная прямой, откровенный и честный характеръ Шамиля, я не сомнѣваюсь, что онъ, при случаѣ, выразилъ бы это сужденіе лично Государю Императору.

Иногда разговоры Шамиля касались религіозныхъ предметовъ, а иногда и научныхъ. Мой мужъ спросилъ бывшаго имама, какъ онъ думаетъ, что такое наше небо? изъ чего оно состоитъ, какимъ образомъ держится наша земля? Шамиль отвѣтилъ, что небесъ нѣсколько, а именно семь, что Магометъ возносился до седьмаго неба, а земля виситъ на чемъ нибудь; тогда приносили атласъ и начинались объясненія о мірозданіи, о землѣ и планетахъ. Шамиль слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Но если во время бесѣды вставала луна, Шамиль моментально вставалъ, уходилъ молиться въ кабинетъ мужа, для чего ему разстилалась простыня. По окончаніи намаза, Шамиль поспѣшно возвращался и съ величайшею любознательностью продолжалъ слушать объясненія моего мужа.

Таковы были отношенія плѣннаго Шамяля къ своему наставнику и къ нашей семьѣ; наши дѣти всегда присутствовали при нашихъ бесѣдахъ и Шамяля это радовало. По всему было видно, что теперь Шамялю съ семействомъ жилось привольно. Нравственное вліяніе мужа моего на Шамяля было такъ велико, что онъ готовъ былъ слѣдовать всегда и во всемъ его совѣту.

Хотя жизнь Шамяля въ это время и была по возможности спокойна, но то горе, что его женскій персоналъ не переносилъ калужскаго климата, его постоянно мучило. Не долго продолжалась его пріятная, какъ онъ называлъ, жизнь. Вскорѣ набѣжала туча надъ его семьей, разразилась надъ головой бѣднаго старика Шамяля и потрясла его до глубины души.

ГЛАВА XVIII.

Болѣзнь и смерть Нафисато. Горе Шамиля. Новая милость Царя. Отправленіе тѣла на родину. Отъѣздъ Абдуррахмана. Отъѣздъ на Кавказъ больныхъ и слабыхъ. Желаніе Шамиля присягнуть на вѣрноподданство. Письмо Шамиля къ Государю.

Вскорѣ заболѣла любимая дочь Шамиля Нафисата. Какъ сказано выше, она была женой Абдурахмана. Она умерла отъ скоротечной чахотки, какъ и ея предшественницы. Велико было горе старика; онъ самъ совершалъ богослуженіе надъ дорогой умершей. Ша-

миль просилъ моего мужа исходатайствовать черезъ Военнаго Министра дозволеніе Государя отправить тѣло дочери на родину. Мой мужъ сообщилъ по телеграфу Военному Министру о просьбѣ Шамиля. Въ самомъ непродолжительномъ времени пріѣхалъ фелдъегерскій офицеръ изъ Петербурга съ дозволеніемъ отвезти тѣло умершей на Кавказъ, причемъ присланы были деньги на дорогу. Такое новое проявленіе милости Царя несказанно тронуло опечаленнаго старика и было ему отрадой въ его тяжкомъ горѣ.

Не могъ онъ достаточно высказать своей благодарности къ Военному Министру за столь поспѣшное исходатайствование милостиваго разрѣшенія Монарха. Это былъ уже второй случай отправленія умершей на Кавказъ. Года два передъ этимъ умерла первая жена Кази-Магома, Каремать, и также было дозволено отправить тѣло умершей на родину въ г. Нуху и также присланы были деньги на дорогу.

Возможно ли сомнѣваться въ искренней благодарности Шамиля къ Царю-Благодѣтелю послѣ всѣхъ этихъ щедрыхъ милостей Его плѣннику?

Абдуррахманъ повезъ тѣло жены самъ на Кавказъ. Жаль намъ было разстаться съ нашимъ любезнымъ собесѣдникомъ. Прощаніе съ нимъ оказалось навсегда. Съ тѣхъ поръ мы и не видалсь съ нимъ. Г. Пржецлавскій приписывалъ ему всѣ ссоры въ семьѣ, ходатайствовалъ объ удаленіи его въ другой городъ, даже объ отдачѣ его подъ надзоръ полиціи,

Совершенно не понятно, что подозрительнаго могъ онъ отыскать въ добродушномъ Абдуррахманѣ, отъ души желавшемъ поступить на русскую службу и безъ сомнѣнія съумѣвшимъ бы принести посильную пользу въ своемъ новомъ отечествѣ. Очень бы хотѣлось, чтобы случай привелъ еще встрѣтиться съ нимъ.

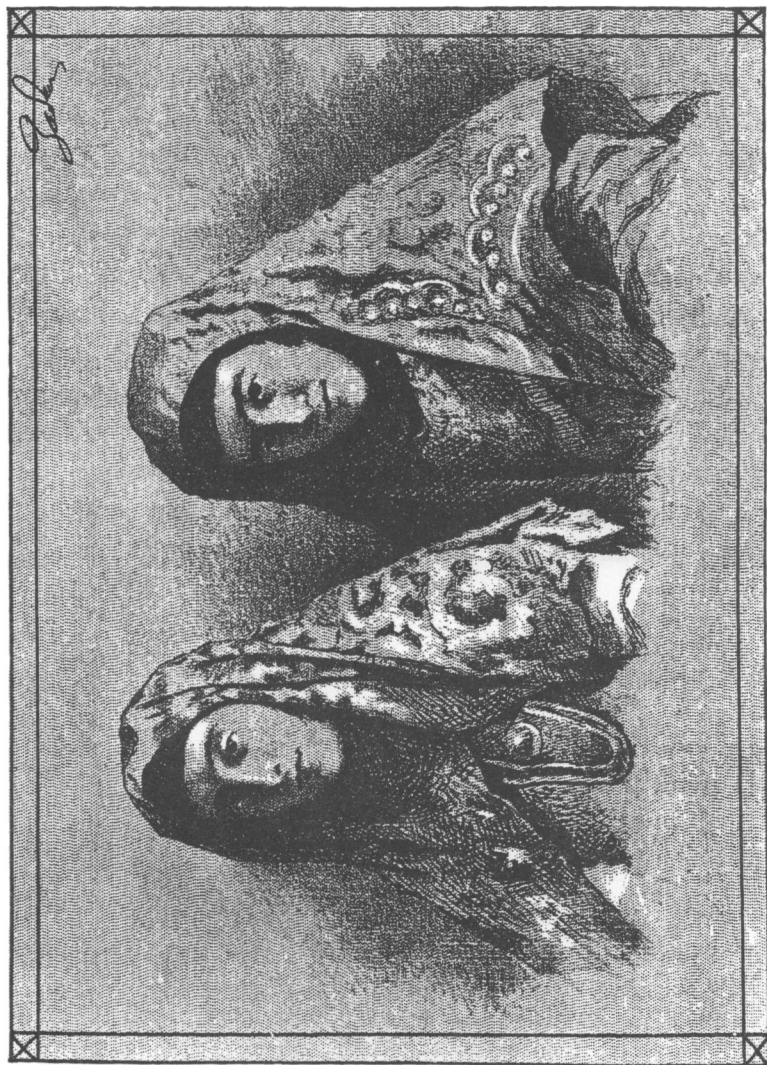
Мужъ мой воспользовался случаемъ отправленія тѣла Нафисато на Кавказъ и послалъ всѣхъ слабыхъ и хилыхъ женскаго персонала на родину для поправленія здоровья, испросивъ на то разрѣшеніе Военнаго Министра. И что же? Всѣ онѣ вернулись обратно здоровыми. Надо сознаться, что тяжело было видѣть, какъ бѣдныя женщины дѣлались мало по малу жертвой климата и какъ убывало семейство Шамиля. Сколько я помню, Кази-Магомъ говорилъ мнѣ, что въ Калугѣ умерло семнадцать человѣкъ, считая прислугу.

Не трудно себѣ представить, какъ теплое участіе моего мужа къ бывшему имаму и его семьѣ, привязывало съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе старика къ нему. Все время болѣзни Нафисато и до отъѣзда Абдуррахмана, мы не видали Шамиля; но мужъ мой ежедневно его посѣщала. Наконецъ старикъ началъ понемногу выѣзжать по утрамъ и бывать у насъ, но уже не видно было улыбки на его печальномъ лицѣ.

Достигнувъ оправданія своего въ глазахъ петербургскихъ властей, разстроганный постоянными милостями къ нему Государя, Шамиль постоянно былъ занятъ теперь мыслию какъ бы достойно отблагодарить своего Высокаго Благодѣтеля.

Однажды онъ спросилъ мужа: «чѣмъ и какъ я могу лучше доказать, какъ я обожаю своего Государя». Самымъ вѣрнымъ доказательствомъ твоей преданности Государю Императору, отвѣтилъ мужъ, служила бы твоя присяга со всей семьей на вѣрноподданство. Шамиль съ радостью, немедленно принялъ этотъ совѣтъ и изъявилъ желаніе присягнуть, о чемъ мой мужъ телеграфировалъ Военному Министру, а Шамиль обратился къ Государю съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ на арабскомъ языкѣ:

«Ты, Великій Государь, побѣдилъ меня и кавказскіе народы, мнѣ подвластные, оружіемъ; Ты, великій Государь, подарилъ мнѣ жизнь; Ты, Великій Государь, покорилъ мое сердце благодареніями. Мой священный долгъ какъ облагодѣтельственнаго дряхлаго старика и покореннаго Твоею великою душою, внушить дѣтямъ ихъ обязанности предъ Россією и ея законными царями. Я завѣщалъ имъ питать вѣчную благодарность къ Тебѣ, Государь, за всѣ благодаренія, которыми Ты постоянно меня осыпаешь. Я завѣщалъ имъ быть вѣрноподданными Царямъ Россіи и полезными слугами новому нашему отечеству.

Наджеватъ,
дочь Шамиля.

Нафисато,
жена Абдурахмана, дочь Шамиля.

«Успокой мою старость и повели, Государь, гдѣ ува-
жешь, принести мнѣ и дѣтямъ моимъ присягу на вѣр-
ное подданство. Я готовъ произнести ее всенародно.

«Въ свидѣтели вѣрности и чистоты моихъ помысловъ
я призываю Всемогущаго Бога, великаго пророка Его
Магомета и даю клятву предъ недавно остывшимъ тѣломъ
моей налюбимѣйшей дочери Нафисато на священнѣй-
шемъ коранѣ. Соизволь, Государь, на мою искреннюю
просьбу».

Какое прочувствованное письмо! Когда Шамиль его
писалъ, онъ плакалъ. Да, Шамиль былъ покоренъ Рус-
скимъ Царемъ не только оружіемъ, но главнымъ обра-
зомъ, Его великой душой, покоренъ на вѣки, до гроба
такъ, что измѣна со стороны Шамиля была уже невы-
слима.

Это-то и понялъ мой мужъ, это-то и соединило Шамиля
съ нимъ такъ тѣсно! Къ сожалѣнію, ничего на что на-
дѣялся Шамиль, когда писалъ это письмо—не сбылось.

ГЛАВА XIX.

Планы мужа на счетъ наградъ по случаю присяги Шамиля. Согласіе на нихъ бывшаго имама. Болѣзнь мужа. Письмо генерала Карлгофа и соизволеніе Государя на присягу Шамиля. Смерть моего мужа. Участіе ко мнѣ Шамиля. Отъѣздъ въ Петербургъ.

жидая милостиваго соизволенія Государя на присягу Шамиля, надо было подумать о томъ, какъ его наградить. Плановъ у мужа было много. Помню, что онъ желалъ, чтобы Шамиль

просилъ Государя Императора помѣстить маленькаго Магомета въ Пажескій корпусъ, по примѣру старшаго его брата. Кази-Магому предполагалось испросить дозволеніе Царя поступить на вѣрноподданическую русскую службу; при этомъ, рѣшено было, чтобы онъ занялся изученіемъ русскаго языка, на что Кази-Магомъ съ радостью согласился; онъ былъ способный малый и, вѣроятно, занятія его были бы успѣшны. Не помню, что предполагалось испросить для Шафи-Магомета, служившаго тогда при конвоѣ Его Величества. Что касается до Шамиля, то полагаю, что другого желанія у него не было, какъ съѣздить въ Мекку. Абдуррахманъ и Абудурахимъ мечтали только о томъ, чтобы имъ позволили проситься на русскую службу.

Мужъ мой сообщалъ всѣ свои предположенія Шамилю, который во всемъ съ нимъ соглашался, въ полномъ убѣжденіи, что Русскій Монархъ-Благодѣтель не забудетъ сыновей и зятевъ его и осчастливитъ ихъ своимъ Высокимъ Покровительствомъ. Преисполненный свѣтлыхъ надеждъ, Шамиль ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтобы ему было Высочайше разрѣшено привести въ исполненіе свое благое намѣреніе.

Не задолго до полученія отвѣта изъ Петербурга, Шамиль пригласилъ къ себѣ къ обѣду моего мужа съ сыновьями и съ полнымъ радушіемъ угощалъ ихъ. Могъ ли Шамиль думать, что онъ въ послѣдній разъ угощаетъ своего наставника? Черезъ три дня мой мужъ слегъ въ постель; у него оказался тифъ.

Въ это время пришло къ моему мужу письмо отъ генерала Карлгофа, начальника иррегулярныхъ войскъ, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь,
Михаилъ Никифоровичъ!

Предварительно, для вашего собственнаго свѣдѣнія, но не для объявленія Шамилю, увѣдомляю васъ, что благое намѣреніе старца присягнуть со всѣмъ его семействомъ на вѣрноподданство Россіи, принято благосклонно Государемъ Императоромъ и что предполагается привести его къ присягѣ въ Калугѣ. Объявленіе объ этомъ замедляется пока еще перепискою о переводѣ присяжнаго листа на арабскій языкъ съ примѣненіемъ къ мусульманской религіи и о назначеніи муллы для приведенія къ присягѣ. Между тѣмъ, возникъ вопросъ, какой бы пріятный подарокъ можно сдѣлать Шамилю послѣ принятія имъ присяги! Я остановился было на мысли о подаркѣ ему роскошнаго изданія корана и религіозныхъ сочиненій на арабскомъ языкѣ, но Азіатскій Департаментъ пояснилъ мнѣ,

что строго религіозные мусульмане признають только одни рукописи и манускрипты, относя все печатное о религіозныхъ предметахъ къ оскорбленію святыни. Всякаго рода драгоцѣнности также не доставляютъ Шамилю, какъ истинному мюриду, никакого удовольствія. О значительномъ подаркѣ денежномъ, или какомъ либо недвижимомъ имуществѣ, не можетъ быть и рѣчи. Не зная, что придумать, я обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою—не поможете ли вы намъ въ этомъ затрудненіи? Можетъ быть, вы подмѣтили какое либо желаніе Шамиля въ приобрѣтеніи какой нибудь вещи, которая могла быть ему пріятнымъ подаркомъ. Вы крайне обяжете меня, сообщивъ объ этомъ ваше мнѣніе.

Если-бы это письмо пришло тремя днями ранѣе, желаніе генерала Карлгофа было бы удовлетворено. Мой мужъ сообщилъ бы ему, на что надѣялся Шамиль, потому, что зналъ хорошо всѣ его мечты, но письмо это застало мужа въ безпамятствѣ, такъ что и я не могла уже его спросить, что отвѣтить за него генералу Карлгофу. Посѣщаю своихъ больныхъ нижнихъ чиновъ, мой мужъ заразился страшнѣйшимъ, такъ называемымъ, казеннымъ тифомъ и въ восемь дней его не стало. Судьбѣ не угодно было, чтобы мой мужъ дожилъ до дня присяги Шамиля, того дня, когда нашъ плѣнникъ и его сыновья, должны были сдѣлаться вѣрнопопданными Великаго Монарха и, какъ они всѣ тогда уповали, преданнѣйшими его слугами!

Кто же первый пріѣхалъ ко мнѣ раздѣлить страшное мое горе? Нѣкогда жестокій, неумолимый властелинъ Дагестана и Чечни, а теперь добрый, вѣрный другъ нашъ—Шамиль! Онъ плакалъ, говоря: «вы думаете, что вы однѣ все потеряли? Я, я все съ нимъ потерялъ! Никогда уже болѣе не будетъ у меня такого друга, который бы такъ меня понялъ и такъ заботился бы обо мнѣ! До послѣдней минуты моей жизни буду я его помнить».

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Петербургъ, Шамиль и Кази-Магомъ умоляли меня заѣхать къ нимъ на дачу, такъ какъ разстояніе отъ почтовой дороги до лѣтняго мѣстопробыванія Шамя было незначительно; но я рѣшительно не была въ состояніи кого либо видѣть изъ постороннихъ... Такъ печально кончилось наше знакомство съ Шамилемъ.

ГЛАВА XX.

Присяга Шамиля. Обманутыя надежды. Мое свиданіе съ Военнымъ Министромъ. Неудачная просьба Шамиля. Мое сожалѣніе о томъ. Завѣтныя мечты Шамиля. Измѣна Кази-Магома. Приѣздъ Шамиля въ Петербургъ и визитъ ко мнѣ. Разрѣшеніе ѣхать въ Мекку. Письмо къ Великому Князю Михаилу Николаевичу. Смерть Шамиля, его женъ и дочерей. Заключение.

тысяча восемьсотъ шесть-
десять шестаго года, ав-
густа 26-го дня Шамиль
присягнулъ на вѣрнопод-
данство Россіи съ сы-
новьями: Кази-Магомомъ
и Шафи-Магоме-
томъ въ залѣ ка-
лужскаго Дворян-
скаго Собранія, въ
присутствіи Пред-
водителя Дворянства Дѣйствительнаго Статскаго Совѣт-
ника Щукина. Присяга его прошла незамѣтно для его
семьи. Некому было хлопотать о Шамилѣ, отъ чего онъ
еще больше сталъ скорбѣть о смерти моего мужа. Онъ былъ

правъ, говоря мнѣ, что никто уже болѣе не приметъ въ немъ такого теплаго участія, какъ его покойный другъ!

Никто и не зналъ его завѣтныхъ желаній; никому не рѣшился бы онъ высказать ихъ, боясь, что его не поймутъ и сочтутъ за слишкомъ самонадѣяннаго, дерзкаго илѣнника, который и такъ уже былъ достаточно щедро осыпанъ милостями Государя Императора.

По приѣздѣ моемъ въ Петербургъ я поѣхала къ Военному Министру Д. А. Милютину, котораго вниманіе и теплое участіе ко мнѣ я никогда не забуду.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Калуги, Шамиль просилъ меня передать Военному Министру его усерднѣйшую просьбу, чтобы ему дозволено было переѣхать съ семействомъ по южнѣе; хотя бы въ Казавъ, такъ какъ его женскій персоналъ не переносилъ калужскаго климата; Военный Министръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ считаетъ неудобнымъ переселеніе Шамиля въ Казань.

Во время перваго моего свиданія съ военнымъ министромъ, я была еще такъ поражена постигшимъ меня горемъ, что не имѣла силъ говорить съ нимъ продолжительно; потому не могла познакомить его ближе съ нравственными качествами Шамиля и увѣрить его въ томъ, что онъ такъ глубоко привязанъ къ Государю и такъ цѣнитъ его щедрія милости, что ничто и никто не измѣнитъ этихъ глубокихъ чувствъ.

Я жалѣла впоследствии, что, оправившись нѣсколько отъ своего горя, не поѣхала къ Д. А. Милютину и не сообщила ему о желаніяхъ Шамиля и планахъ мужа моего по случаю присяги имама; тѣмъ болѣе, что Д. А. Милютинъ спрашивалъ моего мнѣнія о томъ, что подарить Шамилю. «Не подарить ли ему портретъ Государя?» спросилъ меня Военный Министръ. Я отвѣтила, что у Шамиля есть портретъ Императора въ натуральную величину, подаренный ему лично Государемъ.

Если не ошибаюсь, то лично Шамилю не было придумано никакого подарка. Какъ видно изъ письма г. Карлгофа къ моему мужу, не легко было изобрѣсти для Шамиля такой подарокъ, который принесъ бы ему истинное удовольствіе; только такая вещь, которая напоминала бы ему ежеминутно Царя-Благодѣтеля, могла бы его утѣшить. Вообще же онъ никакихъ подарковъ не желалъ. Ему хотѣлось только одного, чтобы великодушный Монархъ Россіи зналъ и былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ отъ глубины души, всѣми своими помышленіями преданъ чувству благодарности къ Нему и полагаель, что присяга его съ сыновьями на вѣрнопопданство ихъ Русскому Императору должна служить лучшимъ и вѣрнымъ доказательствомъ этихъ высокихъ чувствъ. Онъ желалъ, чтобы всѣ сыновья его, равно и зятя, принявъ присягу на вѣрнопопданство Россіи, служили ея Монарху на ряду со всѣми вѣрнопопданными Его—вѣрой и правдой, что онъ и завѣщалъ имъ.

Полагаю, что еслибы Богу угодно было продлить жизнь моему мужу, завѣтныя желанія Шамиля исполнились бы. Онъ убѣдилъ бы Военнаго Министра въ томъ, что не только сыновья Шамиля, но и зятя его могли бы быть способными и полезными слугами своего новаго отечества и что послѣдніе не давали повода властямъ не довѣрять имъ.

Магометъ, младшій сынъ Шамиля, вѣроятно, воспитывался бы въ Пажескомъ корпусѣ по милостивому соизволенію Государя Императора.

Что касается до Кази-Магома, то полагаю, что не ошибусь, если скажу, что онъ питалъ искреннія чувства благодарности къ Царю-Благодѣтелю при насъ къ Калугѣ. Если бы онъ остался служить въ Россіи, я убѣждена, что онъ и не подумалъ бы измѣнить своей присягѣ; а служба совмѣстно съ братомъ Шафи-Магометомъ, чувства привя-

занности къ Государю, зарожденныя въ немъ со дня отъѣзда изъ Гуниба, съ каждымъ днемъ пускали бы все болѣе и болѣе глубокіе корни въ его сердцѣ. Въ такомъ случаѣ и Шамиль сѣзидилъ бы только на время въ Медину и вернулся бы въ Россію, потому что онъ не могъ надолго быть въ разлукѣ съ Кази-Магомъ. Но послѣдній, обманутый въ своихъ надеждахъ, вернувшись на родину, потерявъ отца, безумно поддался своему фанатизму.

Я не могла долго привыкнуть къ мысли, что Кази-Магомъ въ послѣднюю войну находился въ турецкихъ войскахъ!

Шамиль безукоризненно честный, прямой человѣкъ казнилъ немилосердно своихъ подданныхъ за обманъ. Любимѣйшій изъ его сыновей, въ котораго онъ вѣрилъ какъ въ милость Божию (какъ онъ самъ выражался), нарушилъ завѣтъ отца, свою клятву передъ священнымъ кораномъ; сдѣлался врагомъ Царя-Благодѣтеля и рѣшился проливать кровь вѣрноподанныхъ его, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ по присягѣ. Это ли не обманъ передъ Богомъ, передъ Царями Россіи и передъ своимъ родителемъ!

Боже мой! Если-бы Шамилю кто нибудь сказалъ, что его любимый сынъ, по смерти его, покажетъ себя измѣнникомъ Россіи, онъ считалъ бы этого человѣка за наглаго клеветника, за своего смертельнаго врага и врядъ ли пощадилъ бы его. Достаточно вспомнить, въ какую ярость, въ какое изступленіе приходилъ Шамиль, когда чувствовалъ, что приставъ его, полковникъ Пржецавскій подозрѣвалъ его въ неблагодарности къ Царю.

Ко дню свадьбы нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Шамилю дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. Однимъ изъ первыхъ его визитовъ съ сыновьями, былъ ко мнѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что

когда онъ присягалъ, у него передъ глазами былъ все время мой мужъ, ему казалось, что онъ стоитъ около него; и тогда Шамиль повторилъ мнѣ, что онъ никогда его не забудетъ.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Шамиль свидѣлся съ княземъ Барятинскимъ, который испросилъ ему у Государя дозволеніе переселиться въ Кіевъ. Въ октябрѣ 1869 года Шамиль переѣхалъ туда со всей семьей; тамъ онъ былъ порученъ коменданту крѣпости генераль-лейтенанту Новицкому. Въ Кіевѣ Шамиль прожилъ менѣе полугода.

Въ началѣ 1870 года Шамилю разрѣшено было ѣхать въ Мекку, куда онъ и отправился съ своимъ семействомъ; Кази-Магомъ проводилъ его до Одессы, откуда вернулся въ Кіевъ; русскаго проводника въ Мекку при Шамилѣ не было.

Изъ Медины Шамиль прислалъ Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу письмо слѣдующаго содержанія:

(Переводъ съ арабскаго письма Шамиля къ Его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Николаевичу, отъ 2-го Зикаде, 1287 г., изъ священнаго города Медины).

Вашму Императорскому Высочеству, желая величія и славы аминь!

Затѣмъ докладываю Высокой Вашей особѣ, что я, погруженный въ море Вашихъ благодѣяній, наслаждающійся на коврѣ Вашихъ милостей, прибылъ въ то мѣсто, посѣщеніе котораго составляло предметъ давнишняго моего желанія. Я не могу отрицать Вашихъ милостей и не могу не благословлять и не прославлять Васъ во вѣки вѣковъ; но я нынѣ одержимъ различными недугами и съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Медине, лежу въ постелѣ. Предвидится мой конецъ и является большое вѣроятіе, что скоро покину сей міръ и переселюсь на тотъ свѣтъ. Теперь поспѣшаю послать Вашему Императорскому Высочеству это письмо и покорнѣйше прошу не лишить моего семейства и моихъ дѣтей Вашего благосклоннаго вниманія, Вашего Высокаго благоволенія и Вашихъ благодѣяній послѣ моей смерти точно такъ-же,

какъ и самъ былъ удостоенъ Вами множества знаковъ подобнаго высокаго благоволенія, которое не забудется теченіемъ времени и вѣковъ.

Я, къ невыразимой моей радости, узналъ, что Вы позволили сыну моему, Кази Магомету, посѣтить меня, съ выдачею пособія. Я принялъ это извѣстіе, какъ благодать Божию къ пророку Іову, какъ рубаху Іосифа къ ослѣпленнымъ очамъ Іакова и ничѣмъ не могу отплатить Вамъ, какъ изъявленіемъ душевной моей благодарности.

Послѣдняя моя просьба къ Вашему Императорскому Высочеству состоитъ въ томъ, чтобы Вы повелѣли собрать всѣхъ членовъ моего семейства въ одно мѣсто, если меня постигнетъ смерть, дабы они не уподоблялись стаду барановъ, покинутыхъ безъ пастуха въ степи.

Подписано: больной и глубокой старецъ Шамиль.

И такъ желаніе бывшаго кавказскаго героя сбылось; онъ посѣтилъ гробницу пророка Магомета и въ своемъ священномъ городѣ кончилъ жизнь одиннадцать мѣсяцевъ спустя послѣ его выѣзда изъ Россіи; Шамиль скончался 4-го февраля 1871 года. При послѣднихъ минутахъ его было при немъ все его семейство, исключая Шафи-Магомета. Шамиль похороненъ въ Мединѣ на кладбищѣ Джаннатъ-Эм-баки.

Невольно приходитъ мысль, понесетъ-ли Шамиль въ той жизни, которую онъ теперь позналъ, наказаніе за тѣ многочисленныя убійства, которыя были совершены по его волѣ? Винавать-ли онъ, что его вѣра застлала ему путь, указанный намъ Спасителемъ? Не одинъ-ли онъ изъ тѣхъ, которые не вѣдали, что творили и за которыхъ молился самъ Господь? Но этой доброй почвѣ, богатой нравственными стремленіями, недоставало только свѣта христіанскаго ученія, чтобы принести обильные плоды.

Знакомыя мнѣ жены Шамиля: Шуаната и Зайдата также переселились въ лучшую жизнь.

Зайдата умерла три мѣсяца послѣ Шамиля въ Таифѣ (близъ Мекки) и похоронена въ Меккѣ.

Шуаната пережила мужа шестью годами; умерла въ Константинополѣ; тамъ и похоронена.

Умерли также дочери Шамиля: Наджавать, Софіать и Фатимать. И такъ весь женскій персоналъ Шамиля, который я посѣщала въ Калугѣ, переселился въ вѣчность.

Кази-Магометъ не выѣзжалъ изъ Мекки послѣ смерти отца. Младшій братъ его. Магометъ, находится при немъ.

Многимъ покажется исторія Шамиля съ полковникомъ Пржецлавскихъ не интересною. Можетъ быть, и безразлично, былъ-ли Шамиль доволенъ, живя въ Калугѣ, или нѣтъ. Любовь и преданность Шамиля Русскому Царю также не нужна! Милліоны его подданныхъ возносятъ ежедневно горячія молитвы къ Богу за него. Но Царь обѣщаль Шамилю, что онъ будетъ спокоенъ и доволенъ, живя въ Россіи и не будетъ раскаяваться въ томъ, что покорился ей! Русский Царь не желаетъ обиды ни одному изъ своихъ вѣрноподданныхъ; тѣмъ болѣе, если этотъ вѣрноподданный преданъ ему всей душой! Поэтому, я скажу: «Слава Богу, что наше Правительство подробно изслѣдовало дѣло Шамиля съ полковникомъ Пржецлавскимъ и не допустило его пострадать невинно. Воля Царя исполнена вполне. Шамиль умеръ, благословляя Россію и молясь за ея великодушнаго Монарха».

Но честное имя Шамиля живетъ еще въ двухъ его сыновьяхъ. Если младшій сынъ его, Магометъ, похожъ нравственными качествами на отца и помнить его, то стоитъ ему прочесть письмо Шамиля къ Государю Императору, предшествовавшее его присягѣ, чтобы пожелать исполнить его завѣтъ и этимъ нѣсколько загладить нечестный поступокъ старшаго брата.

Шафи-Магометъ служить въ Россіи; да унаслѣдуетъ онъ отъ отца преданность его ея Государямъ; да стремится онъ доказать на дѣлѣ вѣрной службой Царственному сыну своего Царя-Благодѣтеля, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, что завѣтъ отца онъ помнитъ и свято хранить его въ своемъ сердцѣ.

М. Чичагова.

Часть тиража распространяется бесплатно
в благотворительных целях

Художник Е. Г. Капустянский

Подписано в печать 5.02.91. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная № 1. Печать
офсетная. Усл.-печ. л. 13,0. Уч. изд. л. 9,23. Тираж 100 000 экз. Заказ 5927.
Цена 12 р.

Репринтное издание подготовил Коммерческо-производственный центр «Тонар»
Советского фонда милосердия и здоровья. 117321, Москва, ул. Бултерова, 176.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Миинформпечати
РСФСР. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.